

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 8 (17)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 8 (17)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2016

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чую, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолгыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мешеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД РФ), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Ю.Г. Бит-Юнан, канд. филол. н. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ)

ISSN 2073-6355

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>Ю.Г. Бит-Юнан, Д.О. Пащенко</i> Протестное письмо в «Литературной газете» как форма управления советским литературным процессом	9
<i>А.С. Митюшова</i> Конфликт интересов: мемуары С.И. Аллилуевой и хроника Е.С. Гинзбург в оценке англоязычной критики 1967 г.	22
<i>Д.В. Бурыгин</i> Из истории русской эмигрантской журналистики середины XX в.: Джордж Кеннан и «Новый журнал»	36
<i>А.А. Жеребнов</i> Полемика между журналами «Благонамеренный» и «Московский телеграф» в литературном контексте 1810–1820-х годов ...	42
<i>Д.В. Варламова</i> К полемике о женском вопросе во второй трети XIX в.: журнал Ф.М. и М.М. Достоевских «Время»	45
<i>Д.А. Щербаков</i> Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке публицистики и критики 1860-х годов	50
<i>Е.Л. Яворская</i> Одесские журналисты в Опродкомгубе в 1920–1922 гг.: по материалам ГАОО	54
<i>Е.В. Бродская</i> Фильм Р.А. Быкова «Айболит-66» в советской прессе: к истории восприятия детского кино в СССР	61

Проблемы теории журналистики

<i>Н.Я. Макарова</i> Формы взаимодействия с выпускниками в системе журналистского образования	76
---	----

В.И. Ярных

Оценка качества образования на факультете журналистики как фактор глобальной конкуренции	84
---	----

История публицистики. Риторика

Н.Ю. Казакова

К осмыслению публицистического пласта романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: Петр Верховенский как архетип	92
---	----

М.Л. Спивак

Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов в политической публицистике А.А. Блока и его современников	102
--	-----

Н.М. Токарева

Публицистическая компонента в средневековой испанской «Поэме о Фернанде Гонсалесе»	119
---	-----

Язык СМИ

О.М. Афанасьева

Аксиологическая модальность публицистического текста: на материале бюллетеней И.А. Ильина «Наши задачи»	124
--	-----

Н.А. Сацирова

Проблема эффективности речевых тактик журналиста в телевизионном интервью: на материале канала «Москва 24»	131
---	-----

Библиография

М.П. Одесский

Рецензия на книгу: <i>Fitzsimons E. Wilde's women: How Oscar Wilde was shaped by the women he knew.</i> New York; London: Overlook Duckworth, 2016. 372 p.	137
--	-----

Хроника

VIII Международная конференция «Текстология и эдиционная практика» в Институте массмедиа РГГУ (30 марта 2016 г.)	140
Abstracts	142
Сведения об авторах	149

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

- Yu. Bit-Yunan, D.O. Pashchenko*
A letter of protest in the “Literaturnaya gazeta”
as a way to control soviet literature process 9
- A.S. Mityushova*
A collision of interests. S. Alliluyeva’s memoirs
and E. Ginzburg’s chronicle in English language reviews of 1967 22
- D.V. Burygin*
From the history of the Russian emigrant journalism
of the mid-twentieth century: George Kennan and «The new review» 36
- A.A. Zherebnov*
Magazine controversy between the magazines “Blagonamerennyi”
and “Moscow Telegraph” in the literary context of the 1810s–1820s 42
- D.V. Varlamova*
Towards a debate on the women’s issue in the XIX century:
the magazine of F. and M. Dostoevsky “Vremya” 45
- D.A. Scherbakov*
The novel “What is to be done?” by Nikolai Chernyshevsky
in the assessment of publicists and critics of 1860s 50
- E.L. Yavorskaya*
Odessa journalists in Oprodkomgub in 1920–1922:
following materials of the State Archive of Odessa Region 54
- E.V. Brodskaya*
Review of Rolan Bykov’s film “Aybolit-66” in the Soviet mass-media:
some remarks on perception of movies for children in the USSR 61

Issues of the Theory of Journalism

- N.Ya. Makarova*
Forms of interaction with alumni in the system
of journalism education 76

V.I. Yarnykh

Educational quality evaluation at the Faculty of Journalism as global competition factor 84

History of Publicism. Rhetoric

N.Yu. Kazakova

Towards a comprehending of the journalistic sense of F.M. Dostoevsky’s “DEMONS”: Petr Verkhovensky as an archetype 92

M.L. Spivak

The last minister of internal affairs A.D. Protopopov in political writings of A. Blok and his contemporaries 102

N.M. Tokareva

Publicism in the Spanish medieval writing “The poem of Fernan Gonzales” 119

Language of Mass Media

O.M. Afanasyeva

Axiological modality of journalistic texts: following Ivan Ilyin bulletins “Our Mission” 124

N.A. Satsirova

The issue of reporters effective speech tactics in a televised interview: based on the channel “Moscow 24” 131

Books in Review

M.P. Odesskiy

Review on the book: *Fitzsimons E. Wilde’s women: How Oscar Wilde was shaped by the women he knew.* New York; London: Overlook Duckworth; 2016. 372 p. 137

Actual events

VIIIth International conference “Textology and editorial practice”. RSUH, Institute of Massmedia (30 March 2016) 140

Abstracts 142

General data about the authors 149

История журналистики и литературной критики

Ю.Г. Бит-Юнан, Д.О. Пащенко

Протестное письмо в «Литературной газете» как форма управления советским литературным процессом

Авторы статьи выявляют прагматику публикации протестного письма В.Т. Шаламова, опубликованного «Литературной газетой» в феврале 1972 г. Анализируя материалы эмигрантской периодической печати, они также устанавливают причины, в силу которых знакомые Шаламова осудили его за этот поступок и репутация писателя существенно пострадала.

Ключевые слова: В.Т. Шаламов, В.Н. Войнович, В.С. Гроссман, «Колымские рассказы», «Литературная газета», «Новый журнал», «Посев», «Грани»

В.Т. Шаламов современному читателю известен преимущественно как создатель «Колымских рассказов», однако в советской литературной парадигме не было Шаламова-прозаика – был только Шаламов-поэт, чьи стихотворные сборники публиковались в 1961–1977 гг.¹ Добиться публикации «Колымских рассказов» при жизни Шаламов не смог. Он отнес рукопись на рассмотрение в редакцию «Нового мира» вскоре после появления в нем «Одного дня Ивана Денисовича», однако ему отказали: лагерная проза Шаламова оказалась далеко за гранью допустимого, установленной солженицынской повестью².

Впервые на родине автора «Колымские рассказы» были опубликованы только в 1988 г., через 6 лет после его смерти³. Однако было бы неправильно сказать, что при его жизни эти сочинения не публиковались вовсе. С 1966 г. «Колымские рассказы» печатались в американском эмигрантском «Новом журнале»⁴, также они появились в немецких эмигрантских журналах «Посев»⁵ и «Грани»⁶.

В СССР об этом знали лишь немногие находившие возможность читать тамиздаговскую продукцию. Однако 23 февраля 1972 г. в «Литературной газете» о нелегальной публикации «Колымских рассказов» в антисоветской эмигрантской прессе заявил сам автор, причем в гневном тоне:

Считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветскими журналами «Посев» или «Новый журнал», а также и с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность.

<...>

Ни один уважающий себя советский писатель не уронит своего достоинства, не запятнает чести публикацией в этом зловонном антисоветском листке своих произведений.

Все сказанное относится к любым белогвардейским изданиям за границей. Зачем же им понадобился я в свои шестьдесят пять лет?

Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся!⁷

Прагматика этого письма кажется вполне прозрачной. Шаламов был разозлен тем, что, по его собственному заявлению, рассказы были напечатаны без его ведома и согласия. Это, безусловно, создавало ему, советскому поэту, репутационные проблемы. Он, безусловно, не был одним из самых успешных и плодовитых авторов, но все же его печатали – у него было имя и место в советской литературе. Кроме того, Шаламов отнюдь не был богат и мог лишиться возможности зарабатывать на жизнь литературным трудом в СССР. За зарубежные же публикации писатель, по утверждению наиболее авторитетного исследователя его жизни и творчества В.В. Есипова, не получил «ни копейки»⁸. По воспоминаниям ближайшей подруги и хранителя шаламовского архива И.П. Сиротинской, Шаламов был убежден, что работа писателя всегда должна оплачиваться. Однажды он заявил ей: «Если слава придет ко мне без денег, я выгону ее за дверь»⁹. И уже позже, когда Шаламов находился в доме престарелых, ощутив вышедший в лондонском издательстве “Overseas Publications” сборник своих рассказов, единственное, что он сказал: «Но ведь должны быть деньги»¹⁰.

Иначе говоря, Шаламова нетрудно было бы понять. Оскорбленный писатель пытался обезопасить свою репутацию, однако

именно последнего ему и не удалось добиться. В дневнике советского драматурга и киносценариста А.К. Гладкова записано, что в начале марта 1972 г. он говорил с писателем А.Н. Рыбаковым, и тот осудил Шаламова за слабость. Фрагменты дневника печатаются журналами «Новый мир» и «Знамя»¹¹; эпизоды, посвященные Шаламову, уже размещены на сайте Shalakov.ru отечественным литературоведом М.Ю. Михеевым¹². Известный историк М.Я. Геллер, находившийся тогда уже в эмиграции, также оставил нелестный отзыв о поступке Шаламова в польском журнале «Культура» летом 1972 г. Позднее его статьи были включены в сборник «Российские заметки: 1969–1979»¹³. Но наиболее категоричным был А.И. Солженицын, высказавшийся от лица всех противников Советского Союза на страницах «Архипелага ГУЛаг»: «Отречение было напечатано в траурной рамке, и так мы поняли все, что – умер Шаламов»¹⁴. Замечание это было сделано оперативно – в 1972 г.

Однако для Шаламова самым болезненным, вероятно, было то, что в нем глубоко разочаровалась Сиротинская. В мемуарах 2006 г. «Мой друг Варлам Шаламов» она призналась: «Для меня это было крушением героя»¹⁵.

В данной статье предпринимается попытка объяснить, чем именно была вызвана столь острая реакция знавших Шаламова лично и заочно.

* * *

Почти сразу после публикации протестного письма редакция «Посева» решила принять «симметричные меры» и опубликовала редакционное обращение к руководству «Литературной газеты». Эмигранты выражали недовольство тем, что письмо их руководителя Л.А. Рара, направленное в «Литературную газету», не было там опубликовано (хотя полагать, что «Литературная газета» вступает в полемику с «Посевом», было по меньшей мере странно). Там же говорилось и о том, почему письмо Шаламова, с их точки зрения, появилось именно теперь, по прошествии пяти лет после начала публикации «Колымских рассказов» в «Посеве»:

Ясно, что это – один из элементов общей кампании нажима на писателей, попытка лишить их отвоєванного уже права печататься в Самиздате и за границей. Мы знаем о кампании против Солженицына и Галича, слышим о давлении на Максимова. Мы утверждаем: когда поддается давлению один, положение других становится более трудным¹⁶.

О каком именно отвоёванном писателями праве на публикацию в самиздате и тамиздате шла речь, не сообщалось. Само по себе высказывание это звучало весьма странно, ведь Ю.М. Даниэль и А.Д. Синявский только недавно вышли из тюрьмы, где оказались в 1966 г. именно потому, что позволили себе публиковаться за границей под псевдонимом. В начале 1967 г. фигурантами уголовного процесса стали составители и авторы сборника «Феникс 1966»: А.И. Гинзбург, А.Т. Галансков, А.А. Добровольский, В.И. Лашкова¹⁷. Если же речь шла о публикациях через «Иностранную книгу», то тут слова делом не подкреплялись. Друг Шаламова М.Н. Авербах пытался вести переговоры с «Иностранной книгой», однако результата не добился, о чем писал Шаламову 8 октября 1968 г.: «Не пустили, ответила секретарь: “Видите ли: СССР не имеет никаких договоров с зарубежными странами об охране авторских прав. Поэтому мы ничего абсолютно сделать не можем...”»¹⁸. И с этим действительно невозможно было поспорить. СССР присоединился к Женевской конвенции только 27 июня 1973 г.

Поэтому единственным серьезным аргументом было то обстоятельство, что письмо появилось формально с большим опозданием – писать надо было раньше, а фактически – в самое удобное для СП СССР время. Упомянутый в предисловии А.А. Галич был исключен из СП СССР в 1971 г., формальным поводом, кстати, послужило то, что двумя годами ранее в «Посеве» вышел сборник его стихотворений¹⁹. Конфликт Солженицына с руководством СП шел не первый год (и закончился высылкой Солженицына в 1974 г.), против В.Е. Максимова действительно велась кампания, поскольку его роман «Семь дней творения», запрещенный к публикации в СССР, попал сначала в самиздат, а потом и в тамиздат²⁰. Позже, в 1973 г., то же произошло и с романом «Карантин»²¹, после чего Максимов был исключен из СП СССР, а в 1974 г. эмигрировал во Францию (там, впрочем, его карьера пошла в гору: он основал крупнейший европейский литературно-критический журнал «Континент»).

В письме же Шаламова были однозначно охарактеризованы и представители эмиграции, и их издания, и те, кто с эмигрантами сотрудничает. Следовательно, оставалось всего два варианта: либо Шаламов специально выгадывал время, чтобы нанести удар по репутации эмигрантов внешних и внутренних, либо его попросили написать это письмо. Однако заподозрить Шаламова в злом умысле никто бы не решился: это противоречило его образу. Следовательно, оставалась вторая версия. Можно было бы предположить, что Шаламов не знал о заграничных публикациях, но такое

предположение опровергается документально. В августе 1967 г. в парижской эмигрантской газете «Русская мысль» была опубликована рецензия поэта и авторитетнейшего литературного критика Г.В. Адамовича на шаламовский стихотворный сборник «Дорога и судьба». Упоминались в ней и «Колымские рассказы»:

Едва ли кто-нибудь из читавших «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, – не так давно помещенные без ведома автора в двух книжках «Нового журнала», – в состоянии их забыть. На мой взгляд, они страшнее и ужаснее, чем прогремевший на весь свет «Один день Ивана Денисовича», и появившись эти короткие наброски не в эмигрантском, а в советском издании, они вызвали бы, вероятно, не меньше шума и толков²².

Это был первый в эмигрантской прессе отзыв о «Колымских рассказах». И, по словам литературоведа О.Н. Михайлова, в том же 1967 году он отправил его Шаламову почтой²³. В ответном письме от 22 декабря 1967 г. Шаламов благодарил Михайлова за приложенную рецензию Адамовича, а в корреспонденции от 2 февраля 1968 г. писал, что эта рецензия «умна, значительна, сердечна. И – раскованна»²⁴. Следовательно, версия о неосведомленности Шаламова отпадает.

Под общередакционным обращением «Посева» было напечатано открытое письмо Л.А. Рара к дирекции «Литературной газеты». Он обращал внимание читателей преимущественно на библиографические неточности и стилистические особенности шаламовского письма:

Если автор письма действительно уже давно и хорошо знаком с «Посевом», то он должен был заметить, что рассказы Варлама Шаламова мы печатали всего один-единственный раз, в выпуске от 7 января 1967 года («Почерк» и «Калигула»).

<...>

Первый напечатанный нами рассказ Варлама Шаламова (а таким образом и вообще первый напечатанный его рассказ, ибо в России его проза не печатается) назывался «Почерк». И мы обратили внимание именно на почерк опубликованного Вами «письма в редакцию», под которым стоит подпись Варлама Шаламова. Необходимо отметить, что почерк этот совсем не тот!²⁵

С библиографической точки зрения письмо Рара неидеально. Первые рассказы Шаламова появились в советской периодике еще в 1930-х годах²⁶. В 1965 г. в журнале «Сельская молодежь» был

помещен рассказ «Стланик», принадлежащий к «колымскому циклу»²⁷. И со следующего, 1966 года «Колымские рассказы» печатались в эмигрантском «Новом журнале»²⁸. Поэтому редакторы «Посева» никак не могли назвать себя первыми публикаторами Шаламова. Также стоит отметить, что громкое заявление Рара, будто бы «почерк этот совсем не тот», не более чем художественный образ. В «Литературной газете» была опубликована не фотография рукописи, а текст, набранный в типографии. Поэтому почерковедческого заключения Рар вынести не мог.

Однако есть в его обращении и обоснованные претензии. Рассказы Шаламова действительно в «Посеве» регулярно не публиковались. Продолжающейся была публикация в «Новом журнале». И хоть это и было слабым аргументом, все-таки можно было предположить, что подписавший письмо своей тамиздатовской библиографии досконально не знал и просто доверился чужому мнению.

Впрочем, обращение Рара было, по сути, лишь подготовкой к серьезному и открытому разговору. Далее приводились еще два открытых письма к Шаламову. Первое, озаглавленное «Последний страшный рассказ», было якобы написано неким другом Шаламова, взявшим псевдоним «Бродячий актер»²⁹. Помимо театральной позы (в прямом и переносном смысле этого выражения), в таком именовании была определенная логика. По свидетельству самого «Бродячего актера», с Шаламовым он познакомился «за кулисами лагерного театра», поэтому сам Шаламов без труда узнал бы адресанта. Догадался бы, кто он такой, «по когтям» автора и КГБ. И все же, по убеждению редакции «Посева», личности «Бродячего актера» раскрывать не стоило.

Псевдоним явно отсылал к рассказу Шаламова «Эсперанто», одного из героев которого Шаламов сам называл «бродячим актером»³⁰. Власти сочли его опасным и осудили на каторжные работы, поскольку он владел эсперанто. По предположению исследователя жизни и творчества Шаламова Д. Нича, прообразом героя рассказа и автором письма в «Посев» мог быть Н.Н. Рытьков – советский актер, член общества эсперантистов, отбывавший заключение в исправительно-трудовом лагере в то же время, что и Шаламов. Впоследствии он бежал из СССР и устроился диктором на Русскую службу Би-би-си³¹.

«Бродячий актер» называет Шаламова талантливым, но очень жестоким и мрачным прозаиком. Именно его пессимизм не позволяет ему подняться на один уровень с «живым классиком» эмигрантов – Солженицыным.

«Бродячий актер» также упоминает автора мемуаров «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург (первый том публиковался журналом «Грани» в 1967 – 1968 гг.³²) и советского диссидента А.Т. Марченко. Последний поведал самиздатовской, а впоследствии и тамиздатовской аудитории о советских политических лагерях и тюрьмах в опубликованных в 1969 г. воспоминаниях «Мои показания»³³. Упоминает «Бродячий актер» и некоего Л. Гроссмана, который, по его определению, «стоит особняком» и пишет о лагерях «удивительно верно», хотя и чувствуется, что «с чужих слов». Никакого Л. Гроссмана, писавшего о лагерях нам тем не менее в советской литературе обнаружить не удалось. Вероятно, все же имеется в виду В.С. Гроссман, писавший о лагерях как в романе «Жизнь и судьба», так и в повести «Все течет...». И писал он действительно с чужих слов, поскольку сам в них не был.

Но самый «страшный рассказ» Шаламова, по словам «Бродячего актера», появился только в 1972 г. – и назывался он «Письмо в редакцию». Письмо это настолько шокировало «Бродячего актера», что тот так и «ахнул». И тут же ему невольно подумалось: «Да что ему (опять!) пальцы дверью прищемили? Ни один писатель Самиздата – коль скоро его не печатают дома – не “отмежевался” от своих произведений, появившихся в тамиздате “без ведома и согласия автора”». Фраза «(опять!) пальцы дверью прищемили» служила прозрачным намеком на обстоятельства «написания» протестного письма, поскольку явно отсылала к особенностям советской следственной процедуры после августа 1937 г., когда следователям было позволено бить заключенных. Затем от намеков «Бродячий актер» и вовсе отказывается: «Явно ощущается все же, что Шаламов только соавтор этого письма. Небось, махнул своей костлявой, дрожащей рукой: Э! чем хуже, тем лучше... Люди поймут и простят меня шестидесятипятилетнего инвалида. Неужели не почувствуют, что этот “протест” у меня вырвали?»

Вероятно, предполагалось, что подобное письмо может быть написано в резком тоне, ведь гнев адресанта был праведным: он осуждал отступника. К тому же «Бродячий актер» предположил, что на Шаламова не только давили: «Со временем станет известно, как добились своего организаторы этого письма. Наверно, действовали пряником, а больше – кнутом. Могли так или иначе сыграть на близких людях старика. Это они умеют...»

Разочарование «Бродячего актера» было тем более горьким, что, подписав письмо, Шаламов будто продемонстрировал и легальным, и нелегальным своим читателям готовность закрыть глаза на жестокое прошлое России: «Самое чудовищное в этом самоот-

речении писателя утверждение, будто “проблематика ‘Колымских рассказов’ давно снята жизнью”. Ох, если бы!». Упрек этот вполне предсказуемый. Действия Шаламова развеивали образ мученика, едва не погибшего в сталинских лагерях, и противоречили естественной для русской культуры вере, что человек искусства выше всего должен ценить свой труд. И ради его сохранения для потомков должен преодолевать любые невзгоды.

В том же номере было напечатано еще одно открытое письмо, его автором был некий С. Горянов, личность которого до сих пор не удалось установить³⁴. Как и «Бродячий актер», он был уверен, что Шаламова вынудили выступить против «Посева» и, подобно Рару, отказывался верить в то, что письмо было написано самим Шаламовым. Однако в отличие от «Бродячего актера», прозрачно намекавшего на то, что история с письмом – это акция КГБ, Горянов решил снять все эвфемизмы и написать об этом настолько прямолинейно, насколько позволял жанр открытого письма:

Трудно поверить, что Вы могли написать подобный пасквиль или хотя бы дать согласие на его опубликование. Суконный язык, словно бы из райкинских скетчей, неумная злоба и беспардонная ложь с головою выдают подлинных авторов.

<...>

Замысел кагебистской провокации по отношению к Вам прост: показать, что поэт Шаламов, «человек трудной судьбы», потерявший здоровье и годы жизни в сталинских лагерях, не в пример иным «упрямым» собратьям по перу, дорожит своей честью советского писателя и гневно клеймит происки закордонных идеологических диверсантов. Или, говоря поглубей и попроще: показать, что Шаламов ссучился.

Упоминание о возрасте и болезни Шаламова здесь не более чем обязательная формальность. Адресант демонстрирует, что любые обстоятельства, которые можно было бы считать смягчающими вину отступника, не имеют силы и не искупают вины Шаламова перед диссидентским сообществом:

Но рядом с Вами живет академик Сахаров, презревший покой и почести, ставший адвокатом рабов, героев и молчаливников.

Но из психотюрем и спецлагерей доходят до нас голоса Буковского, Григоренко, Галанскова...

Можно ли сопоставить судьбу Шаламова с судьбой Сахарова, Буковского, Григоренко и Галанскова – отдельный вопрос. Важно

другое. Именно в письме Горянова Шаламову открыто предъявлено то обвинение, на которое могли только намекать его товарищи в СССР. Автор «Колымских рассказов» либо отступил под натиском КГБ, либо заключил с ним сделку. Пошел навстречу тем, кто посадил его в общей сложности почти на 17 лет (1929–1931, 1937–1951 гг.), разлучил с семьей и лишил здоровья. Иначе не объяснить, почему письмо появилось через пять лет после первой и последней публикации в «Посеве». Горянов, кстати, на это обстоятельство также указывал: «“Посев” <...> напечатал только два Ваших рассказа в одном номере, да и то пять лет тому назад». Поэтому история создания и публикации протестного письма Шаламова стала очень сложным и болезненным вопросом.

Неизвестно, к чему больше склонялись эмигранты, однако шаламовское окружение не сомневалось в том, что письмо в «Литературную газету» было компромиссом. Об этом писали упомянутые выше Сиротинская и Гладков.

Приводим выдержку из мемуаров Сиротинской:

Книжку «Московские облака» никак не сдавали в печать. Варлам Тихонович бегал и советовался в «Юность» – к Б. Полевому и Н. Злотникову, в «Литгазету» к Н. Мармерштейну, в «Советский писатель» – к В. Фогельсону. Приходил издерганный, злой и отчаявшийся. «Я в списках. Надо писать письмо». Я сказала: «Не надо. Это – потерять лицо. Не надо. Я чувствую всей душой – не надо».

Через несколько дней Сиротинская увидела на столе Шаламова черновик письма, потом в «Литературной газете» появилась его окончательная редакция. «А книжка “Московские облака” была сдана в набор 17 апреля 1972 года», – завершает рассказ Сиротинская³⁵.

Такую же связь прослеживал и Гладков:

23 фев. Сегодня в «Лит. газете» письмо в редакцию В. Шаламова. А только вчера я послал ему записку с предложением встретиться в воскресенье. Любопытно, что заставило его так написать? Беспочинно это не делается. Он не член Союза и там давление на него оказать вряд ли могли. Но его книжка стихов в плане «Сов. пис.». И все же меня это письмо удивило. В нем говорится, что «проблематика “Колымских рассказов” снята жизнью».

<...>

29 июля. Прочитал в «Книжном обозрении», что вышла новая книжка стихов В. Шаламова «Московские облака». Это точно сработало его письмо³⁶.

Действительно, сборник «Московские облака» был сдан в набор 17 апреля и подписан к печати 29 мая 1972 г.³⁷ Учитывая свидетельства Сиротинской и Гладкова, трудно признать такое совпадение случайным.

Есть, впрочем, еще одно доказательство, что эта операция проходила при участии органов госбезопасности.

Двумя годами ранее схожая ситуация произошла с В.Н. Войновичем. Первая часть его романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» была опубликована в «Гранях» с пояснением, что рукопись рассматривалась редакцией «Нового мира», но так и не была там напечатана, а вместо того появилась в самиздате³⁸.

А в 1970 г. в «Литературной газете» появилось письмо-опровержение Войновича, некоторые речевые обороты которого буквально совпадали с формулировками в шаламовском письме³⁹. Так, письмо Войновича начиналось со слов: «Мне стало известно, что издающийся в ФРГ антисоветский журнал “Грани”...». Первое предложение письма Шаламова было практически таким же: «Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке “Посев”...». Этим сходства не ограничиваются. Для характеристики целей, которые якобы преследует редакция «Граней», в письме Войновича использованы резко негативные эпитеты: «Я глубоко возмущен гангстерской акцией этого так называемого журнала, преследующего *грязные* и явно *провокационные цели*». Точно такая же лексика обнаруживается в письме Шаламова: «Я отдаю себе полный отчет в том, какие *грязные цели* преследуют подобными издательскими маневрами господ из “Посева”... <...> Эти господа <...> идут на любую *провокацию*...». Трудно поверить, что два столь разных писателя могли написать письма с одинаковыми клише.

В автобиографическом сочинении «Автопортрет: роман моей жизни» Войнович описал историю появления этого письма. Вскоре после публикации в «Гранях» секретарь СП СССР генерал-лейтенант В.Н. Ильин вызвал к себе Войновича и сказал, что следует ответить антисоветчикам. Войновичу было практически не на что жить, поэтому он согласился:

Пишу приблизительно так: «Мне стало известно, что журнал “Грани” напечатал небольшую часть моего незаконченного романа, на что я никому не давал разрешения. Я протестую». Ильин пошевелил губами, взял авторучку и перед словом «журнал» вписал эпитеты: «антисоветский, так называемый» и еще что-то о грязной политике-

ской провокации. Я говорю, что это не пойдет. Он тут же согласился: вычеркиваем. Вычеркнули. Я подписал. Ильин доволен:

– Хотите яблочка?

– Нет, спасибо.

Через неделю «Литературка» мой протест опубликовала. В версии Ильина. Со всеми его словами: «так называемый» и «грязная провокация». Так что автором по крайней мере половины слов является он. Но протестовать против этого бесполезно и негде. Разве что в тех же «Гранях»⁴⁰.

Отметим тем не менее, что с советской властью у Войновича отношения наладились лишь на короткое время. Уже через два года его отношения с руководством СП СССР снова обострились⁴¹. Кончилось все тем, что в 1980 г. он был выслан из СССР и вскоре лишен советского гражданства. Однако важно другое. В определенном смысле Рар и Горянов были правы. Почерк шаламовского письма действительно был не тот. Видимо, у Шаламова, как и у Войновича, был незванный соавтор – и это тоже играло против автора «Колымских рассказов».

* * *

Частные случаи очень часто отражают некий принцип. И, видимо, пример Шаламова – лишнее тому подтверждение. К концу 1960 – началу 1970-х годов в СССР был отлажен механизм воздействия на близких к диссидентству или уже перешедших эту черту писателей. Иногда кнутом – задерживая публикации и лишая таким образом писателя денег, а иногда и пряником – обеспечивая публикацию и гарантируя хотя бы временное безбедное существование – ЦК КПСС мог контролировать действия литераторов. Посредником при этом часто становились Комитет госбезопасности и Союз советских писателей. Таким образом, решалась важнейшая задача подчинения писателя государству, что было особенно важно в эпоху появления самиздата и тамиздата, открывавших перед литераторами возможности нелегальной публикации и дополнительных не контролируемых государством доходов. Альтернативой неподчинения могла быть эмиграция, лишавшая писателя доступа к основной русскоязычной аудитории, а также высокого легального заработка. Бюджет эмигрантских издательств все же невозможно было сравнить с бюджетом издательств советских. Однако особенности функционирования подобного механизма еще не описаны – это тема отдельного серьезного исследования.

Важно при этом отметить, что публикация протестного письма, целью которого было восстановление честного имени советского писателя, неизбежно приводила к репутационным потерям иного рода. Однако затрагивало это исключительно самого автора и издание, против которого он выступал. Неприкосновенной оставалась лишь репутация советской прессы, поддержавшей оскорбленного литератора и предоставившей ему возможность высказаться.

Примечания

- ¹ *Шаламов В.Т.* Огниво. М.: Советский писатель, 1961; *Он же.* Шелест листьев. М.: Советский писатель, 1964; *Он же.* Дорога и судьба. М.: Советский писатель, 1967; *Он же.* Московские облака. М.: Советский писатель, 1972; *Он же.* Точка кипения. М.: Советский писатель, 1977.
- ² *Есипов В.В.* Шаламов. М., 2012. С. 245–250.
- ³ *Шаламов В.Т.* Проза, стихи // Новый мир. 1988. № 6. С. 106–151.
- ⁴ См., например: *Шаламов В.Т.* Колымские рассказы // Новый журнал. 1966. № 85. С. 5–34; *Он же.* Колымские рассказы // Там же. 1968. № 91. С. 5–23; *Он же.* Колымские рассказы // Там же. 1969. № 96. С. 31–44.
- ⁵ *Шаламов В.Т.* Калигула; Почерк // Посев. 1967. № 1. С. 3–4.
- ⁶ *Шаламов В.Т.* Рассказы // Грани. 1970. № 76. С. 16–83; *Он же.* Рассказы // Там же. 1970. № 77. С. 15–48.
- ⁷ *Шаламов В.Т.* В редакцию «Литературной газеты» // Лит. газ. 1972. 23 февр.
- ⁸ *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 295.
- ⁹ *Сиротинская И.П.* Долгие, долгие годы бесед // Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М., 2006. С. 31.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ *Гладков А.К.* Дневник // Новый мир. 2014. № 1. С. 142–161; № 2. С. 127–161; № 3. С. 133–167; № 10. С. 141–168; № 11. С. 129–148; Новый мир. 2015. № 5. С. 139–170; № 6. С. 131–155; *Он же.* Дневниковые записи: 1971 год // Знамя. 2015. № 5. С. 157–176; № 6. С. 136–159; *Он же.* Дневниковые записи: 1972 год // Знамя. 2016. № 3. С. 152–175.
- ¹² См.: *Михеев М.Ю.* Одержимый правдой: Варлам Шаламов – по дневникам Александра Гладкова. [Электронный ресурс] URL: <http://shalamov.ru/research/215/> (дата обращения: 30.03.2016).
- ¹³ *Геллер М.Я.* Российские заметки: 1969–1979. М.: МИК, 1999. С. 144–145.
- ¹⁴ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. 3, 4. Paris: YMCA-PRESS, 1974. С. 610.
- ¹⁵ *Сиротинская И.П.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶ Не тот почерк // Посев. 1972. № 4. С. 9.

- ¹⁷ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С.* Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана // Вестн. РГГУ. 2015. № 5. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. С. 61–72.
- ¹⁸ Цит. по: *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 294.
- ¹⁹ *Галич А.А.* Песни. Франкфурт н/М.: Посев, 1969.
- ²⁰ *Максимов В.Е.* Семь дней творения. Франкфурт н/М.: Посев, 1971.
- ²¹ *Максимов В.Е.* Карантин. Франкфурт н/М.: Посев, 1973.
- ²² *Адамович Г.В.* Стихи автора «Колымских рассказов» // Русская мысль. 1967. 24 авг.
- ²³ См.: *Михайлов О.Н.* В Круге девятом: Варлам Шаламов // Слово. 2003. 14 марта.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Рар Л.А.* Ответ «Литературной газете» // Посев. 1972. № 4. С. 9–10.
- ²⁶ См., например: *Шаламов В.Т.* Три смерти доктора Аустино // Октябрь. 1936. № 1. С. 127–129; *Он же.* Возвращение // Вокруг света. 1936. № 12. С. 6–8.
- ²⁷ *Шаламов В.Т.* Стланик // Сельская молодежь. 1965. № 3. С. 2–3.
- ²⁸ *Шаламов В.Т.* Колымские рассказы // Новый журнал. 1966. № 85. С. 5–34.
- ²⁹ *Бродячий актер.* Последний страшный рассказ // Посев. 1972. № 4. С. 10.
- ³⁰ *Шаламов В.Т.* Эсперанто // Грани. 1970. № 76. С. 16–22.
- ³¹ Варлам Шаламов в свидетельствах современников: Сб. / Сост. Д. Нич. Личное издание, 2014. С. 1049. [Электронный ресурс] URL: http://imwerden.de/pdf/shalamov_v_svidetelstvakh_sovremennikov_5_izd_2014.pdf (дата обращения: 30.03.2016).
- ³² *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81–111; № 65. С. 51–99; № 66. С. 45–149; 1968. № 67. С. 71–88; № 68. С. 9–100.
- ³³ *Марченко А.Т.* Мои показания. Франкфурт н/М.: Посев, 1969.
- ³⁴ *Горянов С.* Под письмом стоит ваша подпись // Посев. 1972. № 4. С. 10–11.
- ³⁵ *Сиротинская И.П.* Указ. соч. С. 42–43.
- ³⁶ Цит. по: *Михеев М.Ю.* Указ. соч.
- ³⁷ *Шаламов В.Т.* Московские облака. М.: Советский писатель, 1972. С. 128.
- ³⁸ *Войнович В.Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот: В 5 ч. Ч. 1 // Грани. 1969. № 72. С. 3–83.
- ³⁹ *Войнович В.Н.* В редакцию «Литературной газеты» // Лит. газ. 1970. 14 окт.
- ⁴⁰ *Войнович В.Н.* Автопортрет: роман моей жизни. М.: Эксмо, 2011. С. 506–507.
- ⁴¹ См.: *Сарнов Б.М.* Жизнь и необычайные приключения писателя Владимира Войновича // Книжное обозрение. 1989. 27 янв.

Конфликт интересов:
Мемуары С.И. Аллилуевой и хроника Е.С Гинзбург
в оценке англоязычной критики 1967 г.

Автор статьи анализирует англоязычную критику 1967 г. мемуаров «Двадцать писем к другу» С.И. Аллилуевой и хроники «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, которые практически синхронно публиковались на Западе в том же году на английском языке. Исследователь выявляет закономерности в оценке обоих произведений и приходит к выводу, что большинством рецензентов они воспринимались как единое целое, так как обе книги содержали ценные сведения по истории СССР сталинского периода. Мемуары также часто интерпретировались как дополнение друг к другу, поскольку воспоминания Гинзбург показывали тюремную и лагерную жизнь, а воспоминания Аллилуевой описывали советскую жизнь изнутри.

Ключевые слова: Е.С. Гинзбург, С.И. Аллилуева, «Крутой маршрут», «Двадцать писем к другу», лагерная проза, англоязычная пресса, англоязычная критика.

Первые сообщения о готовящейся публикации воспоминаний С.И. Аллилуевой появились в англоязычной прессе в апреле 1967 г., как только стало известно о том, что дочь Сталина не собирается возвращаться в СССР и просит политического убежища в США¹. С этого момента и вплоть до выхода мемуаров на русском и английском языках 16 октября в издательстве “Harper & Row”² западные СМИ активно подогревали интерес общественности к «сенсационным» воспоминаниям Аллилуевой: ни один материал не обходился без упоминаний о предстоящем выходе книги, о ее замысле, истории создания и содержания³.

Хронике «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург было уделено существенно меньше внимания – по очевидным причинам: Гинзбург не

была ни всемирно известной персоной, которую бы связывало родство с кем-нибудь из первых лиц государства, ни прославившимся на тот момент писателем. Кроме того, история публикации мемуаров была неясной: в 1967 г. в Европе и США вышла лишь первая часть хроники, в которой описываются события трех из восемнадцати лет заключения. Как именно и по каким причинам книга попала на Запад, оставалось для читателей загадкой, поэтому чаще всего в англоязычной прессе можно встретить версию, что Гинзбург намеренно передала первую часть «Крутого маршрута» за границу, потеряв всякую надежду опубликовать свое произведение на родине. Чтобы пресечь слухи о вынужденной отправке рукописи, она дала интервью итальянской газете «L'Unità»⁴ в июне 1967 г., однако этот материал остался практически незамеченным журналистами. Так или иначе, в формате книги первая часть хроники вышла на русском и итальянском языках в издательстве «Mondadori», затем хроника была переведена на английский язык и вышла в Великобритании и США⁵. Продолжение было опубликовано впервые в Италии в 1979 г. в том же итальянском издательстве «Mondadori»⁶, спустя два года после смерти автора.

Таким образом, Гинзбург не могла принять участия ни в подготовке перевода, ни в выборе издателя. Рекламирывать свое произведение напрямую она также не могла, не говоря уже о том, чтобы следить за соблюдением авторских прав. Однако все это не мешало хронике Гинзбург оказаться в списках лучших книг года – рядом с «Двадцатью письмами к другу»⁷. Объединял книги и характер рецензирования в англоязычной прессе, который будет описан в этой статье.

* * *

Первая волна отзывов принесла обоим книгам славу высоко литературных, эмоционально насыщенных произведений, ценных с исторической точки зрения. Первой рецензировалась книга Аллилуевой – многочисленные отзывы о ее воспоминаниях появлялись как в крупных, так и в региональных изданиях. В начале августа в «The Observer» появляется заметка под броским заголовком «Запад никогда еще не читал ничего подобного», представляющая собой дайджест англоязычных рецензий на «Двадцать писем...». Так, «The Daily Express» написала, что «мастерство Аллилуевой заключается в ее полной откровенности <...> Светлана может писать с чувственностью Тургенева»⁸. Э. Крэншоу, английский писатель, переводчик и с 1947 г. специальный обозреватель «The Observer» по делам СССР, охарактеризовал воспоминания Аллилуевой как

«уникальное произведение искусства», отличающееся «качеством и глубиной великого романа», добавив также, что «все предыдущие истории о России должны быть переписаны в свете этой книги»⁹. Сама “The Observer” предложила три варианта прочтения мемуаров. «Двадцать писем к другу» – это «подлинное свидетельство не только дочери человека, превратившего Россию в одну из самых сильных держав мира, но и женщины, пережившей невообразимую семейную трагедию»; это и «уникальный документ, проливающий новый свет на политику Кремля, в особенности – на смерть Сталина»; и наконец, мемуары Аллилуевой – это «первое из свидетельств об исторической катастрофе XX века, полученное от того, кто знал систему изнутри»¹⁰. Такой заметкой газета предваряла начало «обширной и эксклюзивной серии публикаций этого исторического произведения»¹¹.

К хронике Гинзбург слава начала приходиться в первой половине сентября. Меньше чем через месяц после публикации дайджеста отзывов на книгу Аллилуевой “The Observer” напечатала большую рецензию Крэншоу на «Крутой маршрут». Критик утверждал, что «Крутой маршрут» начинает «заполнять пробелы», которые образовались из-за иллюзии свободы слова после выхода в Советском Союзе «Одного дня Ивана Денисовича»¹²:

Это честное свидетельство о «другой стороне луны», рассказанное настоящим советским человеком. Мужество Евгении Гинзбург отправить эту рукопись на Запад безусловно восхищает и пугает, но это лишь продолжение того мужества, которое она проявляла на протяжении 20 лет тюрем и лагерей¹³.

Во второй половине сентября популярность «Крутого маршрута» становится сопоставимой с популярностью «Двадцати писем...». О хронике Гинзбург выходит развернутая рецензия в “The Daily Telegraph”, где критик писал, что «особенного уважения заслуживает тот факт, что автор, перенесший столь многие страдания, смог поведать о них так живо, без надрыва, что делает эту книгу одним из самых знаковых произведений о сталинской эпохе»¹⁴. Несколько раньше была напечатана заметка в “The Sunday Times”. Автор отметил писательский дар Гинзбург: «Умение наблюдать и затем блестяще описывать увиденное делает эту книгу по-настоящему уникальной»¹⁵. “The Guardian”, перенявшая эстафету у “The Sunday Times”, акцентировала внимание на литературной выразительности хроники: «Каждый, кто прочтет невероятную книгу Евгении Гинзбург, будет впечатлен как зарисовками манеры поведе-

ния советских органов власти, так и эпизодами, раскрывающими природу человеческой стойкости и выносливости»¹⁶.

Уже в этих высказываниях проявляется общая схема оценки обеих книг: на первый план выносятся *эксклюзивность* материала, на второй – уникальная личность героинь. Обе уникальности рождены пережитым опытом страдания и потерь. Роль третьего плана отводится способности Аллилуевой и Гинзбург этот опыт облечь в слова, наполняя произведения запоминающимися образами и яркими персонажами. У Аллилуевой – это портреты семьи и близких друзей, у Гинзбург – заключенных и надзирателей. Талантливое и увлекательное повествование подталкивало критиков к сравнению авторов с классиками мировой литературы, что также стало своеобразной закономерностью в оценке обоих произведений.

Аллилуева удостоилась чести встать в один ряд с представителями русской литературы, преимущественно XIX в. В августовской рецензии, помещенной в “The London Evening News” на русскоязычную, еще только готовившуюся к публикации версию «Двадцати писем...» (которая, вероятно, была на эксклюзивных условиях передана избранным журналистам для ознакомления), О. Франклин, представленная в газете как «русскоговорящий эксперт», назвала мемуары «шедевром, написанным с выразительностью Толстого». Она также отметила, что «книга не содержит никакой политической сенсации»¹⁷. В более поздней и менее хвалебной рецензии журнала “The Atlantic” (уже на англоязычную версию книги) дважды лауреат Пулитцеровской премии, историк, писатель, специальный помощник Дж. Кеннеди – А. Шлезингер привел целый ряд похвальных сравнений:

Первое письмо, с талантливым и одновременно ужасающим описанием смерти Сталина, вполне могло бы быть сценой из Достоевского. Портреты семьи ее матери, в особенности – тети Светланы, Анны, написаны в ярко выраженной чеховской манере. Количество совпадений в жизни Аллилуевой ассоциируются с русскими сказками или «Доктором Живаго». Ее проза полна образами упадка и возрождения¹⁸.

В обсуждении «Крутого маршрута» также находилось место литературным ассоциациям. Свидетельство Гинзбург чаще всего сопоставляли с произведениями схожей тематики: романом английского писателя А. Кёстлера «Слепящая тьма», посвященным эпохе большого террора в СССР (1936–1938 гг., как определил сам Кёстлер), и повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Дени-

совича». По мнению рецензентов, «Крутой маршрут» превзошел обе книги по манере повествования, яркости и силе образов:

Ни одна книга из внушительного собрания произведений об эпохе сталинских чисток не могла провести меня через террор и страдания так, как смогла эта. Даже ставшие классикой лагерной литературы – «Слепящая тьма» Кёстлера и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына – не обладают такой силой, как хроника Гинзбург¹⁹.

Издательство “Collins/Harvill”, выпустившее книгу Гинзбург на английском языке в Великобритании, написало, что это «один из самых великолепных рассказов нашего времени: замечательная и невероятно вдохновляющая история, которая начинается там, где заканчивается “Доктор Живаго”»²⁰.

* * *

Вторая волна критики началась в период с октября по ноябрь 1967 г., что было связано с приближающимся 50-летним юбилеем Октябрьской революции. Однако акценты существенно сместились. Если сразу после публикации книг обильно и хвалебно рецензировалась «Двадцать писем к другу», то теперь критики из раза в раз подтверждали высокий статус «Крутого маршрута», называя хронику глубокой, важной и убедительной. Для мемуаров же Аллилуевой настала пора *проверки на прочность*, поскольку критики начали более детально изучать их на предмет исторической значимости.

Это иллюстрируется рецензиями в одном из самых уважаемых и солидных литературных изданий Великобритании – в еженедельном литературном приложении “The Times Literary Supplement”.

Сначала в апреле 1967 г. здесь появляется развернутая рецензия на русскую версию первой части хроники Гинзбург, выпущенную в том же году итальянским издательством “Mondadori”²¹. Рецензию можно охарактеризовать как положительную (хотя стоит отметить, что большая часть статьи – это подробный пересказ хроники, что могло быть вызвано отсутствием на тот момент английской версии и, соответственно, желанием рецензента максимально познакомить читателя с текстом). Неизвестный автор, проводя обзор литературы о сталинском терроре, приходит к следующему выводу:

«Крутой маршрут» Евгении Гинзбург – книга иного порядка. В отличие от двух предыдущих (имеются в виду «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и «Опустелый дом» Л.К. Чуков-

ской. – А. М.) ее нельзя назвать литературным шедевром, но это выдающаяся хроника трех лет из восемнадцати, проведенных в лагерях, написанная женщиной за 30, женой высокопоставленного чиновника...<...> То, что только подразумевает Чуковская, здесь описано в мельчайших подробностях²².

Затем в сентябре публикуется еще один материал, посвященный «Крутому маршруту», его автором был корреспондент ВВС А. Верт. По сути, это информационная заметка, в которой рецензент кратко пересказывает содержание хроники, делится некоторыми фактами биографии Гинзбург, а также проливает свет на историю появления рукописи на Западе:

В «Крутом маршруте» Гинзбург рассказывает лишь о первых трех годах своего заключения; но она оставалась в заключении и ссылке еще на протяжении 15 лет, будучи освобожденной и реабилитированной только после смерти Сталина. Гинзбург – мать замечательного молодого писателя Василия Аксёнова; сейчас она живет в Москве (относительно спокойно). Множество машинописных копий ее книги, «самиздата», распространяется сейчас в России. Один из таких экземпляров, как представляется, был незаконно вывезен за границу, без ведома автора, и дошел до итальянского издателя Мондатори²³.

Несмотря на информационный характер материала, Верт называет хронику Гинзбург «одной из самых душераздирающих историй, когда-либо написанных о механизмах работы НКВД, методах их «расследований» и шантажа»²⁴.

В октябре 1967 г. Верт пишет разгромную рецензию на «Двадцать писем...», которая также публикуется в «The Times Literary Supplement». Критике подвергается буквально все: содержание книги, позиция автора, стиль изложения и даже ранее высказанная журналистами оценка этого произведения:

Редко так происходит, что международный шум поднимается вокруг столь посредственной и мало примечательной с точки зрения истории книги. Как сообщает один из наших *кремлевцев*, воспоминания Аллилуевой «это уникальное произведение искусства» и «все предыдущие истории о России должны быть переписаны в свете этой книги». Какая пугающая перспектива! Ведь одна из главных идей книги – это абсурдный тезис, что Сталин был не таким уж и плохим человеком, как мы привыкли думать, а монстром он стал из-за пагубного влияния Берии! <...> Как писатель Аллилуева уже была поставлена в

один ряд с Тургеневым, Толстым, Чеховым и Пастернаком. А почему бы не в один ряд с Гомером, Данте и Шекспиром – для полноты сравнения?²⁵

Сокрушительный удар Верт наносит по самому главному в мемуарах Аллилуевой – по не удавшемуся, к разочарованию корреспондента, образу отца: «Если бы дочь Сталина действительно *хотела* написать важную книгу воспоминаний об отце, она, возможно, могла бы это сделать. Но *20 писем к другу* не представляют в этом отношении большого интереса. Не кажется, чтобы Светлана Аллилуева действительно хорошо знала своего отца»²⁶.

Верт также отмечает поверхностную интерпретацию событий советской истории, политическую ограниченность Аллилуевой, ее навязчивое желание «обелить отца». Особенное недоумение у рецензента вызывает пассаж Аллилуевой о любви к родине. В «Двадцати письмах...» она пишет: «Как ни жестока наша страна, как ни трудна наша земля, как ни приходится всем нам падать <...> – никто из нас, привязанных сердцем к России, никогда не предаст ее и не бросит, и не убежит от нее в поисках комфорта – комфорта без души»²⁷. Аллилуева снабжает это предложение сноской: «Когда писались эти строки, четыре года тому назад, я действительно не представляла себе, что смогу уехать из России. Тогда все жили надеждой на возможность коренных преобразований в сторону настоящей демократии»²⁸. Верт, процитировав предварительно и сам пассаж, и автокомментарий Аллилуевой, язвительно замечает:

Иными словами, она могла смириться с «жестокостью и суровым режимом» при Сталине и даже при Хрущёве; но она не могла смириться с «жестокостью и суровым режимом» при Косыгине, который не разрешил ей выйти замуж за Баджеша Сингха (гражданский муж Аллилуевой, гражданин Индии, скончался в 1966 г., официально брак между Аллилуевой и Сингхом заключен не был. – А. М.) и переехать с ним в Индию²⁹.

Вердикт критика неутешителен: «В качестве семейной хроники книга Светланы представляет некий интерес; как история о “Закулисье Кремля” она весьма слабая; как отчаянная попытка оправдать Сталина (она даже говорит о том, что он не верил в “Дело врачей”, которое сам же и организовал) книга абсолютно неубедительна»³⁰.

Активно освещала историю публикации обеих книг газета “The New York Times”. В конце сентября 1967 г. Г. Солсбери, историк, журналист, работавший в СССР в годы Великой Отечественной войны, публикует краткий обзор мемуаров Аллилуевой: «События,

изложенные Аллилуевой, могут быть местами сильно преувеличены. Она была лишь подростком на протяжении большей части описываемого ею периода»³¹. Далее рецензент перечисляет спорные, на его взгляд, моменты из книги и опровергает их; объектом критики вновь становится намерение «обелить» Сталина, попытка доказать, что Сталин ничего не знал о «Деле врачей» и т. д.

В ноябре выходит другая статья Солсбери, но теперь уже посвященная «Крутому маршруту»:

Еще не появилось такого свидетельства, которое могло бы сравниться по честности и остроте изложения с историей Гинзбург. Литература о Сталинском терроре начала появляться в 1930-х, и на данный момент лучшим, возможно, остается виртуозный психологический роман «Слепящая тьма» Кёстлера. Но придуманные им сцены допросов в советских тюрьмах меркнут по сравнению с реальностью, которую описала Гинзбург. И даже «Один день Ивана Денисовича» Солженицына не сравним с «Крутым маршрутом»³².

Солсбери не подвергает сомнению ни фактическую достоверность книги, ни ее историческую ценность. Напротив, рецензент отмечает увлекательную манеру повествования, невероятную силу духа Гинзбург, ее писательский талант.

Поскольку обе книги несли политический подтекст, взгляды и ценности авторов-героинь также подвергались оценке и анализу. В фокусе внимания критиков оказались диаметрально противоположные позиции авторов: если Аллилуева пыталась «выгородить отца», возлагая ответственность за репрессии на Берию, то Гинзбург, напротив, стремилась перенести «центр тяжести в область конкретной борьбы с наследием Сталина»³³, исказившего светлые идеи коммунизма. Несмотря на смысловое различие этих позиций, для критиков они стали скорее рядоположенными, поскольку свидетельствовали о «перегибе» в какую-то одну из сторон, а также о некой ограниченности умозаключений.

Такой «перегиб» стал для мемуаров Аллилуевой главной проблемой. Шлезингер попытался объяснить позицию автора психоэмоциональными факторами, намекая на то, что не все аспекты книги стоит воспринимать как истину:

Светлана часто защищает отца: в свое время она писала, что его мания преследования «была результатом одиночества и изолированной жизни». <...> Историки найдут весьма проблематичной и ту часть книги, в которой Светлана предлагает воспринимать Берию как злого

гения, пленившего разум ее отца. <...> Нам просто не хватает знаний по данному вопросу, чтобы утверждать, что обвинения Аллилуевой относительно Берии верны. Но есть основания полагать, что дочерняя преданность заставляет ее гипертрофированно воспринимать отношения между Берией и Сталиным³⁴.

Кёстлер высказывался более однозначно относительно фигуры Аллилуевой, хотя и разделял мнение Шлезингера относительно невозможности избежать эмоциональной связи «дочь—отец»:

Конечно, книга не содержит никаких поразительных открытий. Она не проливает новый свет на историю сталинских чисток, показательные судебные процессы, абсурдные обвинения и невероятные признания. <...> Объяснение Светланой ужасов сталинского режима удивительно наивно. <...> Светлана нашла козла отпущения. С психологической точки зрения это можно понять и простить. С исторической это, конечно, абсолютный нонсенс. Таким образом, «Двадцать писем...» не предлагают историку ни новых фактов, ни надежных интерпретаций. <...> В предисловии Светлана пишет, что цель ее книги – «свидетельство». Однако, несмотря на все свои попытки быть объективной, она все же запуталась и не смогла избежать противоречивых чувств, оказалась неспособна на рациональные объяснения и оправдания³⁵.

Позиция Гинзбург, напротив, не вызывала особых нареканий. Критики скорее недоумевали, почему автор, продемонстрировавший способность к саморефлексии и нашедший в себе силы осуществить *перезагрузку* ценностей, так и не смог понять, что дело вовсе не в Сталине, а в системе власти:

«Как замечательно – пишет она, – что я ошиблась, в нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда; уже сегодня можно рассказать людям о том, что было, чего больше никогда не будет». Если бы эти слова были правдой! <...> Ведь книга Гинзбург до сих пор не опубликована в ее родной России³⁶.

Некоторые критики, несмотря на положительную оценку «Крутого маршрута» в целом, намекали, будто Гинзбург сама до конца не поняла смысла своего произведения:

Гинзбург – одухотворенная женщина, не лишенная чувства юмора. И ее воспоминания о первых трех годах заключения из 18, наполненные этим духом и юмором, помогают нам верить, что ника-

кие обстоятельства не могут превратить человека в зверя. Если бы все «коммунисты» были подобны Евгению Гинзбург, то мы с вами и сами рисковали бы стать коммунистами. И я говорю «рисковали», потому что Гинзбург не убедила меня в том, что сталинский террор происходил из-за самого Сталина и дефектов его личности, скорее – из-за той системы, которая и сделала его монстром (вольно или невольно, кто сейчас сможет сказать?)³⁷.

Таким образом, Гинзбург вызывала больше уважения и восхищения и представлялась критикам цельной личностью с четко сформулированными идеями и взглядами, нежели Аллилуева, вопреки тому, что первая была убежденной коммунисткой, а вторая признавалась, что у нее «нет никакой политической философии» и что «религия сыграла важную роль» в ее жизни³⁸.

* * *

Были, безусловно, и рецензии, основанные полностью не на анализе каждой отдельной книги, а на сравнении обеих. Однако в отличие от отдельных рецензий «парные» не выделялись глубиной мысли и серьезностью. Порой с уровня литературной критики журналисты опускались до уровня досужих рассуждений. Характерно в этом смысле, что одна из рецензий на мемуары Аллилуевой и Гинзбург появилась в британском сатирическом журнале «PUNCH». Противопоставление героинь начинается с первых строк:

В то время как Евгения Гинзбург замерзала в карцере, или пробивала тяжелым кайлом сибирскую землю, или наблюдала за тем, как конвой уничтожает фотографии ее детей, маленькая Светлана купалась в любви своего доброго отца, Сталина. С нянечками, гувернантками, многочисленными слугами, в кремлевской квартире или на семейных дачах... как могла Светлана знать, на что была похожа жизнь миллионов репрессированных? Повзрослев же, однако, она это узнала наверняка³⁹.

Несмотря на отрицательное восприятие рецензентом «Двадцати писем...» и положительное – «Крутого маршрута», завершается статья неожиданно: «Светлана приходит к выводу, что единственное, чего нельзя полностью уничтожить в человеке, – это добро. К такому же выводу, независимо от Аллилуевой, приходит и Гинзбург в “Крутом маршруте”, одном из лучших произведений о лагерной жизни. <...> Обе книги – произведение искусства»⁴⁰.

Аналогичным образом выстроена статья «Письмо Светлане», где рецензент, чтобы указать Аллилуевой на ее «политическую близурность», рассказывает историю Гинзбург, которая, пройдя через тюрьмы и лагеря, выслушав различные интерпретации событий 1930-х и 1940-х годов, смогла в итоге избавиться от иллюзии о «Сталине-отце». Ей хватило самообладания предположить, что он мог прекрасно знать о проходивших в стране массовых арестах, – Аллилуева же «так никогда и не смогла увидеть, куда вела лестница власти и привилегий»⁴¹. При этом автор резюмирует, что, несмотря на «очевидные недостатки «Двадцати писем»», оба произведения, как и их авторы, явились выражением «великой русской совести»⁴², что особенно актуально в преддверии празднования 50-летия Октябрьской революции.

Например, к Гинзбург, мудрой, принципиальной, способной стоически переносить тяготы жизни, критики иногда апеллировали, чтобы *быстро*, без долгих объяснений или попыток анализа упрекнуть Аллилуеву в отсутствии четкой жизненной позиции:

И, пожалуй, самое удивительное в воспоминаниях Гинзбург – это ее недогнувшая вера в коммунизм, в ту политическую систему, которую у нее были все основания ненавидеть. Светлана Сталина, чья автобиография будет опубликована здесь через две недели, решила улететь на Запад, потому что не могла больше выносить жизни в России⁴³.

Некоторые сравнения были призваны подчеркнуть превосходство одной женщины над другой, подразумевая, что обращение Аллилуевой к религии – это проявление слабости, тогда как приверженность коммунистическим взглядам со стороны Гинзбург – проявление силы характера: «В отличие от Аллилуевой, которая обратилась к религии, Гинзбург, по-видимому, сохранила веру в коммунизм и опубликовала свою книгу на Западе, под собственным именем, при этом оставшись в СССР»⁴⁴.

Иные, напротив, стремились сократить дистанцию между «Двадцатью письмами...» и «Крутым маршрутом», акцентируя внимание не столько на самих произведениях, сколько на личности их авторов, которых объединил опыт потерь:

Обе женщины, столь не похожие друг на друга, встречаются здесь, в общем для них горе и плаче о потерянном. <...> Роднит их и столь свойственная русским людям тревожная и болезненная любовь к России, обратной стороной которой оказывается бессмысленный патриотизм. <...> Обе они верят в живительную силу, присущую коммунизму – или России?⁴⁵

* * *

Таким образом, голоса двух женщин противопоставлялись друг другу и дополняли друг друга на страницах англоязычных газет и журналов. «Двадцать писем к другу» и «Крутой маршрут», безусловно, не были задуманы как диалог; они не были полемичны по отношению друг к другу и не представляли собой попытки сделать «свою правду» важнее «правды другого». Но стоило этим «правдам» оказаться в одном информационном поле, как между ними неизбежно возникал дух противоречия.

Шлезингер писал, что «обязанность истории состоит в том, чтобы предоставить как можно более точную и полную реконструкцию прошлого, равно как обязанность разумного общества состоит в том, чтобы его граждане могли максимально точно представлять себе, к чему идут их лидеры и что они делают по дороге к этой цели»⁴⁶. Мемуаристы выполнили эти обязанности и перед историей, и перед обществом. Поэтому в англоязычной критике их произведения срослись, подобно сиамским близнецам, и, несмотря на различия, стали для читателей и критиков важными свидетельствами века.

Примечания

- ¹ Daughter Said to Write a Memoir About Stalin // The New York Times. 1967. Apr. 17; *Aarons L.F., Marder M.* Svetlana Flies to U.S., Rejects Communism // The Washington Post and Times- Herald. 1967. Apr. 22; *Elsasser G.* Svetlana Tells Why She Lost Red Faith // Chicago Tribune. 1967. Apr. 27; *Raymont H.* Alliluyeva book in Russian, too // The New York Times. 1967. Jun. 21.
- ² *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. N.Y.: Harper & Row Cop., 1967; *Alliluyeva S.I.* Twenty letters to a Friend. N.Y.: Harper & Row Cop., 1967.
- ³ Transcript of Mrs. Alliluyeva's Statement and Her Replies at News Conference // The New York Times. 1967. Apr. 27; True Story of Svetlana's Exit // Boston Globe. 1967. Sep. 5; Hutchinson Advertisement // The Times Literary Supplement. 1967. Sep. 28.
- ⁴ *Guerra A.* Il viaggio nella vertigine // L'Unità. 1967. Giugno 1.
- ⁵ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Arnoldo Mondadori, 1967; *Ginzburg E.S.* Journey into the Whirlwind. N.Y.: Harcourt, Brace & World Cop., 1967.
- ⁶ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С.* Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана //

- Вестн. РГГУ. 2015. № 5. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. С. 61–72.
- ⁷ Подробнее см.: Autumn Reading // The Sunday Times. 1967. Aug. 27; A Christmas Guide for Readers // The New York Times. 1967. Dec. 3.
- ⁸ Цит. по: The West Has Never Read Anything Like It // The Observer. 1967. Aug. 6.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Crankshaw E.* The Terror from Within // The Observer. 1967. Sept. 17.
- ¹³ Ibid. Сама Гинзбург опровергала версию о намеренной передаче рукописи на Запад. Не исключено, что ее свидетельства игнорировались, чтобы придать образу автора больше героизма и таким образом повысить ценность ее хроники.
- ¹⁴ *Floyd D.* Under Stalin's Terror // The Daily Telegraph. 1967. Sept. 21.
- ¹⁵ *Feifer G.* The Nightmare of Stalin's Russia // The Sunday Times. 1967. Sept. 17.
- ¹⁶ *Litvinoff E.* The Great Stalinist truth // The Guardian. 1967. Sept. 22.
- ¹⁷ Цит. по: *Osnos P.* Memoirs Published: Svetlana Says Stalin Feared Doctors' Plot // The Washington Post and Times-Herald. 1967. Aug. 4.
- ¹⁸ *Schlesinger Jr. A.* Twenty Letters to a Father. [Электронный ресурс] URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1967/11/twenty-letters-to-a-father/303396/> (дата обращения: 29.03.16).
- ¹⁹ *Feifer G.* Op. cit.
- ²⁰ Collins Advertisement // The Times Literary Supplement. 1967. Jul. 27. P. 671.
- ²¹ Подробнее см.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. Milan: Arnoldo Mondadori, 1967.
- ²² Victim of a Stalin Purge // The Times Literary Supplement. 1967. Apr. 27. P. 348.
- ²³ *Werth A.* Purge Victim // Ibid. Sept. 21. P. 835.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ *Werth A.* Papa Stalin // Ibid. Oct. 5. P. 929.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Подробнее см.: *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. Киев: Молодь, 1991. С. 90.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Werth A.* Papa Stalin. P. 929.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ *Salisbury H.E.* The Communist World // The New York Times. 1967. Sept. 24.
- ³² *Salisbury H.E.* Loyalty was the Error // Ibid. Nov. 19.
- ³³ Подробнее см.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. М.: Сов. писатель, 1990. С. 594.
- ³⁴ *Schlesinger Jr. A.* Op. cit.
- ³⁵ *Koestler A.* Koestler on Svetlana // The Sunday Times. 1967. Oct. 10.
- ³⁶ *Salisbury H.E.* Loyalty Was the Error.
- ³⁷ *Hamilton I.* Nonfiction // Illustrated London News. 1967. Oct. 14.

- ³⁸ Transcript of Mrs. Allilueva's Statement and Her Replies at News Conference // The New York Times. 1967. Apr. 27. В 1962 г. Аллилуева крестилась.
- ³⁹ *Macleod A.* All My Daughters // PUNCH. 1967. Oct. 4. P. 522.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ *Ragland D.* A Letter to Svetlana // Yorkshire Post. 1967. Oct. 2.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ The Spirit that Stalin's Terror could not Crush // The Sunday Express London. 1967. Sept. 17.
- ⁴⁴ *Miller J.* Cruel Heights and Lower Depths // Glasgow Herald. 1967. Oct. 7.
- ⁴⁵ *Lessing D.* On our Side // New Statesman. 1967. Oct. 6.
- ⁴⁶ *Schlesinger Jr. A.* Op. cit.

Из истории русской эмигрантской журналистики
середины XX в.:
Джордж Кеннан и «Новый журнал»

В статье представлена история поддержки спецслужбами США эмигрантских организаций и предприятий в начале 1950-х годов. В частности, описывается роль дипломата Дж. Кеннана в организации финансовой помощи Издательству им. Чехова и «Новому журналу». На примере идей из статьи Кеннана, опубликованной в «Новом журнале», показана концепция взаимодействия правительства США и русской эмиграции. Автор делает вывод о том, что единственным методом влияния на политический режим СССР в условиях политики «сдерживания» было выбрано идеологическое противоборство, ключевая роль в котором отводилась русской послереволюционной эмиграции в США.

Ключевые слова: Дж. Кеннан, М.М. Карпович, «Новый журнал», эмиграция, Фонд Форда, холодная война.

В 1950-х годах, в связи с дальнейшим развертыванием холодной войны русская эмиграция оказалась предметом международного интереса. Для советского руководства стремительно угасающая эмиграция первой волны сама по себе уже не представляла большого интереса. Напротив, более многочисленная эмиграция второй волны вызывала действия со стороны СНК СССР по репатриации граждан СССР, оказавшихся за границей. Тем более что эта эмиграция характеризовалась ярко выраженным национализмом и антисоветизмом: по своему этническому составу к ней принадлежали в основном выходцы с западных окраин СССР, не попавшие под насильственную репатриацию в первые послевоенные годы¹. По официальным данным, общая численность эмиграции второй волны составляла около полумиллиона

человек². Правительство СССР всячески старалось не допустить формирования многочисленной антисоветской военной силы, которая могла быть использована в возможной войне с США.

В то же время правительство США в эти годы начинает активно заниматься финансированием всех сколько-нибудь перспективных эмигрантских политических организаций. Ставка делалась на идеологическое влияние эмигрантской печати на внутренние процессы в СССР, а также на то, что хорошее знание истории и культуры бывшей Российской империи поможет понять логику действий нынешнего руководства Советского Союза. Как заметил М.И. Раев, «для той роли, которую США суждено было играть в послевоенном мире, требовалось всестороннее понимание России»³.

Это понимал автор теории «сдерживания» – выдающийся американский дипломат Джордж Кеннан. В начале 1951 г. новый президент фонда Форда Пол Хоффман, бывший глава ЕСА (специального управления по реализации Плана Маршалла), предложил Кеннану на время уволиться со службы в Государственном департаменте и стать президентом нового отделения фонда под названием «Восточно-Европейский фонд» (“East European Fund”), первоначально называвшегося «Фонд свободной России» (“Free Russia Fund”), но переименованного во избежание путаницы с другими программами ЦРУ⁴. Несмотря на то что организация подавалась как частная и благотворительная, о деятельности Восточно-Европейского фонда Кеннан периодически докладывал Госсекретарю Д. Ачесону, главе ФБР Дж. Э. Гуверу и главе ЦРУ У.Б. Смиту⁵.

Фонд Форда, учрежденный в 1936 г. Эдселом Фордом, сыном предпринимателя Генри Форда, был задуман как некоммерческая организация, финансирующая культурные и образовательные проекты. После того как Джордж Кеннан возглавил Восточно-Европейский фонд, он выделил две приоритетные задачи новой организации. Первая состояла в создании независимого от Государственного департамента исследовательского института по внешней политике, который определил бы «предпосылки и принципы, которыми мы смогли бы руководствоваться, имея в виду данный предмет»⁶. Эта задача носила скорее теоретический характер. Вторая, по определению Кеннана, состояла в финансовой и организационной помощи эмигрантам второй волны в адаптации к американской жизни. Эта задача имела практический смысл, так как перед сотрудничавшими с фондом эмигрантскими организациями ставилась задача сбора сведений об СССР, проверки информации о «перебежчиках» и «перемещенных лицах» для установления их лояльности и благонадежности. Кроме того, отдельное внимание

уделялось работе по консолидации политических сил эмиграции, которые могли бы в случае падения советской власти образовать ядро нового правительства. Одной из таких организаций стал Фонд им. Толстого, получивший негласную финансовую поддержку от Восточно-Европейского фонда в 1951 г.

Восточно-Европейский фонд публично объявил о своем открытии 29 мая 1951 г., определив годовой бюджет в 200 тыс. долларов США. 27 декабря 1952 г. фонд объявил о том, что около 100 тыс. эмигрантов второй волны из СССР получили помощь от фонда для адаптации к жизни в США.

В 1952 г. Восточно-Европейский фонд основывает в Нью-Йорке русскоязычное Издательство им. Чехова (полное английское название: Chekhov Publishing House of the East European Fund). Инициатором был сам Кеннан, который всю жизнь интересовался русской литературой, имел писательские амбиции, а его любимым писателем был А.П. Чехов, чью биографию он мечтал написать еще в 1930-х годах. Цель издательства состояла в уничтожении монополии советского правительства на издание книг на русском языке. За время своего пятилетнего существования издательство выпустило 178 книг 128 крупнейших эмигрантских авторов. Благодаря ему эмигрантские писатели имели возможность получать высокие гонорары, в то время как книги продавались по достаточно низкой цене.

Годом ранее Фонд Форда начинает финансировать «Новый журнал», главный печатный орган русской эмиграции после 1941 г. Роман Гуль, в то время секретарь «Нового журнала», в письме главному редактору М.М. Карповичу от 9 апреля 1952 г. сообщает: «Позавчера вечером ко мне позвонил неизвестный, оказавшийся Меллвиллом Роглс, директором Фри Европиен Фонд. Он сказал, что хочет со мной встретиться, дабы поговорить о делах “Н. Ж.”, и пригласил к себе. Живет он рядом со мной, и через полтора часа я был уже у него. Я уже слышал, что мр. Роглс очень симпатичный человек. Личное общение это подтвердило. Действительно, человек он в высшей степени симпатичный, скромный, доброжелательный и ко всему прочему говорит по-русски, хоть и не совсем свободно, но все прекрасно понимает и все может сказать. Я у него провел больше двух часов и самым подробным образом рассказывал ему о “Н. Ж.” и докладывал ему детально все наши сметы, расчеты и пр. <...> Он все это записал и, как мне кажется, ко всему этому отнесся очень доброжелательно. В частности он меня спросил, что будет с нашим журналом, если Фонд прекратит всякую субсидию. Я ответил, что “пролетариям нечего терять, кроме цепей”, и что тогда журнал умрет, ибо спонсоры его сейчас журнал не поддерживают.

<...> Под конец я его все же спросил, можем ли мы надеяться на то, что Фордовский Фонд нам даст дополнительные средства (по всему разговору это было вне всякого сомнения). Как осторожный американец, он ответил: “Я думаю, что да, но пока что я ничего Вам больше не могу сказать. Я все доложу “хозяевам” <...>”⁷. По всей видимости, под именем «мр. Роглс» скрывается Джордж Кеннан.

В переписке Романа Гуля с Карповичем и писателями-эмигрантами на протяжении первой половины 1950-х годов постоянно возникает мотив тревоги о возможном прекращении финансирования фондом и, следовательно, о конце благополучия журнала и относительного благополучия писателей русского зарубежья. Конец произошел достаточно скоро, в 1956 г., с началом периода «оттепели» и провозглашения принципа «мирного сосуществования».

Практически сразу после начала сотрудничества «Нового журнала» с Фондом Форда, в том же году, Карповичу было предложено опубликовать сделанный специально для журнала перевод статьи Джорджа Кеннана «Америка и русское будущее». Карпович напечатать статью согласился, но в том же номере напечатал свой комментарий в форме полемического ответа Кеннану⁸.

Статья Кеннана, выдержанная в характерном дипломатическом тоне, посвящена тому, какой хотели бы видеть будущую Россию американцы и какую роль в свержении политической деспотии в России должен сыграть американский народ. В условиях, когда война недопустима, пишет Кеннан, нужно ясно определить действия, которые могут привести к желаемым результатам. В понимании Кеннана желаемый результат – это советское правительство, лишенное мании преследования, понимающее, что «внешний мир не поглощен дьявольским замыслом о вторжении в Россию», не склонное к «империалистическим играм», относящееся с вниманием к собственным интересам, но с неменьшим уважением к интересам других стран. Значительное место в статье Кеннан уделит размышлениям о том, как американцы могут побудить Советскую Россию к необходимым переменам без непосредственного вмешательства в ее внутренние дела.

Кеннан разделяет «советскую власть» и «русский народ». Он предлагает воспринять трагедию народа как свою собственную трагедию и не винить народ в преступлениях режима, так как тоталитаризм – это «не национальное явление», а «болезнь, которой в какой-то мере подвержено все человечество». По мнению Кеннана, единственный способ пробудить в народе политическое самосознание и стремление к свободе – это наглядный пример собственного благополучия, а не политическая пропаганда, так как ее результа-

ты не достигают нужного воздействия ввиду коренных различий пропагандиста и его адресата. С этим не согласен Карпович, считающий политическую пропаганду единственным эффективным оружием против массированной пропаганды противника.

Кеннан выступает против сравнения СССР с США. В России, пишет он, никогда частная предпринимательская инициатива не имела глубоких корней, помимо единичных случаев, которые были забыты за тридцать с лишним лет после Октябрьской революции. Таким образом, попытка разом превратить советскую Россию в подобие США, т. е. в либерально-демократическое капиталистическое государство, обречена на неудачу. Как считает Кеннан, многие элементы советской системы будут продолжать жить долго после распада СССР.

Несмотря на то что оригинал статьи был написан для журнала "Foreign Affairs" и предназначен для американской публики, помещенная в эмигрантский журнал и обращенная к эмигрантским читателям, статья обретала новый смысл. Соединяя две идеи (что один народ не может доказать другому правильность своего мировоззрения и что главный способ убедить оппонента – это собственный пример), Кеннан указывал на возможности русской эмиграции в деле освобождения России от тоталитаризма.

Итак, американское правительство было заинтересовано в русской эмиграции как важном рычаге идеологической войны в контексте политики «сдерживания», объявленной в годы холодной войны главным внешнеполитическим курсом США. Основные постулаты отношений с русской эмиграцией выразил идеолог политики «сдерживания» Джордж Кеннан. Они состояли, во-первых, в том, что только советский народ должен взять на себя инициативу будущих перемен; во-вторых, что советскому народу нужно показать пример возможного развития в направлении «здоровой жизни», которое сведет на нет инерцию революционного рывка, составляющего основу тоталитарного строя; наконец, в-третьих, США не могут допустить со своей стороны попытки насильственного свержения советского режима, так как это неминуемо приведет к катастрофической войне.

Примечания

---

¹ Земсков В.Н. «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР: 1947–1955 // История российского зарубежья: Эмиграция из СССР–России: 1941–2001. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 66–67.

² Там же. С. 73.

³ *Раев М.И.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 116.

⁴ *Gaddis J. L.* George F. Kennan: an American life. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011. P. 63.

⁵ *Chester E.T.* Covert Network: Progressives, the International Rescue Committee and the CIA. N.Y.: Armonk, 1995. С. 43–53.

⁶ *Gaddis J. L.* Op. cit. P. 263.

⁷ *Гуль Р.Б.* Письма о «Новом журнале» // Новый журнал. 2002. № 226. С. 62–84.

⁸ *Карпович М.М.* Комментарии // Там же. 1947. № 26. С. 279–293.

Полемика между журналами
«Благонамеренный» и «Московский телеграф»
в литературном контексте 1810–1820-х годов

В статье рассматривается полемика между редакторами журналов «Благонамеренный» и «Московский телеграф» – А.Е. Измайловым и Н.А. Полевым. Причиной начала полемики стала публикация в «Благонамеренном» критического материала в адрес «Московского телеграфа», что привело к публикации ответных полемических материалов уже обоими журналами. Полемика продолжилась до последних номеров существования «Благонамеренного».

Ключевые слова: А.Е. Измайлов, Н.А. Полевой, Н.Ф. Остолопов, «Благонамеренный», «Московский телеграф».

Журнал «Благонамеренный», в одиночку издаваемый баснописцем, издателем и журналистом А.Е. Измайловым с 1818 по 1826 г., полемизировал со многими изданиями своего времени – с «Невским зрителем», «Сыном Отечества», альманахом «Полярная звезда». Последние годы существования журнала ознаменованы яркой полемикой с «Московским телеграфом» Н.А. Полевого.

С самого первого номера журнал «Московский телеграф» вступил в ожесточенную полемику с «Северной пчелой», а впоследствии с «Сыном отечества» и «Дамским журналом». Эти споры не утихали на протяжении всех девяти лет существования журнала, вплоть до его закрытия по личному указу Николая I в апреле 1834 г.¹

На страницах трех номеров «Благонамеренного» за 1824 г. был опубликован цикл статей «Дело от безделья, или Критические замечания на современные журналы», авторство которого традиционно приписывали Измайлову. Однако О.А. Проскурин доказал,

что автор «Дела от безделья...» – один из постоянных авторов журнала Измайлова, Николай Остолопов².

В первой статье серии материалов «Благонамеренного» содержание «Московского телеграфа» оценивалось в целом положительно, претензии к журналу Н.А. Полевого предъявлялись лишь в вопросах незначительных «неправильностей» языка и корректуры. Однако уже во втором материале критика журнала усиливалась, достигая своего пика в третьей части «Дела от безделья»³. Критика во многом была вызвана личной неприязнью Остолопова к новой эстетике, которую поддерживали в «Московском телеграфе».

Дело в том, что в третьем номере «Московского телеграфа» было опубликовано «Обозрение русской литературы в 1824 году», в котором журналу Измайлова была дана следующая характеристика: «Благонамеренный, журнал, изд. А.Е. Измайловым, продолжается без остановки уже семь лет. Образ издания менялся несколько раз: в прошлом году Благонамеренный выходил книжками, по два раза в месяц. В нем помещались проза, стихи, критика, но более всего статьи шуточные»⁴.

Настолько краткий обзор задел главного автора развлекательных материалов «Благонамеренного» – Остолопова, и в третьей части «Дела от безделья» он подверг критике уже не только журнал «Московский телеграф», но и произведения его ведущих в ту пору авторов – А.С. Пушкина и П.А. Вяземского.

В начале июля 1825 г. Пушкин, находящийся в ссылке в Михайловском, пишет знаменитую эпиграмму «Ex ungue leonem», и она публикуется на страницах «Московского телеграфа»:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи своей;
Журнальный шут о них статейку тиснул
И в свет пустил без подписи ж, злодей!
Но что ж? ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз!⁵

Пушкин, принявший за автора «Дела от безделья» Измайлова, направил эпиграмму против издателя «Благонамеренного», а не против Остолопова, таким образом, эпиграмма Пушкина была направлена не по адресу.

В результате Измайлову, не ожидавшему такой реакции на материал Остолопова, пришлось прекратить полемику – и в 22-м но-

мере «Благонамеренного» от 1825 г. даже появилось объявление о подписке на «Московский телеграф»⁶.

Однако полемика между изданиями на этом не закончилась. Рецензии Полевого на изданный Измайловым в 1826 г. литературный альманах «Календарь муз» вызвали ее новый виток. Противостояние прекратилось в октябре 1826 г., когда вышел последний номер «Благонамеренного», а Измайлов уехал на службу в должности вице-губернатора в Тверь и прекратил выпуск журнала.

Полемика между изданиями «Благонамеренный» и «Московский телеграф» стала ярким и показательным примером журнальной полемики 1810–1820-х годов.

Примечания

- ¹ *Гайдученя О.Л.* Московский телеграф и журнальная полемика второй четверти XIX в. // Вестн. РГГУ. 2008. № 11. Сер. «Журналистика. Литературная критика». С. 75–59.
- ² *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. С. 260–301.
- ³ [*Остолопов Н.Ф.*] Дело от безделья, или Критические замечания на современные журналы. Ч. III // Благонамеренный. 1825. № 12. С. 447.
- ⁴ Обзорение русской литературы в 1824 году // Московский телеграф. 1825. № 3. С. 261.
- ⁵ *Пушкин А.С.* Ex ungue leonem // Там же. № 13. С. 43.
- ⁶ [Объявление о подписке на журнал «Московский телеграф»] // Благонамеренный. 1825. № 22. С. 316.

К полемике о женском вопросе во второй трети XIX в.: журнал Ф.М. и М.М. Достоевских «Время»

В статье анализируются публикации журнала Ф.М. и М.М. Достоевских «Время», в которых авторы полемизируют с другими печатными органами по поводу прав женщин в русском обществе. Авторы журнала «Время» заявляют о необходимости обсуждения женского вопроса на страницах периодических изданий и признают, что он является причиной раздора между многими прогрессивными изданиями.

Ключевые слова: журналистика, публицистика, женский вопрос, феминизм, полемика, Ф.М. Достоевский, журнал «Время».

К 60-м годам XIX в. в России активно развивается движение в защиту прав женщин. Женский вопрос становится поводом для дискуссии на страницах передовых периодических изданий. Как раз в то время, в 1861 г., появляется новый журнал «Время», который издавали братья Ф.М. и М.М. Достоевские. Авторы журнала называли одной из причин создания этого печатного органа «новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные всею мыслящею его частью в последние годы»¹. Неудивительно, что они не обошли стороной вопрос о положении женщины в русском обществе.

Авторы журнала братьев Достоевских признают, что женский вопрос стоит в 1860-х годах XIX в. наиболее остро и является причиной раздора между многими прогрессивными изданиями. «Кажется, ни один предмет, ни один вопрос не представляет так наглядно существующего в нас разлада, нашей головной неурядицы, как вопрос о так называемой эмансипации женщин, который ведется у нас как-то неровно, нескладно, порывами: то он западет, и нет

о нем ни слуху, ни духу, то вдруг опять послышится в каком-нибудь углу»². Авторы журнала «Время» с пристальным вниманием следили за тем, как женский вопрос освещается на страницах других периодических изданий. «И через какие фазы, через какие взгляды не перешел уже у нас этот вопрос! В какой форме ни переминали его! И в серьезных трактатах, и в легких фельетонах, и в прозе, и в стихах... Но как далеко ушел он вперед и идет ли вообще вперед – это вещь очень сомнительная»³, – заявляют публицисты журнала.

Журнал «Время» активно вступает в дискуссию по женскому вопросу с другими печатными органами. В №10 журнала «Время» за 1861 г. начинается полемика с газетой «Северная пчела». Авторы журнала «Время» обращаются к статье, опубликованной в «Северной пчеле» 22 сентября 1861 г. «Читаем следующие не в первый раз задаваемые вопросы: Отчего женщина, занятая тем же делом, как и мужчина, работает больше, а вырабатывает меньше его? Отчего кухарка берет меньше жалования, нежели повар? Ответ на эти вопросы очень простой: оттого, что в большей части случаев женщина меньше знает, нежели мужчина, а меньше знает она оттого, что ее не всему учат, чему учат мужчину»⁴, – делают вывод авторы журнала «Время». Таким образом, вопрос женского образования, по мнению журнала, становится краеугольным в решении женского вопроса.

В № 5 журнала «Время» от 1862 г. продолжается полемика с газетой «Северная почта», в № 86 которой была напечатана заметка по поводу допуска женщин на университетские лекции. Автор газетной заметки убежден, что лица женского пола не имеют надобности посещать курсы в университете, поскольку не имеют даже порядочного гимназического образования. Однако авторы журнала «Время» настаивают на разрешении женщинам получать высшее образование, если у них есть к тому желание и способности. «Ведь добиваются только того, чтобы общественное мнение не возмущалось таким явлением, что женщина, почувствовавшая потребность высшего образования, придет в университет и сядет на студенческую скамью»⁵, – заявляют они.

Однако затем спор переходит от женского образования к предназначению женщины и понятиям мужественности и женственности. Главный редактор газеты «Северная почта» А.В. Никитенко пишет, что женщина по своей природе представляет опасность для мужчин. Посещение одних и тех же лекций в университетах невозможно для женщин и для мужчин именно вследствие соблазна, который могут представлять лица женского пола для студентов. Более того, главный редактор «Северной почты» обращает

внимание на различия между мужчиной и женщиной и апеллирует к понятиям мужественности и женственности. А.В. Никитенко приходит к выводу о том, что «мужчине принадлежит вместе и дух, и техника науки, а женщине принадлежит преимущественно дух ее, и что, следовательно, женщине не нужны университеты, где она расточила бы свое время без всякой пользы и во вред существенным своим обязанностям и мешала бы другим»⁶. Главный редактор «Северной почты» предлагает устроить особенные публичные курсы в университетах, которые посещали бы только женщины. Стоит отметить, что того же мнения придерживались и профессора, которым поручено было разработать новые уставы для университетов в 1861 г.

Авторы журнала «Время» выступили против такого решения проблемы образования женщин. «Признаемся, мы очарованы этой мыслью: женщины таким образом будут осеяны духом науки, который послужит им только украшением; вредная же техника науки, как сторона грубая, чисто утилитарная, до них не коснется и останется уделом чернорабочей мужественности», – критикуют публицисты журнала Ф.М. и М.М. Достоевских заметку главного редактора «Северной почты». Таким образом, основное разногласие во мнениях авторов двух периодических изданий заключалось в их отношении к женскому образованию.

Впрочем, авторы журнала братьев Достоевских нашли еще несколько спорных моментов в заметке главного редактора «Северной почты» А.В. Никитенко. Он «предоставляет себе рассмотреть два относящихся к женщине вопроса, которые гораздо нужнее пустых умствований и разглагольствований об эмансипации или допущения женщины в число студентов»⁷. По мнению главного редактора газеты, необходимо воспитывать женщину в соответствии с ее «назначением и будущностью». Вторая важная проблема – необходимость предоставить одиноким и неимущим женщинам источники труда, благодаря которым они могли бы существовать. Для этого предлагается выделить роды деятельности, которыми успешно могла бы заниматься женщина, работая во благо общества. Авторы журнала «Время» выступают против, так скажем, искусственного выделения родов деятельности, подходящих для лиц женского пола. «А мы, легкомысленные, думали было, что та же благая цель достигнется гораздо естественнее, если общественное мнение позволит женщинам, по желанию, расширить круг их знаний и даже прикоснуться слегка и к самой технике науки»⁸.

Не оставляет равнодушными авторов журнала «Время» и статья «Мысли женщины о женщинах» в одном из номеров специали-

зированной издания для женщин «Рассвет». Публикация представляет собой перевод книги «Мысли женщины о женщинах» английской писательницы Дины Марии Мьюлок, которую редакция журнала «Рассвет» признавала полезной для незамужних женщин.

Авторы журнала «Время» публикуют наиболее спорные, на их взгляд, выдержки из книги Мьюлок и ведут острую полемику с редакцией журнала «Рассвет». Английская писательница заявляла, что талантливые женщины могут писать картины или литературные произведения, но при этом по-прежнему сидеть дома, жить скромно и ничем не отличаться от обыкновенных женщин. Однако авторы журнала «Время», опираясь на исторический опыт, считают, что женщины добиваются большего успеха в тех искусствах, где «личность действующей особы связана с исполнением. Жорж Санд – гениальная писательница, но ей далеко до Шекспира, Байрона, Шиллера... Но г-жа Марс, Рашель, Зонтаг, Тальони – не уступают никому места в своих искусствах»⁹, – пишут авторы журнала «Время» о знаменитых актрисах, певице и балерине. Вместе с тем, по мнению публицистов журнала «Время», различия между женщинами и мужчинами выражаются в том, что женщины и мужчины преуспевают в различных видах искусств. Таким образом, авторы журнала Ф.М. и М.М. Достоевских признают различие между мужчиной и женщиной в сфере искусств, но настаивают на равенстве между ними в вопросах образования.

Авторы журнала «Время» считают «Рассвет» приносящим вред для мыслящих девушек. «Есть женщины, преимущественно старые, которые придут в гости да и уверят тех, к кому пришли, что те похудели, что им и года не прожить с этакой жизнью, что у них муж тиран, дети аспиды, – и думают, что они удивительную принесли пользу... Журналу-то уж совсем на них походить неприлично»¹⁰.

Итак, на страницах журнала «Время» разворачивалась полемика с другими печатными органами по поводу прав женщин. В этих спорах публицисты прибегали к нескольким приемам. Во-первых, они обращались непосредственно к оппонентам, что создавало иллюзию живого общения и спора, вызывающего интерес у читателей. В № 5 за 1862 г. в отделе «Смесь» авторы называют главного редактора газеты «Северная почта» «Милостивый государь», сокращая таким образом дистанцию и иронизируя над оппонентом. Во-вторых, авторы журнала братьев Достоевских нередко прибегают к приему осмысленного принижения собственного значения в глазах читателей. В результате они добиваются обратного эффекта, ведь в саркастическом тоне читатели видят насмешку над оппонен-

тами. («А мы, легкомысленные», «Не сильны мы в таких науках, как анатомия, физиология, а тем паче – органическая химия»).

Авторы журнала «Время» признают необходимость обсуждения женского вопроса на страницах периодических изданий, но при этом опасаются негативного влияния публикаций о женской эмансипации на неподготовленные умы читательниц.

Примечания

¹ *Достоевский Ф.М.* Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // *Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1993. Т. 11. С. 5–12.*

² *Смесь* // *Время. 1862. № 5. С. 46.*

³ Там же.

⁴ *Смесь* // Там же. 1861. № 10. С. 172–173.

⁵ *Смесь* // Там же. 1862. № 5. С. 46.

⁶ Там же. С. 47–48.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ *Рассвет: Журнал для девиц* // *Время. 1861. № 9. С. 35.*

¹⁰ Там же. С. 40.

Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?»
в оценке публицистики и критики 1860-х гг.

Статья посвящена анализу критических и публицистических статей 1860-х годов, в которых отражена оценка романа «Что делать?». Описываются существовавшие в то время линии осмысления романа и в целом репутация Н.Г. Чернышевского как писателя. Ставится вопрос о том, почему один из самых читаемых и влиятельных романов этого периода вызвал столько отрицательных отзывов.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, роман «Что делать?», литературная репутация, русская журналистика середины XIX в.

Публикация в 1863 г. в журнале «Современник» романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского стала знаковым событием. Так, Е.Н. Водовозова, современница событий, записала в мемуарах: «Кого только не приходилось посещать в это время, всюду шли толки о романе “Что делать?”»¹.

Книга Чернышевского была громким событием прежде всего в кругу молодого поколения. Согласно воспоминаниям П.А. Кропоткина, «для русской молодежи того времени она была своего рода откровением и превратилась в программу...»². П.П. Цитович утверждал, что во второй половине 1860-х годов «гимназистка 5–6-го класса считалась бы душой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны»³. А цензор П.И. Капнист вскоре после выхода книги Чернышевского писал министру внутренних дел П.А. Валуеву о том, что роман «Что делать?» «имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинции. <...> Были примеры, что дочери покидали отцов и матерей, жены – мужей...»⁴.

Современники, в том числе публицисты и критики, единодушно признавали влияние романа «Что делать?» на общество 1860-х годов. Однако в оценках книги Чернышевского такого единодушия не было. Мнения его коллег-литераторов были полярны. И поляризация этих мнений началась сразу же после выхода романа.

Самым резким из появившихся непосредственно после выхода книги отрицательных отзывов был, пожалуй, отзыв Ф.М. Толстого, композитора, музыкального и литературного критика. В газете «Северная пчела», скрывшись под псевдонимом *Ростислав*, он утверждал: «Что делать?» есть «безобразнейшее произведение русской литературы», полное «отвратительной грязи»⁵.

Толстой, конечно, был не одинок. Большинству критиков роман не понравился ни с содержательной, ни с художественной точки зрения. Так, вполне солидаризовался с ним поэт и публицист А.А. Фет. «Скудность изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения, преднамеренное кривлянье самого дурного тону и ко всему этому беспомощная корявость языка превращают чтение романа в трудную, почти невыносимую работу», – утверждал он⁶.

Были среди критиков романа и такие, кто, признавая идейную ценность произведения Чернышевского, тем не менее отказывали автору романа в праве называться писателем. Одним из первых такую позицию сформулировал Н.С. Лесков в той же «Северной пчеле». Статья Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”» появилась в газете в качестве оправдания за резкую статью Ф.М. Толстого. Лесков видел в романе «явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное». Но при этом констатировал: «Роман странно написан <...> со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон»⁷.

Единомышленником Лескова был, например, А.И. Герцен. Видя в романе «очень замечательную вещь», «удивительную комментарию ко всему, что было в 60–67», признавая умение автора «Что делать?» «ставить житейские вопросы», он вместе с тем утверждал, что роман «гносно написан», что в тексте много «кривлянья». «Прекрасные» «мысли» и «положения» «политы» в романе, по мнению Герцена, «из семинарски-петербургски-мещанского урыльника»⁸.

Были у Чернышевского и безусловные сторонники в литературе и журналистике. Так, публицист В.С. Курочкин резко высмеял

статью Толстого в собственном очерке «Проницательные читатели». Толстого Курочкин назвал «критиканом», который изливал желчь на Чернышевского, даже не дочитав роман до конца. Критик язвил:

Я не посоветовал бы своей молодой жене читать этот роман. Но так как я – увы! – холост, то я посоветую г-ну Ростиславу; как своей жене молодой, не читать третью часть «Что делать?» (ибо уже доказано, что он не дочел романа до конца), не читать ни под каким видом, чтобы не соблазниться... желанием написать вторую рецензию горше первой⁹.

К группе тех, кто безоговорочно принимал роман, принадлежал, например, Д.И. Писарев – с хрестоматийной статьей «Мыслящий пролетариат» («Новый тип»), опубликованной в 1865 г. в журнале «Русское слово». Писарев считал, что роман Чернышевского – «произведение в высшей степени оригинальное и, с какой бы точки зрения вы ни взглянули на него, во всяком случае чрезвычайно замечательное. Достоинство и недостатки этого романа принадлежат ему одному»¹⁰.

* * *

Собственно, три группы отзывов о романе: полное неприятие, признание идеологических достоинств, но отрицание художественной ценности произведения, полная поддержка романа и его автора – существовали в русской критике и публицистике вплоть до революции 1917 г. И этот разброс мнений сильно затруднил процесс советской канонизации Чернышевского. Процесс, который – будучи составляющей советской пропаганды – подразумевал полное и безоговорочное принятие романа «Что делать?» как эталонного текста русского реализма.

Примечания

¹ Цит. по: *Богословский Н.В.* Жизнь замечательных людей. Чернышевский. М.: Молодая гвардия, 1955. С. 459.

² *Кропоткин П.А.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 306–307.

³ *Цитович П.* Что делали в романе «Что делать?». Одесса, 1879. С. 4–5.

- ⁴ Записка цензора П.И. Капниста министру внутренних дел П.А. Валуеву // Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие. СПб., 1865. С. 182.
- ⁵ См.: *Ростислав* [Толстой Ф.М.] Лжемудрость героев Чернышевского // Северная пчела. 1863. № 138.
- ⁶ *Фет А.А.* Неизданная статья о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Литературное наследство. Т. 25–26. М., 1936. С. 489.
- ⁷ См.: *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // Северная пчела. 1863. № 142 [от 31 мая].
- ⁸ *Герцен А.И.* Письма 1867–1868 годов // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1963. Т. 29. Кн. 1. С. 157, 160, 167, 159, 185.
- ⁹ *Куручкин В.С.* Проницательные читатели // Искра. 1863. № 32. С. 421–429.
- ¹⁰ *Писарев Д.И.* Новый тип // Русское слово. 1865. № 10. С. 4.

Одесские журналисты в Опродкомгубе в 1920–1922 гг.: по материалам ГАОО

В статье речь идет о работе журналистов в Опродкомгубе (Одесская губернская особая военная комиссия по снабжению Красной армии продовольствием) в начале 1920-х годов. Фонды Опродкомгуба позволяют уточнить биографические данные ярких представителей одесской печати, восполнить недостающие звенья в картине одесской литературной жизни первых лет советской власти.

Ключевые слова: Опродкомгуб, К.Г. Паустовский, О.А. Инбер, В.А. Рeginин, Д.П. Ширмахер, газета «Плуг и молот».

Бурное время Гражданской войны и неоднократной смены властей в 1917–1920 гг. знаменовалось расцветом и многообразием периодических изданий в Одессе (330 газет и журналов на 13 языках). 8 февраля 1920 г. в город пришла Красная армия – и ситуация резко изменилась. Одним из немногих мест, где могли устроиться на работу одесские и попавшие в город московские, питерские и киевские журналисты, стал Опродкомгуб (Одесская губернская особая военная комиссия по снабжению Красной армии продовольствием).

Ярко и красочно описал Опродкомгуб и, в частности, его информационно-издательский отдел К.Г. Паустовский в мемуарной повести «Время больших ожиданий»:

Глаза Торелли лукаво поблескивали в щелках припухших век.

– Прежде всего надо выяснить, – сказал он, – что значит Опродкомгуб?

Я знал это сокращенное название и объяснил его. Оно означало: «Особый продовольственный губернский комитет».

Торелли присел, хлопнул себя по коленкам костлявыми лапками и залился тихим смехом.

– Лучшего учреждения, – пропищал он, – нам и не нужно. В самый раз! <...>

Тогда Торелли изложил свою «идею», свой план, показавшийся нам одновременно и невероятно опасным, и неслыханно глупым.

– Послушайте, – сказал он, – вы же знаете, что такое учреждение? Или вы не знаете? И вы тоже знаете, что ни одно уважающее себя учреждение не может жить, если оно не издает какой-нибудь информационный листок или бюллетень про свою работу. Или, худо-бедно, не имеет собственного информационного отдела. Вы это знаете? Очень хорошо! А вы не подумали, что для этого отдела нужны газетчики?

Особенно репортеры. И знаете ли вы, что если нет информационного отдела, то начальник учреждения, будь он хоть сам мистер Форд, начнет барахтаться в делах, как цыпленок в луже? Мы откроем в Опродкомгубе информационный отдел. Мы напечатаем роскошный бюллетень на ротаторе о прибытии в Одессу для раздачи нетерпеливому населению трех бочек выдержанной камсы из Очакова и вагона кукурузы и моченых помидоров из Тирасполя. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что в Одессе начнется жизнь! – крикнул Торелли. – Жизнь!

– А почему вы уверены, что в этом учреждении еще нет информационного отдела? – спросил Яша. – Вы слишком много на себя берете, товарищ Торичелли.

– Ха! – воскликнул Торелли. – И еще раз «ха»! И, если хотите, двадцать раз «ха»! Вы же видите, что они еще не втащили в дом даже свое барахло. Они еще сосунки. Ну, а если тут информационный отдел есть, так это же не единственное учреждение в Одессе. Пойдем в другое. И откроем информационный отдел там.

Мы промолчали, подавленные логикой Торелли.

– Требуется солидный человек в очках, чтобы он говорил по-русски, как актер Качалов, – сказал Торелли. – Самый подходящий для этого, по-моему, товарищ Головчинер. Он будет у нас начальником отдела. Вы, – он показал на меня, – заместителем, товарищ Лифшиц – экономистом, а я – репортером. Но главное – проскочить мимо матроса, мимо этого рыжего голиафа с винтовкой. Пошли! Быстро! В таких делах волынка – первая опасность.

Мы с деловым видом подошли к входу в таинственный Опродкомгуб. Торелли шел сзади, фальшиво насвистывая и стараясь спрятаться за нашими спинами¹.

О связи Опродкомгуба с литературной жизнью писали одесский краевед Р. Александров и основатель Одесского литературного музея Н.А. Брыгин². Однако текст Паустовского зачастую

воспринимается исследователями как описание подлинных событий.

Так, С.И. Белоконь пишет:

Например, в автобиографическом рассказе К. Паустовского «Предки Остапа Бендера» [ошибка автора, это название главы повести. – Е. Я.] речь идет о том, как в 1920 году в Одессе несколько совсем молодых местных авантюристов (В. Головчинер, Я. Лифшиц и др.) проникли в группу людей, формировавших «Опродкомгуб». Сняв одну из комнат и повесив на двери вывеску «Информационный отдел», они стали исполнять некоторые обязанности, которые для руководства оказались даже... полезными³.

У Паустовского организуют отдел Я.Б. Лифшиц, В.Л. Головчинер, Торелли и сам автор.

В действительности, сохранившийся в ГАОО фонд Опродкомгуба позволяет восстановить реальную картину. Из приказов и документов следует, что Яков Лифшиц был принят на работу 14 февраля 1920 г. (Красная армия вошла в Одессу 8 февраля) на должность секретаря статистико-экономического отдела. Паустовский зачислен 17 февраля на должность помощника секретаря информационно-издательского отдела (заявление, поданное 14 февраля, было утеряно), и лишь 2 марта в приказе появляется Владимир Головчинер, занявший должность техника множительной аппаратуры. В списках сотрудников и приказах Торелли (у Паустовского «организатор» создания информационного отдела) вообще не числится. А заведующим отделом с 16 февраля стал бывший студент-юрист и подпольщик З.И. Дайн.

По личным делам и приказам можно назвать некоторых сотрудников Опродкомгуба – журналистов. Кроме самого Паустовского, Головчинера и Лифшица, это А.М. Гюль-Назарянц, И.А. Ильф (Файнзильберг), О.А. Инбер, В.А. Регинин, М.А. Тарловский, В.Г. Финк⁴. К сожалению, личное дело Головчинера утрачено.

В 1920–1921 гг. информационно-издательский отдел выпускал газеты «Плуг и молот», «Вопросы продовольствия»⁵, «Продовольственный месяц», журнал «Новая продовольственная политика», «Бюллетень Опродкомгуба».

Анкета из 25 вопросов, хранящаяся в личных делах, позволяет уточнить не только биографические данные, но и перемещения во время Гражданской войны (у Регинина и Паустовского), состав семьи.

Выясняется возраст популярного до революции одесского журналиста Осипа Инбера, отца журналиста Натана (Ната) Инбера и

свекра поэтессы Веры Инбер – ему 56 лет, примечательно, что в графе «национальность» указано – «русский»⁶. В анкете он сообщает о двух сыновьях (не указывая, что один из них – Натан – эмигрировал) и двух братьях, один из которых на «на советской службе в Москве, другой давно живет за границей».

Василий Регинин на вопросы, где жил, работал или служил, отвечает: до войны 1914 г. был редактором «журн[ала] “Аргус” и мн[огих] др[угих]. (Петроград), на 5 апреля 1919 г. (при сов[етской] власти) – сов[етские] издания, на 1 января 1920 (при деникинщине) – нигде». На вопрос «если нигде не служили, то чем занимались?» – «журналистикой, театром», о преследовании «за политическую работу» – «да, за выпуск меньш[евистской] газ[еты]». Он указывает, что отец «завед[овал] изд[ательством] Горького (Петроград, сестры – на службе в сов[етской] больнице, Петроград)»⁷.

Паустовский на те же вопросы отвечает, что до войны 1914 г. он учился в Киевском университете, с января 1917 г. жил в Москве, где сотрудничал с различными периодическими изданиями, в апреле 1919 г. был в Киеве, а затем – «при деникинщине» – переехал в Одессу, где сотрудничал в газете «Совр[еменное] Слово». О преследовании за политическую работу – «был уволен из гимназии за неблагонадежность в 1911 г. в Киеве», о родных – «Два брата убиты во время войны 1914–17 года. Единственный сын. На попечении мать и сестра (слепая). Местожительство их – м[естечко] Чернобыль Киев[ской] губ[ернии]. Отец умер»⁸. В заявлении о приеме на работу Паустовский ссылается на журналистский опыт: «По образованию – я юрист. Я журналист, работал несколько лет в кооперативных изданиях в Москве, сотрудник “Новой жизни”. В прошлом году – заведовал информационным бюро транспортного управления Наркомпрода УССР»⁹.

О. Инбер, журналистский стаж которого превышал возраст Паустовского, писал скромнее: «Прошу зачислить меня на службу в контрольно-инспекторский отдел. Хорошо знаком теоретически и практически со статистикой, с учетом и с контрольным делом»¹⁰. Инбер не ссылался в заявлении ни на многолетнюю работу в дореволюционных «Одесских новостях», ни на полугодовую работу в советских «Известиях Одесского губкома».

Самая бурная биография в годы Гражданской войны была у 38-летнего Якова Борисовича Лифшица, друга и соседа Паустовского (они жили в одном доме на ул. Черноморской). Он служил «земским статистиком в Самаре, статистиком в Гл[авном] упр[авлении] [неразб] сборов, писал во многих петерб[ургских], моск[овских] и киевских изданиях по вопросам статистики, экономики,

был секретарем общ[ества] печат[ников] в Петрограде, с 5 апреля 1919 жил в Житомире, где был тов[арищем] председ[ателя] следств[енной] комиссии по делу о погроме, правозащитником при ревтрибунале и пр. Сидел в Киевской контрразведке. Никакого обвинения предъявить не успели в виду эвакуации. Отец умер, мать старуха работает на огороде в Петрограде»¹¹. В заявлении о приеме на работу он объясняет отсутствие паспорта: «Он у меня был отобран вместе с другими документами при аресте меня Киевской контрразведкой»¹².

В приказах можно найти фамилии, которые позднее используют в своих произведениях И.А. Ильф и Е.П. Петров: И.Г. Бендер, Я.К. Берлага, Е.К. Остен-Сакен.

Через год после перехода Паустовского и Регинина в известную одесскую газету «Моряк» в Опродкомгубе появляется еще одна колоритная фигура – Д.П. Ширмахер, он же «Хромой Митя», известный своей литературно-организационной деятельностью. Так, именно ему обязаны своим существованием одесские литературные кафе «Пэон 4» и «Хлам», а также кружок «Коллектив поэтов» (1920 г.).

«Хромой Митя» был одним из прототипов Остапа Бендера. Он достаточно часто упоминался мемуаристами, однако точных данных о нем не приводят¹³.

Между тем из документов Опродкомгуба можно извлечь и его биографические данные. Из личного дела Димитрия Петровича Ширмахера выясняется, что родился он 13 сентября 1896 г. в Одессе. Его отец был преподавателем-надзирателем в коммерческом училища Файга¹⁴. Сам он окончил реальное училище (можно предположить, что это было училище Жуковского, где учился и Э. Багрицкий). В его деле копия паспорта, выданного Генеральным консульством Российской Советской республики в Одессе 28 сентября 1918 г., в котором консульство «именем Рабочее-Крестьянского правительства Российской Советской республики... заявляет всем и каждому, что предъявитель сего возвращается в пределы России. Вследствие этого Генеральное консульство просит правительства дружественных государств оказывать Ширмахеру поддержку, а властям Российским не чинить препятствия к переезду гражд[анина] Д.П. Ширмахером Российской государственной границы»¹⁵.

Еще один любопытный документ – Удостоверение Губполитпросвета № 1746 от 28 мая 1921 г. – подтверждает, что «он действительно состоит зав[едующим] уч[етом] и распредел[ением] литературных сил Одесского Губполитпросвета»¹⁶. В анкете в графе

«работа за последние 4 года» он указывает: «В Губполитпросвете – инструктор, зав[едующий] клубом Пис[ателей] и Поэт[ов]»¹⁷.

Ширмахер, в отличие от перечисленных выше журналистов, работавших по специальности, 13 апреля 1922 г. был командирован культотделом Губпрофсовета на Одесские областные курсы продналоговых инспекторов и дал подписку о том, что по их окончании должен прослужить в течение года по назначению Одесского Опродкомгуба. И дал обещание, что в случае «уклонения от этого» будет подлежать «ответственности по Суду Революционного трибунала, как за срыв продовольственного дела» и обязуется «возместить государству все расходы, понесенные им на мою подготовку к продналогоинспекторской работе»¹⁸. В его личном деле сохранились задания, которые давали курсантам – задача и диктант¹⁹.

В дальнейшем сотрудники вспоминали Опродкомгуб по-разному: как бюрократическую махину (Ильф) и как колоритное, веселое учреждение (Паустовский). Литературное отображение одесского Опродкомгуба навсегда связано не только со «Временем больших ожиданий», но и с «Золотым теленком». Ильф и Петров описали это учреждение в романе – как контору «Геркулес».

Примечания

- ¹ *Паустовский К.* Время больших ожиданий: рассказы, дневники, письма. Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. С. 76–78.
- ² *Александров Р.* Прогулки по литературной Одессе. Одесса: Весть, 1993. С. 29–33; *Брыгин Н.А.* Время веры и больших надежд: некоторые даты к биографии К.Г. Паустовского. Одесса: Астропринт, 2007. С. 14–38.
- ³ *Белоконь С.И.* Социальный портрет чекистов. [Электронный ресурс] URL: <http://d-v-sokolov.livejournal.com/206293.html> (дата обращения: 31.05.2016).
- ⁴ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 1263. Оп. 2. Д. 2882. Л. 1; Д. 3708. Л. 3; Оп. 1. Д. 33. Л. 35 об., 36 об.; Оп. 2. Д. 1840, 2885, 1263, 4135, 4872; Оп. 1. Д. 96. Л. 206–208. Публикацию материалов дела М.А. Тарловского в ГАОО см.: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-i-literatura/istoriya-i-literatura/ya-sputnik-poslushniie-dvux-gaznix-planet%E2%80%AB-neizvestnie-odesskie-stranicebiografii-marka-tarkovskogo.html> (дата обращения: 31.05.2016).
- ⁵ 19 апреля 1920 г. В.А. Регинин пишет заявление с просьбой зачислить его «в состав сотрудников изд[ательско]-инф[ормационного] отдела... в качестве технич[еского] завед[ующего] ред[акцией] газ[еты] “Вопросы Продовольствия”» (ГАОО. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4135. Л. 1).
- ⁶ Там же. Д. 1840. Л. 3.

- ⁷ Там же. Д. 4135. Л. 3–3 об.
- ⁸ Там же. Л. 9, 9 об., 3.
- ⁹ Там же. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Д. 1840. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Д. 2885. Л. 4–4 об. 1.
- ¹² Там же. Л. 1.
- ¹³ О Ширмахере писали, в частности, М.А. Тарловский («Веселый странник», 1935 г.), Е.Б. Окс («Клуб поэтов», 1940-е годы), Т.Г. Лишина («Так начинают жить стихом», 1968 г.), С.А. Бондарин («Парус плаваний и воспоминаний», 1971 г.). См. также: *Яворская А.Л. Хромой Митя // Дерибасовская-Ришельевская: Лит.-худож. альм. Одесса. 2011. № 44. С. 235–241.*
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5687. Л. 9.
- ¹⁵ Там же. Л. 8–8 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 3.

Фильм Р.А. Быкова «Айболит-66» в советской прессе: к истории восприятия детского кино в СССР

В данной статье рассматривается проблема восприятия детского кино в СССР. «Айболит-66» – фильм, снятый в непривычной для советского зрителя эстетике. Советская пресса в основном положительно оценивала фильм, однако анализируя статьи о нем, можно заметить, что большинство рецензентов склонны воспринимать эксперимент Быкова как кино для взрослой аудитории. В форме иронии и гротеска режиссер поставил вопросы, актуальные для советского общества.

Ключевые слова: советская пресса, советское кино, советский социум, Р.А. Быков.

Фильм «Айболит-66» вышел в 1966 г., снятый по сценарию В.А. Коростылева и Р.А. Быкова. Режиссер Р.А. Быков взял за основу книгу «Доктор Айболит» К.И. Чуковского, пересказавшего историю приключений Доктора Дулитлла авторства Х. Дж. Лофтинга. До фильма Быкова было снято два мультфильма («Лимпопо», реж. Л. Амальрик, В. Полковников, 1939; «Бармалей», реж. Л. Амальрик, В. Полковников, 1941) и фильм «Доктор Айболит» (реж В. Немоляев, 1938).

«Айболит-66» отсылает к эстетике 1920-х годов. В начале фильма заявлено, что это – «представление с песнями и танцами, музыкой и выстрелами для взрослых и детей». Таким образом, можно говорить о смешении жанров. «Айболит-66» – это одновременно и костюмированная сказка, и мюзикл (в фильме много музыкальных номеров) с элементами вестерна.

Подчеркнуто-условный характер изображаемого, многочисленные театральные реминисценции, смешение (опять-таки намеренное) самых различных жанров в одном произведении – вот доказательство того, к какой аудитории обращается «Айболит-66». Да и сама организация кинематографического времени и действия предполагает не только взрослого, но и достаточно развитого зрителя¹.

Сказка создавала мир, в котором было позволено говорить о вещах, невозможных для других жанров советского кинематографа. Так, в сказках было возможно чистое столкновение добра и зла, проговорка важных формул, которые не всегда «проходили» в более серьезных формах кинематографа. Примерами подобной свободы могут служить фильмы «Королевство кривых зеркал» (реж. А.А. Роу, 1963, киностудия им. М. Горького), «Каин XVIII» (реж. Н.И. Кошеверова, М.Г. Шапиро, 1963, «Ленфильм»), «Три Толстяка» (реж. А.В. Баталов, И.С. Шапиро, 1966, «Ленфильм») и «Айболит-66» (реж. Р.А. Быков, 1967, «Мосфильм»).

Как замечает корреспондент газеты «Вечерний Свердловск» В. Кичин,

сказка рассматривает человеческие взаимоотношения в их чистом виде; она может позволить себе забыть о бытовом правдоподобии, и потому ее арсенал сказочно богат: гипербола и фантастика, чистая философия, чистая публицистика, детская наивность – не глупая наивность, а наивность мудрая, бескомпромиссная. Все это таится в недрах ее волшебного мешка, и от таланта факира зависит вызвать их к жизни. Ролан Быков выпускает на волю сразу всех своих джинов, и они строят ему ошеломляющий богатством выдумки фильм – «Айболит-66»².

Вместе с тем подобная форма – а фильм носил явно экспериментальный характер – давала возможность травестию реальности, что в полной мере проявилось в «Айболите-66»:

Призвав на помощь театр, Ролан Быков стал снимать сказку словно под увеличением – вся ее условность предстала выпукло, увеличено, крупно. Вы увидели сказку в самом ее начале, в процессе рождения, и нам весело и интересно, что все появляется на наших глазах, – рисуется домик Айболита, строится корабль, гримируются актеры, льется водопадом через экран море. Вот, оказывается, как можно снимать сказки³.

А. Данельян отмечает, что сказка и зрительный зал становятся единым пространством:

Рождение сказки не становится тайной. Зритель как бы сам принимает в нем участие. Вот расстелили зеленое поле, перебросили по нему желтые песочные дорожки и... можно играть сказку, можно рассказать о добре и зле. Доверьтесь мудрым волшебникам – уж они-то наверняка знают, каким должно быть это веселое и пестрое представление. Они сделают все, чтобы победил Айболит, ибо он – добрый человек, а добро всегда побеждает! Даже если на его пути встают Бармалеи⁴.

А. Галич (драматург, сценарист, лауреат Сталинской премии 1947 г., поэт и знаменитый бард) фактически «закрепляет» новаторство Быкова:

Искусства не умирают. Они меняют формы и технику, они взаимно обогащают друг друга, и, может быть, именно в этом залог их бессмертия. <...> «Айболит-66» – произведение на редкость самостоятельное и оригинальное. Произведение подлинно кинематографическое⁵.

Быков создает особую реальность с помощью нового, не освоенного еще в полной мере в 60-е годы приема вариокадра – изменения размера кадра в зависимости от задач той или иной ситуации, разыгранной по ходу сюжета. Быков использует сложные технологии, но они упрощают зрительское восприятие. Зритель видит границы экрана, подчеркнутые широким черным полем, в центре которого – уменьшенный кадр. Из него актеры периодически обращаются к зрительному залу, как бы приглашая принять участие в действе. Таким образом, зритель видит в фильме реальность, в которую можно попасть.

Сам Быков комментировал это так:

Мне давно хотелось, – говорит Быков – сделать фильм синтетического, вольного жанра, где актеру можно было бы начать вдруг петь, а когда не хватило бы слов, он мог бы выразить свои чувства в танце⁶.

Ему вторит В. Кичин:

Современный вариоэкранный и стереофонический кинематограф – и древний театр масок. Джаз и балет. И цирк. Орган и скрипка. Откровенная театральная условность и изысканнейшие кинематографические ритмы. <...> И при всем том, это только условия игры⁷.

Задумка режиссера явно отсылает к идее синтетического театра, сформулированной Б. Брехтом. На базе синтетического театра существовал Театр на Таганке Ю.П. Любимова, прогремевший в 1963 г. спектаклем «Добрый человек из Сезуана», в основу которого были положены принципы Брехта. Это был совершенно новый театр, который действовал как единый живой организм. У театра не было установки на одного актера:

Любимов создал великолепную, натренированную, музыкальную, умную, самую интеллигентную в Москве труппу... мобилизуя традиции Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Брехта, выработал на основе этой традиции... новый сценический язык⁸.

Причем это новшество отмечают и современники:

Создать спектакль, где на равных правах в некоем новом единстве сочетаются драма, опера, балет, пантомима, цирк и прочие искусства, увлекают многих. Об этом думают режиссеры, актеры, композиторы. <...> Решения, скажем, Юрия Любимова, в Театре на Таганке, чрезвычайно интересны сами по себе, выглядят как заявки какого-то нового вида театра, очень современного, насыщенного музыкой и всеми театральными красками от балета – до пантомимы⁹.

Идеи Любимова могли срезонировать с мыслями Быкова о синтетическом кино, и, возможно, это подтолкнуло последнего к созданию «Айолита-66» с использованием синтетических приемов. Сказка, которую знали все, теперь была исполнена на новом техническом уровне. Быков использовал техническое кинорешение с новым театральным решением и получил необычный результат. Он, впрочем, оговаривался:

Эта идея не нова. Еще в 1930 году замечательный советский режиссер и теоретик кино Сергей Эйзенштейн выдвинул идею «динамического квадрата». Тогда только был еще изобретен широкий экран, он был еще только экспериментом, и Сергей Эйзенштейн предлагал создать систему динамически изменяющегося кадра. Изменяющегося для того, чтобы кинематографист, подобно художникам и живописцам всего мира, мог бы вписывать кинематографическую композицию, так сказать, в любой «подрамник»¹⁰.

Советские газеты обращают внимание на новый способ съемки, который предлагал Быков:

Этот фильм рожден новой кинотехникой. Мы и раньше видели сказки на экране, но они жили обычной сказочно-реальной, что ли, жизнью. Быков же словно препарировал сказку¹¹.

Или:

Вспомните кадры в старых переводных фильмах, их ту самую нерабочую часть, которая использовалась для субтитров. В фильме «Айболит-66» это место как бы в резерве, и зритель забывает о нем. А потом Айболит подходит, казалось бы, к краю сцены и... надо же, свешивает за кадр зонт!¹²

Выйдя на советские экраны, фильм стал популярен и разошелся на цитаты: «Нормальные герои всегда идут в обход»; «Догоним и перегоним доктора»; «Это даже хорошо, что пока нам плохо» и др.

Благодаря возможностям, которые открывал жанр кино-сказки, Быков мог несерьезно говорить о серьезных вещах, которые легко считывались взрослой аудиторией. Используя сказочную реальность, режиссер и сценарист отсылали к той действительности, в которой жило советское общество. Попробуем проследить, как сделан фильм «Айболит-66» и почему он воспринимается взрослой аудиторией.

«Айболит-66» построен на постоянном противопоставлении белого и рыжего клоунов: «В прологе появляется автор с лицом и трагика и комика одновременно. И уже это настраивает на восприятие событий в картине с разных сторон»¹³.

В действие включены эти две маски, которые находятся будто в постоянном противопоставлении. Однако грустные и веселые клоуны, несмотря на противоположность, – настоящая команда, которая по мере надобности включена в общее действие (в основном они отвечают за звуковое сопровождение). На контрасте масок построен весь фильм. М. Брусиловская отмечает:

Маска иногда говорит больше, чем лицо. Особенно если она подобна авторской маске Р. Быкова на экране «Айболита-66». Два разных состояния, два разных настроения, больше – два разных отношения к жизни совмещены в ней в одно: грустно-веселое, иронически-серьезное.<...> Органичность и нераздельное единство двух выражений маски пришли к фильму из совсем другого искусства – из цирка¹⁴.

Также рецензенты отмечают условность игры и то, что это сказка скорее для взрослых, нежели для детей¹⁵.

Две главные роли отведены Айболиту и Бармалею. Это персонажи, которые находятся в оппозиции друг другу. Это роли определенного социального поведения. Айболит считается как типичный представитель интеллигенции, доктор в очках с аккуратной бородой и благородной миссией:

По-интеллигентски доверчив и наивен доктор Айболит в трактовке Олега Ефремова. Он словно не от мира сего, потому как-то неловко укорять, поправлять. И мягкой великодушной улыбкой, и усталым близоруким прищуром глаз, и увещательной искренней интонацией он располагает к себе каждого. В нем какая-то обезоруживающая, первозданная доброта¹⁶.

Бармалей – более сложный персонаж. Он, скорее, является воплощением активизма, чем носителем чистого зла. Призванный мешать доктору во всех его начинаниях, Бармалей не вполне понимает, что ему делать с самим собой, и от этого его активность только возрастает по мере продвижения фильма к финалу:

Ролан Быков в роли Бармалея блестяще играет своего сказочного тирана и диктатора, который, в сущности, схож с тиранами и диктаторами в действительности. В общем он ничтожество, этот Бармалей. Его сила – в покорности и подчинении окружающих¹⁷.

Сходным образом рассуждает режиссер фильма и исполнитель роли Бармалея Быков: «Маленький и ничтожный человечешко, пошлый, неудачливый и озлобленный»¹⁸. Александр Галич в своей рецензии иронично отзываясь о Бармалее:

Он ужасен, этот Бармалей. <...>

Но очень скоро выясняется, что все это – сплошное надувательство! Никакой Бармалей не огромный – он маленький, коротышка.<...> И шевелюра Бармалея – дикая, лохматая, торчащая во все стороны – это обыкновенный парик, которым Бармалей в минуту усталости обмахивает вспотевшее лицо и лысенькую голову¹⁹.

В. Кичин говорит, что в Бармалее воплотились «десятки сортов разношерстного зла»²⁰.

Таким образом, доктор представляет условное добро, а Бармалей – условное зло, воплощая одновременно оппозицию «интеллигенция–народ»:

Вечная тема – пока существуют злые, добро нужно защищать кулаками – занимает достойное место в фильме и в характере доктора Айболита. Он настолько убежден в своей правоте, что вначале всерьез пытается убедить Бармалея не хулиганить, но когда уговоры не помогают, он с полным успехом пускает в ход кулаки²¹.

Доктор должен спасти больных обезьян в далекой Африке. Перед нами – скромный человек, преданный своему делу. Конечно, он немного рассеянный, как это бывает с учеными, и из-за этой наивности и рассеянности попадает в нелепые ситуации, но всякий раз дело оканчивается хорошо и Айболит в результате достигает своей цели.

Он, безусловно, немного смешон, этот доктор (кто-то сказал о нем «кабинетный ученый»). Он наивен и простодушен до недоразумения. Ему говорят, что Бармалей всех подряд грабит и убивает, а он, подняв верх брови, говорит: «Это возмутительно!»²²

Интеллигентность Айболита проявляется не только в его поступках, но и в тех постулатах, которые он декларирует. Например, обезьянка Чичи сообщает доктору, что Бармалей всех убивает и грабит – на что Айболит реагирует следующим образом: «Но это же возмутительно! Надо же с ним поговорить». Айболит – «идеально интеллигентный доктор»²³. Его реакция совершенно противоположна действиям Бармалея. Чтобы ответить на девиантное поведение Бармалея – убийство и грабежи, мало просто разговоров. Здесь мы наблюдаем предлагаемый способ перевоспитания гражданина, не вписывающегося в социум: его надо учить не кулаками, а словом. Но Чичи показывает, что канала связи с Бармалеем нет, потому что с ним никто не разговаривает, все боятся, а он бежит по Африке, грабит и убивает. Не менее показателен эпизод, когда распоясавшийся Бармалей вылетает (в прямом смысле) из окна дома доктора. Реакция Айболита – замечание разбойнику: «У меня даже бабочки влетают и вылетают в дверь!» Явно доктор не воспринимает «бесподобного и очень злобного» (по выражению самого Бармалея) разбойника всерьез. Эту мысль развивает Б. Тарасов, рецензируя фильм в газете «Молодой ленинец»:

Но все-таки без кулаков не обойтись. Как подсказывает поэт, «добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно» <...> Бармалей в новом фильме не кажется нам грозным, непобедимым страшилищем. Ролан Быков сразу развенчал его.

Маленький, лысый, этот новоявленный «рыцарь зла» взбирается на ходули, натягивает лохматый парик. <...> Послушайте его самонадеянные речи, подумайте, откуда они вам знакомы.

Ба! Да ведь перед нами самый заурядный демагог²⁴.

Бармалей никого не убивает, хотя постоянно об этом заявляет, а грабит доктора, отбирая разве что касторку, которую бандиты сразу выпивают и получают соответствующие последствия. Бармалею важен сам факт высказывания – констатирующего. Если Бармалей – разбойник, то он обязан оправдывать свою «профессию». Это выполнение ритуала. Не так важно, к каким последствиям это приведет и каких результатов он добьется: «Внутренне он, может быть, осознает собственное ничтожество, но простить это человечеству не способен. Провозглашая себя гениальным, “бесподобным и очень злобным”, он прямо-таки доходит до истерики»²⁵.

Мы наблюдаем, как раз за разом Бармалей пытается помешать доброму доктору, строит всяческие козни, но из этого ничего и никогда не получается. Смысл движения разбойника заключается в противодействии любому поступку доктора, а не в том, к чему это приведет в итоге. Таким образом, мы имеем дело с перформативностью²⁶. За соблюдением внешних форм ритуала нет внутреннего наполнения, которое соответствует этому ритуалу.

В общем, он ничтожество, этот Бармалей. Его сила – в покорности окружающих. Но когда доктор Айболит дает ему хороший отпор, Бармалей сразу превращается в трусливое, подхалимствующее двуногое и даже готов делать добро окружающим²⁷.

По мнению одного из рецензентов,

Бармалей-66 вобрал в себя черты отрицательных «героев» нашего времени. Он самый заурядный хулиган. У него и манеры из подворотни и слова такие же. Ничего не осталось от того грозного, страшного Бармалея. Он жалкий трус, и когда сталкивается с силой, скулит и просит прощения («какие мы хорошие, давайте все дружить») ²⁸.

Но не таков Айболит. Он ставит перед собой цель спасти обезьян в далекой Африке, но для этого необходим корабль. И здесь уже не подходит та условность, на которой изначально строился фильм. Нужен настоящий корабль и настоящее море. Строительство корабля превращается, буквально, в стройку века. Вот где пригодились клоуны: и грустные, и веселые клоуны дружно машут то-

порами, надевают сварочные маски и демонстрируют зрителю радость массового совместного труда, который неизбежно приведет к правильному результату. В данном случае этот акт совместного труда (ведь белые и рыжие клоуны – полные противоположности) можно рассматривать как ритуал, благодаря которому миссия доктора может быть успешно завершена. Вообще тема труда как ценности для общества была актуальна в советском кино – начиная от первого советского звукового фильма «Путевка в жизнь» (реж. Н. Экк, 1931), где беспризорники дружно строят железную дорогу, до сказок типа «Королевство кривых зеркал», где труд ведет к счастливой и правильной жизни. Главная героиня – школьница Оля, которой на протяжении всего фильма объясняют, что надо хорошо учиться, работать, трудиться, – тогда можно вырасти настоящим человеком (и тут же в фильме участвует ее зеркальное отражение, Яло, которое все делает наоборот, но в финале, конечно, «перевоспитывается»).

Доктор, стоя на мостике в отплывающем корабле, под звуки военного оркестра произносит пламенную речь. Собственно, внимание зрителя предлагается декларация идеального намерения, но и в самой речи указано на неизбежное преодоление трудностей на пути к этой цели. «Мы доберемся до Африки и вылечим больных обезьян! Экран – покажет!» – говорит Айболит. То есть, несмотря ни на что, преодолевая всевозможные трудности, мы доберемся до Африки, выполним возложенную на нас задачу – что и будет выведено в пространство публичного обсуждения. Этот эпизод является и пародией на агитацию, которая была обязательным элементом жизни советского общества. Доктор призывает к «борьбе за все хорошее против всего плохого», притом что внешность его уж никак не соответствует его речам – сложно представить себе советского интеллигента в подобных обстоятельствах – в чем и заключается комизм ситуации.

Абсолютную доброту и безмерную наивность своего героя он (Олег Ефремов. – *Е. Б.*) сумел поставить выше всяких насмешек, сделать действенным оружием в своей борьбе за добро и правду. Простота и естественность этой доброты в талантливом исполнении Ефремова настолько очевидны, что могут вызвать только уважение к чудаковатому доктору²⁹.

Айболит ведет себя как настоящий герой, он решает насущные проблемы и не хочет замечать Бармалея, потому что идет к цели, – главное, чтобы тот не мешал. Доктор занят делом: он преодолевает

трудности, которые возникают постоянно, ведь в советском героическом дискурсе (и сказочном тоже) герой должен проходить через разнообразные препятствия – только тогда происходит инициация и обычный человек становится героем. Трудности возникают практически сразу (поскольку корабль попадает в бурю), и Айболит (призывая не бояться страха – героям вообще незнакомо это чувство) с командой успешно преодолевает это испытание и добирается до Африки, распевая бодрые песни (именно они и помогают преодолеть стихию).

Пусть кругом туман и ночь,
 Опоздать нельзя нам,
 Надо вовремя помочь
 Бедным обезьянам.
 Мы плывем без страха.
 Пусть туман и ночь,
 Надо обезьянам вовремя помочь,
 Пусть туман и холод, в Африке зато
 Мы сойдем на берег даже без пальто!

Это соотносимо с советским дискурсом преодоления трудностей с помощью песни «Марш веселых ребят» (муз. – И.О. Дунаевский, слова – В.И. Лебедев-Кумач) из кинофильма «Веселые ребята» (реж. Г.В. Александров, 1934):

Мы все добудем, пойдем и откроем,
 Холодный полюс и свод голубой,
 Когда страна быть прикажет героем,
 У нас героем становится любой.
 Нам песня строить и жить помогает,
 Она, как друг, и зовет, и ведет,
 И тот, кто с песней по жизни шагает,
 Тот никогда и нигде не пропадет!

Доктора догоняют пираты во главе с Бармалеем, который внешне очень похож на красного героя Семена Михайловича Буденного. Они и ведут себя сродни красноармейцам (это повторяющийся мотив в фильме), размахивающим шашками и несущимся на лошадях в атаку. Вот только передвигаются разбойники на водных лыжах и размахивают бутфорскими пистолетами, при этом поют развеселую песню про акулу: «Ты лети, моя акула, путь-дорога далека, ты лети, моя акула, / все четыре, все четыре, / все четыре плавника».

Это пародия на хорошо известную современникам песню «Тачанка» (муз. – К.Я. Листов, слова – М.И. Рудерман):

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди.
И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой
Застрочил из пулемета
Пулеметчик молодой!
Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

Говоря о героизме, нельзя не упомянуть об отношениях, которые выстраиваются между Айболитом и Бармалеем. Бармалей – тоже своего рода герой, но с другим знаком. Почему Бармалею так мешает Айболит? Какие планы он ему срывает и почему для него жизненно важно помешать доктору, а все его движение в фильме – это противостояние Айболиту, где он раз за разом проигрывает? Поскольку движение Бармалея – противостояние, то и героизм его оказывается «вывернутым наизнанку».

Примером тому может служить несколько эпизодов. Во-первых, начало фильма. Вот к доктору заявляется Бармалей. Он ищет обезьянку Чичи, которую доктор укрывает у себя, она и предупреждает Айболита о больных обезьянах. Разбойник ведет себя вызывающе, чтобы казаться выше, входит в дом на ходулях, констатирует: «А раз ты меня не боишься, сейчас я буду тебя убивать и грабить». Получив отпор от собаки Аввы, Бармалей виснет на люстре, он кричит «Бей!» и «Ура!», громя жилище Айболита, что не соответствует ситуации. Так обычно кричат красноармейцы, когда идут в атаку, а не отъявленные разбойники, которые нападают на людей. Похожее мы наблюдаем в эпизоде с акулой: поведение, сходное с поведением кавалерии при атаке противника, и, наконец, в эпизоде, где разбойники пытаются окружить доктора, а окружают камень.

Во-вторых, одна из самых известных песен этого фильма – своего рода декларация Бармалея: «Нормальные герои всегда идут в обход». Сравним это с советским героическим дискурсом. Здесь можно указать на два текста.

Песня «Конная Буденного» (муз. – А. А. Давыденко, слова – Н.Н. Асеев):

Будет белым помниться, как травы шелестят,
 Когда несется конница рабочих и крестьян,
 Когда несется конница рабочих и крестьян,
 Рабочих и крестьян.

Никто пути пройденного у нас не отберет,
 Конная Буденного, дивизия, вперед!

И песня на слова А.И. Безыменского:

Вперед, заре навстречу,
 Товарищи в борьбе!
 Штыками и картечью
 Проложим путь себе!
 Смелей вперед, и тверже шаг,
 И выше юношеский стяг!
 Мы – молодая гвардия
 Рабочих и крестьян.

Бармалей будто действует в русле этого текста, но выполняет все действия наоборот. Вместо того, чтобы схватиться с врагом напрямую, он пытается обойти его с тыла. Неудивительно, что у Бармалея ничего не получается. Он преодолевает те трудности, которые сам же себе создает:

Это безудержный и безрассудный авантюризм, понизывающий буквально все действия разбойника. И как бы печально ни кончались затейные им эскапады, Бармалей никогда не винит в этом самого себя; он либо продолжает утверждать, что был во всем прав, либо ищет виновников где-то на стороне³⁰.

Тем не менее Бармалей все время пытается утвердить собственную власть. И утверждает ее, находясь в противостоянии доктору и его команде. Проявляется это в самом комичном виде. Вот он догоняет доктора со своими слугами на ослах (осел – животное упрямое и плохо управляемое). «Догоним и перегоним доктора!» – кричит веселый Бармалей – что соответствует известному советскому лозунгу: «Догоним и перегоним Америку!». Причем Бармалей перегоняет доктора в прямом смысле. Естественно, возникает

вопрос: а зачем догонял – чтобы перегнать? Но в итоге ведь и не догнал. В этом и проявляется характер власти Бармалея.

В исполнении Ролана Быкова Бармалей не «зол и страшен», как это положено по чину, а смешон, смешон до коликов в животе. Уже одно это говорит о смещении акцента. Зло всегда осуждается, но много ли вы видели произведений искусства, в которых бы оно высмеивалось? Обычно осмеянию подвергается глупость, чванливость, высокомерие. Вот над этими-то чертами своего «героя» и смеется Быков, хохочет во все горло, увлекая за собой зрительный зал³¹.

Поскольку Бармалей все действия совершает, понимая их буквально, он не получает результата. Характерен эпизод пленения Айболита – Бармалей угрожает ему и друзьям разнообразными видами расправ, на что Айболит замечает: «Погубят тебя слишком широкие возможности». Слишком большая власть ведет к невозможности контролировать ситуацию. По мнению А. Галича,

может ли быть иначе, если этот маленький диктатор верит, что удержать власть можно только внушая страх, только хитростью, подлостью и обманом, – и терпит, к полному удовольствию зрителей, поражение за поражением³².

Не таков Айболит, он, наоборот, действует в русле упомянутой выше песни Безыменского: через самое пекло, через пустыню он прокладывает себе и товарищам по борьбе путь, как бы с удивлением замечая: «А когда бы Бармалей козни нам не строил – мы не знали бы, что мы – видимо, герои!» Айболит даже и не задумывается о том, что он герой и это положительно его характеризует, и вообще «это даже хорошо, что пока нам плохо!» Напротив, Бармалей хорошо знает, что «нормальные герои всегда идут в обход».

В финале зритель видит результат, которого, несмотря ни на что, добился доктор: вылеченные и веселые обезьяны, Айболит улыбается и ест мороженое, а рядом с ним – поверженный Бармалей, который хватается за последнюю возможность утвердить себя в поле власти: «Вот я захочу – и все у меня враз встанут счастливыми! А кто не станет – того в бараний рог согну, в порошок сотру!». Что вновь соотносимо с парадигмой советской власти в духе «вперед, к победе коммунизма» и пр. Коммунизм предпола-

гает всеобщее равенство и всеобщее счастье – то же предлагает и Бармалей. А кто не согласен – тот заведомо становится врагом. В данном случае мы имеем дело с перекодированием классической парадигмы, которая «защита» в безобидную сказку о докторе Айболите.

Примечания

- ¹ *Алиев А.* Опасны ли Бармалей? // Баку. 1967. 1 июня.
- ² *Кичин В.* Мудрые джины из мира фантазии // Вечерний Свердловск. 1967. 13 мая.
- ³ *Сильвестрова С.* «Айболит-66» // Молодежь Азербайджана. 1967. 7 июня.
- ⁴ *Данельян А.* Кино для детей и взрослых // Луганская правда. 1967. 19 июля.
- ⁵ *Галич А.* И большим, и детям: «Айболит-66» // Советский экран. 1967. № 2. С. 12.
- ⁶ Айболит-66 [интервью с Р.А. Быковым] // Молодой ленинец. 1967. 14 мая.
- ⁷ *Кичин В.* Указ. соч.
- ⁸ *Никулин С.* Высоцкий на Таганке. Цит. по: *Бродская Е.В.* Легенда о Театре на Таганке. «Гамлет» и «Галилей» // Конвенциональное и неконвенциональное: интерпретация культурных кодов, 2013 / Сост., общ ред. В.Ю. Михайлина, Е.С. Решетниковой. Саратов; СПб.: Лиска, 2013. С. 174.
- ⁹ *Таривердиев М.* «Я за синтетический театр!» // Театр. 1966. № 1. С. 12.
- ¹⁰ *Коростылев В.Н., Володин А.М., Гайдай Л.И., Быков Р.А., Костюковский Я.А.* Три кинокомедии. [Электронный ресурс] URL: <https://fantlab.ru/article775> (дата обращения: 03.04.16).
- ¹¹ Айболит-66 [интервью с Р.А. Быковым].
- ¹² *Абуллаев К.* Сказка вокруг нас // Комсомолец Туркменистана. 1967. 3 июня.
- ¹³ *Хаак И.* Декада Мосфильма: веселое представление // Советская Эстония. 1965. 18 дек.
- ¹⁴ *Брусиловская М.* Погоня за сказкой и... погоней // Комсомольское знамя. 1967. 21 мая.
- ¹⁵ *Кичин В.* Указ. соч.; *Абуллаев К.* Указ. соч.; *Сильвестрова С.* Указ. соч.; *Хаак И.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Тарасов Б.* «Айболит-66» // Молодой ленинец. 1967. 7 июня.
- ¹⁷ *Дудкин Дм.* Сказка нашего детства // Комсомолец Таджикистана. 1967. 12 мая.
- ¹⁸ *Абуллаев К.* Указ. соч.
- ¹⁹ *Галич А.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁰ *Кичин В.* Указ. соч.
- ²¹ *Дудкин Дм.* Указ. соч.
- ²² *Сильвестрова С.* Указ. соч.

²³ *Кичин В.* Указ. соч.

²⁴ *Тарасов Б.* Указ. соч.

²⁵ Там же.

²⁶ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 70.

²⁷ *Дудкин Дм.* Указ. соч.

²⁸ *Фикусов Б.* «Бармалей-66» // Молодой коммунар. 1967. 19 мая.

²⁹ *Алиев А.* Указ. соч.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² *Галич А.* Указ. соч.

Н.Я. Макарова

Формы взаимодействия с выпускниками в системе журналистского образования

Статья посвящена современным подходам к интеграции выпускников факультета журналистики в образовательную программу высшего образования. Изучаются такие формы взаимодействия с выпускниками, как участие в тьютерской неделе, интервью с выпускником, мастер-классы, наставничество в ходе производственной практики, и их влияние на формирование компетенций и качества образования в целом.

Ключевые слова: профессиональное журналистское образование, компетентностный подход, профессиональная идентичность, педагогические технологии.

В ведущих российских университетах работа с выпускниками традиционно была одним из направлений внеучебной деятельности. Известными, успешными выпускниками университеты гордятся, приглашают на встречи со студентами. Для многих факультетов взаимодействие с выпускниками ограничивается их поступлением в аспирантуру и дальнейшей преподавательской деятельностью. Но потенциал сотрудничества с выпускниками гораздо шире.

В большинстве вузов организованы клубы (МГУ им. М.В. Ломоносова, Физтех), ассоциации выпускников или отделы по работе с выпускниками. Например, в МФТИ такой отдел организован в 2014 г., в МГИМО – в 2007 г., в РГГУ – в 2014 г. Задачами подобных структур являются коммуникация с выпускниками, проведение тематических встреч, содействие в реализации проектов выпускников, сохранение традиций вуза. Благодаря таким отделам выпускники не теряют связи с *alma mater*, могут финансово участвовать

в проектах своего вуза, расширять сферу деловых контактов. В ряде вузов по примеру зарубежных коллег при активном участии выпускников организованы фонды целевых капиталов – эндаументы, где вложения бывших студентов играют ключевую роль. Мировым лидером в этом движении являются США (Гарвардский, Йельский, Принстонский университеты¹). В России по состоянию на апрель 2016 г. крупнейшие эндаументы у Сколтех, МГИМО, СПбГУ². Но зачастую вузы ограничивают взаимодействие с выпускниками рамками отделов или клубов, не используют полностью потенциал выпускников. В условиях информационного общества, благодаря сайтам, виртуальным клубам, социальным сетям, легко организовывать коммуникацию с выпускниками, отслеживать их успехи, карьерный рост, изменения их профессиональных траекторий.

Сегодня для вуза взаимодействие с выпускниками необходимо еще и в силу того, что их трудоустройство является одним из показателей эффективности деятельности образовательных организаций и их филиалов³.

В образовательных программах высшего образования всех уровней (бакалавриат и магистратура) факультета журналистики РГГУ взаимодействие с выпускниками занимает особое место, оно органично интегрировано в учебный процесс. Рассмотрим подробнее, какие формы реализуются и как они применяются в деятельности факультета.

Участие выпускников в тьютерской неделе первокурсников

По многолетней традиции выпускники факультета приходят на встречу со студентами первого курса. Такие встречи происходят регулярно в течение первой недели учебного года. Безусловно, руководители и преподаватели интенсивно информируют начинающих студентов об университетской жизни, проводят психологические тренинги, направленные на интеграцию в образовательное пространство. Но выступление выпускников позволяет студентам узнать уникальную информацию, получить представление о факультете от старшего коллеги. Рассказывая о своем студенческом опыте, выпускники особое внимание уделяют традициям, атмосфере, которой проникнут факультет. Именно выпускникам, а не преподавателям студенты могут задать интересующие, животрепещущие, подчас неудобные вопросы: «Сложно ли сдавать первую сессию?», «Как сдавали экзамены?», «Где проходили практику?», «Как нашли работу?». Неформальное общение с выпускниками

обеспечивает быструю и качественную интеграцию студента в социокультурное образовательное пространство. Такие встречи во многом символичны, это своеобразная передача эстафетной палочки, сохранение преемственности между поколениями. После тьютерской недели первокурсники довольно скоро вновь коммуницируют с выпускниками. Это взаимодействие происходит в рамках дисциплины «Современные информационные технологии».

Интервью с выпускником

На семинарских занятиях курса «Современные информационные технологии», который предусмотрен учебным планом в первом семестре, студенты получают следующее задание: самостоятельно найти выпускника факультета журналистики РГГУ любого года выпуска и взять у него интервью. Это задание студенты могут делать парами. При выполнении они проходят пять этапов:

- осуществляют поиск героя;
- получают разрешение и согласовывают время и место проведения интервью (студентам рекомендуется проводить интервью на рабочем месте выпускника);
- интервьюируют и фотографируют выпускника;
- расшифровывают и редактируют текст;
- согласовывают текст с героем и получают письменное разрешение на публикацию.

Таким образом, уже в самом начале первого семестра студент выполняет полный цикл журналистского произведения. Практически все интервью опубликованы на сайте факультета в разделе «Наши выпускники»⁴. За редким исключением по просьбе выпускника интервью не публикуется. При выполнении такого задания формируются компетенции всех видов: общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК), профессиональные (ПК). В частности, «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-6); способность понимать сущность журналистской деятельности как многоаспектной, включающей подготовку собственных публикаций и работу с другими участниками медиапроизводства; индивидуальную и коллективную деятельность; текстовую и внетекстовую работу (проектную, продюсерскую, организаторскую), следовать базовым профессиональным стандартам журналистской работы (ОПК-12); способность следовать принципам работы журналиста с источниками информации, знать методы ее сбора, селекции, проверки и

анализа, возможности электронных баз данных и методы работы с ними (ОПК-13); способность в рамках отведенного бюджета времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео, графической) в зависимости от типа СМИ для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2); способность участвовать в производственном процессе выхода печатного издания, теле-, радиопрограммы, мультимедийного материала в соответствии с современными технологическими требованиями (ПК-7)»⁵.

С одной стороны, выполнение данного задания является логическим продолжением социокультурной интеграции студента, а с другой стороны – это первый опыт профессиональной коммуникации и журналистского творчества. В фокусе внимания студентов прежде всего вопросы, связанные с выбором направления подготовки и образовательного учреждения, процесс обучения, прохождение производственной практики, сдача государственного экзамена и защита выпускной квалификационной работы, профессиональная деятельность выпускника. Как правило, бывшие студенты с удовольствием откликаются на просьбу об интервью, с радостью делятся воспоминаниями о студенческих годах, акцентируют внимание на возможностях и перспективах, которые они получили и реализовали благодаря обучению в университете. Приведем несколько цитат из интервью выпускников: «Я пришла на день открытых дверей, я сразу прониклась обстановкой, атмосферой, мне очень понравился класс “Визионариум”. Раньше я нигде такого не видела»⁶; «Задача любого высшего образования – воспитать в человеке собранность, организованность, ответственность, культуру общения. Мы приходим в университет детьми, а выходим сформировавшимися личностями со своими взглядами, принципами и культурой. Преподаватели и сотрудники факультета учили нас всему: от того, как вежливо войти в кабинет, до того, как выступать на публике»⁷; «РГУ растит амбициозных ребят, которые нацелены на серьезные рынки в своей карьере. Уже с первого курса нас стали отправлять на практику»⁸; «Спасибо нашим преподавателям, потому что они отдают все по максимуму, а брать или не брать – это уже наше дело. Поэтому я ни в коем случае не жалею. Никогда бы не променяла факультет журналистики РГУ. Никогда»⁹.

Интервью с выпускником позволяет студенту не только сделать первые шаги в профессии, пройти самостоятельно полный цикл журналистского произведения, но и является начальной ступенью в формировании профессионального самоопределения.

Благодаря работе студентов первого курса факультет формирует виртуальное сообщество выпускников. На сайте по аналогии с общей школьной фотографией создается коллективный портрет каждого года выпуска.

Проведение мастер-классов выпускников

На нашем факультете относительно недавно практикуется такая работа. Мастер-классы широко известных журналистов давно стали традиционными. Для активного использования такой педагогической технологии в учебном плане бакалавров всех профилей предусмотрен курс «Журналистика глазами журналиста». Первым преподавателем этой дисциплины был легенда отечественной журналистики А.Е. Бовин, в настоящее время этот курс ведет Н.К. Свиридзе. Практика приглашения ведущих российских журналистов сохранилась, но теперь, помимо встреч с ними, регулярно проходят мастер-классы выпускников.

Выпускники всегда с большой радостью откликаются на предложение провести мастер-класс на родном факультете, подходят к этому крайне ответственно. Их выступления отличает тщательная подготовка, они, как правило, демонстрируют видеофрагменты своих работ. Темы выступлений достаточно разнообразны: продюсирование репортажа (О. Мустафаев, 2011 год выпуска, корреспондент, телеканал НТВ), информационное вещание на развлекательном телеканале (Е. Дружняева, 2011 год выпуска, корреспондент, телеканал «Пятница!»), ведение информационной программы (М. Лаптева, 2011 год выпуска, ведущая информационной программы, телеканал «360°»), особенности телевизионной коммуникации в информационно-развлекательном сегменте телевизионной журналистики (Н. Сацирова, аспирант, ведущая и редактор, телеканал «360°»), спортивная журналистика (Т. Тимошенко, 2006 год выпуска, ведущий, комментатор, телеканал «Матч ТВ»), работа в SMM-редакции (Д. Пуршева, 2011 год выпуска, редактор радиостанции «Романтика»).

Мастер-классы выпускников направлены на формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Фокус внимания сконцентрирован на следующих компетенциях: «способность ориентироваться в мировых тенденциях развития медиаотрасли, знать базовые принципы формирования медиасистем, специфику различных видов СМИ, особенности национальных медиамodelей и реалии функционирования российских СМИ, быть осведомленным в области важнейших инновационных практик в сфере массмедиа».

(ОПК-2); способность следовать принципам работы журналиста с источниками информации, знать методы ее сбора, селекции, проверки и анализа, возможности электронных баз данных и методы работы с ними (ОПК-13); способность ориентироваться в наиболее распространенных форматах печатных изданий, теле-, радиопрограмм, интернет-СМИ, современной жанровой и стилевой специфике различного рода медиатекстов, углубленно знать особенности новостной журналистики и представлять специфику других направлений (аналитическая, расследовательская, художественно-публицистическая журналистика) (ОПК-15); способность выбирать актуальные темы, проблемы для публикаций, владеть методами сбора информации, ее проверки и анализа (ПК-1); способность в рамках отведенного бюджета времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео-, графической) в зависимости от типа СМИ для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2); способность участвовать в производственном процессе выхода печатного издания, теле-, радиопрограммы, мультимедийного материала в соответствии с современными технологическими требованиями (ПК-7)¹⁰. Таким образом, мастер-классы в основном ориентированы на журналистскую авторскую деятельность и производственно-технологическую деятельность.

Мастер-классы рассчитаны на студентов всех курсов. Соответственно, они обладают разным уровнем сформированности компетенций. В зависимости от курса студент, участвующий в мастер-классе, повышает степень овладения компетенциями, при этом зона ближайшего развития расширяется. Например, на мастер-классе, посвященном продюсированию репортажа, студенты четвертого курса, изучающие дисциплину «Репортаж на телевидении», понимают своеобразие этого жанра, и для них особый интерес представляет методика поиска тем, героев, коммуникативные приемы при взаимодействии с экспертами, использование приемов инфотейнмента. Студенты первого курса на том же мастер-классе знакомятся с базовыми понятиями, актуальными подходами к производству репортажа. Все участники, независимо от курса, видят, каким образом в профессиональной деятельности применяются теоретические знания, которыми они овладевают в аудитории университета.

Мастер-классы выпускников оказывают серьезное психологическое воздействие на студентов. Такое выступление – наглядный пример успешного профессионального развития для нынешнего студента, который проецирует на себя достижения выпускника. Со-

ответственно срабатывают механизмы «Я тоже так смогу», «У меня все получится». Студент видит перспективу своего карьерного роста. Это не мифические, часто ничем не подкрепленные рассказы на Дне открытых дверей или информация в рекламном проспекте, что все выпускники трудоустроены. Это реальная картина, отражающая качество образования, его оценку работодателями. Студентам младших курсов такие мастер-классы помогают в профессиональном самоопределении, а для старшекурсников – это начальная ступень в формировании профессиональной идентичности.

Наставничество в ходе производственной практики

Еще одной формой взаимодействия с выпускниками является работа выпускников в качестве наставников во время прохождения студентами производственной практики. Все практики, предусмотренные учебным планом, за исключением преддипломной, являются выездными. Для этого формируются базы производственных практик – редакции печатных и интернет-изданий, радиостанций, телеканалов, информационных агентств, пресс-службы. Уже на этой стадии подготовительной работы большую помощь оказывают выпускники, они активно участвуют в согласовании организационных вопросов, непосредственно в ходе прохождения практики руководят работой практикантов, дают задания, консультируют. Такое наставничество обеспечивает качественное проведение практики, что обуславливается рядом факторов:

- осуществляется четкий контроль за выполнением работы;
- у студентов появляется возможность задать неудобные, наивные вопросы, получить консультацию;
- практикант становится объектом неравнодушного отношения: ведь выпускник относительно недавно сам был на практике, помнит, с какими трудностями сталкивался;
- в характеристиках, которые получают практиканты по итогам своей работы, прослеживается заинтересованность руководителя практики, желание помочь студенту. Дается объективная оценка его достижений и недостатков, как правило, предлагаются рекомендации по исправлению недочетов.

Таким образом, разнообразные формы взаимодействия с выпускниками, с одной стороны, обеспечивают формирование профессионального самоопределения и идентичности студентов, реализацию компетентного подхода, адаптацию к социокультурным условиям вуза, а с другой стороны, способствуют организации сообщества выпускников, их коммуникации с *alma mater* и между собой.

- ¹ *Бирюков Е.С.* Эндаументы в США и России. [Электронный ресурс] URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/229065> (дата обращения: 16.04.2016).
- ² ТОП-10 крупнейших эндаументов российских вузов. [Электронный ресурс] URL: <https://mipt.ru/alumni/about> (дата обращения: 16.04.2016).
- ³ О мониторинге деятельности образовательных организаций высшего образования. Официальный сайт Правительства Российской Федерации: <http://government.ru/orders/17013> (дата обращения: 17.04.2016).
- ⁴ Официальный сайт факультета журналистики РГГУ: <http://www.rsu.ru/media/graduates>. Раздел «Наши выпускники» (дата обращения: 16.04.2016).
- ⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 42.03.02 – Журналистика. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 07.08.2014 №951. [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420302_Gurnal.pdf (дата обращения: 16.04.2016).
- ⁶ *Куриленко Е.* Меня мотивирует работа: Интервью с Мариной Лаптевой. Официальный сайт факультета журналистики РГГУ: <http://www.rsu.ru/media/graduates/detail.php?ID=112674> (дата обращения: 17.04.2016).
- ⁷ *Михеева А.* Я склонна стремиться к идеалу, созданному моим воображением: Интервью с Дарьей Винокуровой. Официальный сайт факультета журналистики РГГУ: <http://www.rsu.ru/media/graduates/detail.php?ID=112763> (дата обращения: 17.04.2016).
- ⁸ *Мухутдинова К.* Моя мечта – сделать жизнь в нашей стране проще и удобнее: Интервью с Анной Загородниковой. Официальный сайт факультета журналистики РГГУ: <http://www.rsu.ru/media/graduates/detail.php?ID=112419> (дата обращения: 17.04.2016).
- ⁹ *Данькина К.* За пределами журналистики: Интервью с Кристиной Заблудиной. Официальный сайт факультета журналистики РГГУ. <http://www.rsu.ru/media/graduates/detail.php?ID=112772> (дата обращения: 17.04.2016).
- ¹⁰ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 42.03.02 – Журналистика. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 07.08.2014 № 951. [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420302_Gurnal.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

Оценка качества образования на факультете журналистики как фактор глобальной конкуренции

Формирование системы оценки качества результатов образования влияет на многие аспекты последующей жизни выпускников вузов. Заложенные в систему оценки результатов параметры влияют на возможности выпускников глобальной конкуренции на рынке, труда. А новое сочетание форм внешней и внутренней оценки качества образования, отвечающее европейским требованиям аккредитации образовательных организаций и базирующееся на сочетании индивидуальности и унификации требований, представляет дополнительные возможности для выпускников в глобальной трудовой и образовательной среде.

Ключевые слова: оценка качества высшего образования, внешняя и внутренняя оценка качества результатов, глобальная конкуренция на рынке труда.

Современное информационное общество принципиально изменило требования к образовательному ландшафту. Современная экономика считается экономикой знаний, а это, в свою очередь, означает, что принципиально изменились и продолжают меняться требования к компетенциям выпускников вузов, что ведет к изменениям требований к качеству полученного образования. Значительно расширился и состав заинтересованных сторон. Среди них:

- студенты;
- профессорско-преподавательский состав;
- менеджмент и администрация;
- родители;
- министерства и ведомства;
- общество в целом;
- политики;
- работодатели в целом;
- крупнейшие работодатели отрасли.

Но влияние всех этих факторов во многом локально. Необходимо отметить, что современное образовательное пространство глобально, так же как и современный рынок труда. Именно фактор глобальности оказывает значительное влияние на формирование критериев и требований к качеству образования.

Российское образовательное пространство полностью включено в глобальное. Более того, развитие экономики, технологий, коммуникаций носит глобальный характер и означает глобальную конкуренцию на рынке труда. Рынок труда также стал глобальным, с унифицированными возможностями и требованиями. На практике это означает реальную возможность для выпускников наших вузов не только работать в российских компаниях, но и европейских, американских и др.

Все эти факторы, безусловно, требуют пересмотра критериев оценки качества высшего образования, а также содержания образовательных программ и самих технологий обучения. Интернационализация экономики, глобализация возможностей заставляют вузы рассматривать новые унифицированные подходы к оценке качества результатов, что, как и компетентностный подход, заложено в системе Болонской конвенции.

В мире не существует единой системы высшего образования, во многом элементы нескольких моделей в том или ином виде используются каждой образовательной организацией. Работа и представление результатов обучения через компетенции выпускников и результаты научных исследований в глобальном образовательном пространстве преследует несколько целей, среди которых¹:

- диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение;
- расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах;
- расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов;
- повышение качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями.

Но это только первые, самые простые шаги. Во многом вопрос представления и оценки качества результатов с точки зрения глобальной конкуренции влияет не только на перечисленные результаты вуза как таковые на локальном уровне, но – самое главное – отражаются на его месте в глобальном рейтинге мирового образования.

Гармонизация модели оценки качества образования на локальном и глобальном уровнях является ключевой задачей российского гуманитарного образования.

Качество результатов высшего образования в гармонизированных унифицированных понятиях влияет на несколько ключевых параметров успешности вуза:

- позиционирование в международном рейтинге вузов;
- взаимодействие с работодателями;
- возможности карьеры выпускников;
- образовательную мобильность студентов и аспирантов;
- возможность интеграции в научных исследованиях.

При таком подходе понятие качества в сфере высшего образования, в соответствии со статьей 11 Всемирной декларации о высшем образовании, опубликованной Организацией Объединенных Наций, представляет собой интегральную многомерную концепцию, которая должна охватывать все функции и виды деятельности: содержание учебных и академических программ, научные исследования и стипендии, уровень профессионализма и образования преподавателей, их наличие в штате вуза, качественный и количественный состав студентов, здания, факультеты, оборудование, услуги сообщества и академическую среду.

Понятие качества также должно охватывать глобальный аспект: обмен знаниями, интерактивные сети студентов, аспирантов, докторантов и преподавателей, образовательную мобильность преподавателей и студентов, а также международных научно-исследовательских проектов. В то же время необходимо учитывать национальные культурные ценности и условия.

Разные страны имеют разные политические системы, разные цели и задачи высшего образования, разные типы образовательных организаций с разными возможностями. И это означает, что создать совершенно унифицированную модель оценки качества результатов образования практически невозможно.

Тем не менее можно выделить три принципа оценивания – в зависимости от степени централизации государственного устройства²:

1) «унитарный принцип оценивания», как в бывшем Советском Союзе и Франции, где правительство контролирует систему, процесс и результаты оценивания;

2) «кооперативный принцип оценивания» в таких странах, как США, где правительство напрямую не вмешивается в оценочную деятельность, но сотрудничает с посредническими общественными организациями и поддерживает их;

3) «директивный принцип оценивания», примером которого является Великобритания, где правительство учредило квазипосреднические организации, такие как Агентство гарантии качества в высшем образовании (QAАНЕ), и оценивает качество образования вне вузов.

В данном случае речь идет о независимой внешней оценке, которая как раз и обеспечивает требование независимости и унификации в соответствии с требованиями Болонской конвенции. Согласно европейским стандартам гарантии качества высшего образования, любая модель оценки качества образования должна состоять из трех частей:

- внутренняя гарантия качества;
- внешняя гарантия качества;
- оценка со стороны Агентства гарантии качества.

Гармонизация всех частей обеспечивает реализацию как внутривузовскую политику гарантии качества образования с учетом мнения заинтересованных сторон, так и национальную и глобальную политику в области качества.

Необходимо отметить, что даже подобная унификация требований на уровне моделей ведет к ужесточению глобальной конкуренции как на рынке труда для выпускников, так и на уровне образовательной мобильности.

Эксперты ООН отмечают, что за последние 25 лет уровень образовательной мобильности среди студентов вырос на 300%³.

Все существующие модели оценки качества образования в том или ином виде предлагают фокусировку либо на внутреннем контенте программы, менеджмента качества в вузе и т. д., или предлагают сосредоточиться на внешней оценке качества. В связи с расширяющимся глобальным образовательным пространством, требованиями работодателей к конечным результатам обучения в виде профиля компетенций выпускника, возможностями глобальной конкуренции выпускников представляется необходимым формирование интегрально-квалиметрической модели оценки качества, которая в полной мере учитывала бы все три вышеназванных фокуса оценки качества.

В рамках такой модели особое значение приобретают критерии оценки качества, которые не просто единообразны с требованиями ENQA (Европейской ассоциации по оценке качества высшего образования), но и также коррелируют с требованиями работодателей. А это тесная взаимосвязь образовательных и профессиональных стандартов.

Одним из возможных предложений может быть использование европейского опыта создания и работы внешних оценочных

агентств – взаимодействие национальных агентств по оценке качества обучения и аккредитации вузов в рамках глобального процесса оценки качества образования.

Глобальные требования к оценке качества высшего образования, в том числе включали бы и образовательную мобильность, и взаимодействие с работодателями, и корректировку профиля компетенций в зависимости от требования работодателей. Такой опыт есть, например, у Европейской ассоциации бизнес-образования, который позволяет обеспечивать успешность глобальной конкуренции у выпускников программ дополнительного бизнес-образования.

В целом европейский опыт взаимного признания дипломов, а главное работа в направлении развития инструментов признания гарантии качества высшего образования включает в себя несколько направлений, но один из критериев оценки и гарантии качества высшего образования – это возможности профессиональной мобильности. В настоящий момент основной фокус взаимодействия представлен на уровне взаимного признания профиля компетенций. Сейчас действуют три уровня организации гарантии качества: глобальный, европейский (континентальный) и предметный (профессиональный). «Европейский союз выдвигает требование о взаимном признании компетенций в соответствии со стандартами профессиональной деятельности, что помогло бы устранить препятствия в реформировании в области трудоустройства между отдельными странами Европы в долгосрочной перспективе»⁴. Безусловно, основу такой оценки составляют Дублинские дескрипторы⁵, но и они не дают, например, возможности оценить профессиональные компетенции в полной мере.

Драйверами глобальной конкуренции высшего образования в XXI в. и одновременно возможностями для успеха являются следующие процессы:

- массификация высшего образования (увеличение количества студентов, провайдеров дополнительного высшего образования, академических программ, возможностей в рамках Болонской конвенции проходить курсы в разных образовательных организациях и т. д.);
- диверсификация (появляются новые типы студентов, новые совместные программы, новые типы университетов и т. д., но такой процесс затрудняет, к сожалению, процесс оценки качества результатов);
- интернационализация (образовательная мобильность студентов и аспирантов, профессиональная мобильность преподавателей и т. д.).

Вследствие вышеперечисленных факторов критериями оценки качества результатов могут стать унификация и стандартизация требований:

- оценка содержания программ сертифицированными экспертами;
- разработка единых профилей компетенции в рабочих группах;
- стандартизация case-study (технология, использующая описание реальных экономических, социальных и бизнес-ситуаций в обучении);
- использование инновационных методов обучения («перевернутый семинар», мастер-классы, проектная деятельность студентов и т. д.);
- систематическое тестирование и унификация его содержания (насколько это возможно).

Важно отметить, что, оценивая существующее качество результатов образования, вряд ли можно далеко продвинуться и обеспечить выпускникам успешность в глобальной трудовой мобильности и конкуренции. По сути, подход к оценке качества должен содержать три цели: оценка сегодняшнего состояния, оценка новых программ и возможностей развития, оценка принятых решений. Таким образом, оценка потребностей будет базироваться на определении и идентификации новых программ, на формировании новой аудитории. Оценка улучшений и развития нацелена на повышение эффективности.

В соответствии с драйверами развития высшего образования в условиях глобальной конкуренции и в соответствии с рекомендациями ENQA (Европейской ассоциации по оценке качества высшего образования) интегрально-квалиметрическую модель оценки качества образования необходимо фокусировать на следующих областях:

- политика качества;
- содержание реализуемых образовательных программ;
- оценивание достижений студентов и аспирантов;
- квалификация кадров;
- наличие и использование образовательных ресурсов;
- роль в обществе;
- реализация студентоцентрированного обучения;
- прием, успеваемость, признание дипломов и сертификация;
- информационный менеджмент (управление информацией);
- постоянный мониторинг и периодическая оценка образовательных программ.

По данным отчета 2015 г. о глобальных тенденциях в области подбора персонала, и крупные и средние компании в большинстве своем предпочитают брать на работу выпускников с возможностью развития потенциала или уже с высокоразвитыми навыками и умениями⁶. На практике это означает, что у выпускников уже к окончанию образовательной программы любого уровня должны быть экспертиза или опыт практической работы, с одной стороны, или работы в области проектов – с другой. При этом необходимо отметить, что в глобальном контексте в разных странах существуют разные тренды в подборе и адаптации выпускников вузов. Например, для стран Бенилюкса трендом становится дистанционное обучение новичков; для США и Южной Америки – углубленный поиск кандидата и подстройка должностных обязанностей под кандидата; для Центральной Европы рекрутинг все больше использует инструменты социального маркетинга; для Китая – это использование в работе больших объемов данных и расширение «воронки кандидатов»⁷.

Поскольку в настоящий момент три тенденции – сложность, скорость выхода на рынок и глобальный охват – являются приоритетными для бизнеса в целом, растет потребность в размывании границ и едином понимании качества человеческих ресурсов.

Эффективная глобальная стратегия мобильности может стать ключевым принципом организационной эффективности и производительности. Анализ глобальных стратегий мобильности разных типов бизнеса позволяет понять, что подобные программы глобальной мобильности (и профессиональной, и образовательной) важны для поддержки нового роста бизнеса, улучшения финансовых показателей, вовлечения сотрудников, планирования преемственности, сохранения и развития штата талантливых сотрудников, увеличения разнообразия внутри компании. Формируя модель оценки качества результатов образования, невозможно не учитывать данные глобальные тенденции. Безусловно, на глобальном рынке труда аккредитация вуза дает необходимое международное признание в том случае, если вуз заявляет себя глобальным игроком и проходит аккредитацию в независимых агентствах. Но и в том случае, если вуз, являясь локальным игроком, не сталкивается с необходимостью получения международной аккредитации, выпускники должны иметь возможность участвовать в глобальной профессиональной конкуренции. А эту возможность во многом обеспечивает формирование соответствующих требований к качеству результатов обучения и траектории образования.

-
- ¹ Сагинова О.В. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/internatsionalizatsija-vysshego-obrazovanija-kak-faktor-konkurentosposobnosti/> (дата обращения: 16.04.2016).
  - ² Наводнов В.Г., Мотова Г.Н. APQN: Глобализация – pro et contra. [Электронный ресурс] URL: http://www.akvobr.ru/apqn_globalizacia_sistem_garantii_kachestva.html (дата обращения: 16.04.2016).
  - ³ См.: <http://www.un.org/ru/documents/journal.asp> (дата обращения: 18.04.2016).
  - ⁴ Профессиональная мобильность как инструмент гарантии качества. [Электронный ресурс] URL: http://www.akvobr.ru/mobilnost_instrument_garantii_kachestva.html (дата обращения: 17.04.2016).
  - ⁵ См.: http://ecahe.eu/w/index.php/Dublin_Descriptors (дата обращения: 17.04.2016).
  - ⁶ The 4th Annual Report «2015 Global Recruiting Trends. Win the war for talent by staying ahead of these industry changes». [Электронный ресурс] URL: <https://www.esic.edu/empleabilidad/pdf/recursos/2015-global-recruiting-trends.pdf> (дата обращения 17.04.2016).
  - ⁷ Там же.

К осмыслению публицистического пласта романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: Петр Верховенский как архетип

Статья посвящена анализу образа героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Петра Верховенского в литературно-историческом контексте эпохи. Автор обращается к биографии революционера-террориста С.Г. Нечаева и проводит исследование ряда общих типологических черт, присущих людям, проповедующим новую нравственность на благо дела революции. Использование материалов нечаевского дела, газетных и журнальных статей, личные наблюдения, как считает автор, привели Достоевского к созданию архетипа политического радикала (в образе Петра Верховенского).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, С.Г. Нечаев, Петр Верховенский, роман «Бесы», революционер, террорист, новая мораль, архетип, коллективное бессознательное.

Начиная работу над романом «Бесы», Ф.М. Достоевский в феврале 1870 г. из Дрездена писал А.Н. Майкову:

Сел за богатую идею... Одна из тех идей, которые несомненно имеют эффект в публике. Вроде «преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса¹.

Что же это за «богатая» идея, которая настолько захватила Достоевского, что он оставляет свой замысел писать «Житие великого грешника» и начинает новое произведение? В августе 1870 г. писатель отказывается от первоначального сюжетного плана и сжигает написанное. Он радикально перестраивает замысел романа. В этот период Достоевский живет за границей, страдает от отдаленности

России, мучительно пытается выйти из материальной зависимости от кредиторов. И тем не менее он напряженно следит за всем, что происходит не только в литературной, но и в политической жизни страны. От его внимания не ускользает новое направление, в котором движется современное молодое поколение, писатель чувствует доминанту времени грядущего десятилетия. Время философско-теоретических заблуждений постепенно проходило, наступала новая историческая эпоха – эпоха жестких решений и активного действия. Достоевский, в свое время увлеченный идеями утопического социализма (Ш. Фурье), почувствовал, что вместо тех едва ли не романтических салонных бесед на тему справедливости наступает более изощренная система обольщения, которая ориентируется на разрушение нравственного кода личности. Так в роман «Бесы» вливалась новая тема (вместе с характерами новых героев) – тема современного писателю революционного движения, органично заканчивающаяся террором. Достоевский решил показать русскому обществу возможные последствия новых увлечений молодого поколения, и у него неожиданно появился помощник, который продемонстрировал на примере собственной судьбы то, к чему приводят азартные игры в революцию.

Сергей Нечаев был именно тем человеком, который не только дополнил своей биографией образную систему в романе Достоевского «Бесы», но и стал одним из прототипов его «героя» Петра Верховенского. Интересно другое: когда Достоевский ознакомился с материалами судебного процесса над самим Нечаевым, роман уже полностью был опубликован в журнальном варианте (в «Русском вестнике») и готовился выйти отдельным изданием (чуть позже Нечаев закажет его для чтения в Алексеевском равелине). Несмотря на то что многие считали нечаевский процесс мелким и случайным (русское правительство очень старалось его низвести чуть ли не до бытовой уголовщины), Достоевский – один из немногих, кто понял самое важное, что Сергей Нечаев – знаковая фигура в развитии русского революционного движения и он окажет несомненное влияние на весь ход русской истории. Как писал Ф.М. Лурье, «именно Нечаев провозгласил вседозволенность главнейшим средством революционного движения»².

Он мастерски манипулировал людьми, обращаясь к высоким чувствам борьбы за справедливость и счастье угнетенного народа, вербуя их в свою организацию «Народная расправа». Если сначала Нечаеву верили, его воля, спокойствие и твердость производили должное впечатление, то потом начали возникать сомнения и вопросы. Нечаев отмалчивался и требовал железной дисциплины,

основанной на безоговорочном подчинении ему. Однако организация не предпринимала никаких действий, сомнения участников в общем деле все усиливались, и тогда Нечаеву пришла блестящая идея – нарушить общепризнанные нормы морали, совершить преступление и таким способом сделать людей более сплоченными и послушными. А предательство интересов организации, выдача имен заговорщиков полиции, несомненно, было самым страшным из всех возможных поступков. Именно о предательстве и стал говорить Нечаев, толкая людей к преступлению. К тому же нашелся человек, который открыто выразил недоверие Нечаеву и публично разорвал с ним отношения. Это был студент И.И. Иванов.

Нечаев принял беспрецедентное в истории революционного движения решение: он решил организовать убийство Иванова, убедив остальных в его предательстве. Страх быть выданными царской охранке, железные доказательства и доводы Нечаева привели заговорщиков к чудовищному преступлению – они убили своего товарища под непосредственным руководством Нечаева.

Драма в гроте Петропавловского парка высветила Нечаева с практической стороны. Оказалось, что он не только склонен к размышлениям о «насилии внутри насилия», но и способен воплотить свои теории. Способен не просто к убийству, а с редкой легкостью убьет кого угодно, если ему это понадобится³.

Преступление было раскрыто и имя убийцы впоследствии стало известно всей России – это был Сергей Нечаев. Конечно, он не был первым, кто совершал или хотел совершить убийство в борьбе за благие и светлые идеалы революции. Концепция индивидуального террора была созвучна его времени. Но в личности Нечаева произошел некий нравственный сдвиг – мораль нового борца ничинно оставляла в прошлом нравственность как этический императив с устаревшими определениями Добра и Зла, всю сложность и многогранность человеческого бытия низводила к удовлетворению необходимых потребностей не самых лучших человеческих качеств в угоду низменным желаниям.

Однако пока полиция вела расследование, Нечаеву удалось скрыться за границей, его амбиции привели к идее обновления издания «Колокола» с Бакуниным и Огаревым, с которыми он был знаком с 1869 г. Не любившего Нечаева Герцена уже не было в живых.

Поразительно, что Нечаев сумел не только получить согласие на издание газеты для воплощения своих идей, но и деньги из фонда помощи молодым революционерам-эмигрантам и даже на некото-

рое время очаровал дочь Герцена, которая стала активно помогать ему. Затем все постепенно начало разрушаться: характер Нечаева не терпел товарищеских отношений, он всегда стремился к однозначному первенству, считая методы борьбы своих старших учителей неэффективными. Авторитет Бакунина и Огарева раздражал Нечаева, и он начал собирать компрометирующие материалы на лидеров революционного движения. В тайной борьбе Нечаева все средства были хороши. Поскольку он не верил в убеждения других и не доверял никому, он говорил:

Когда рассуждениями и разговорами нельзя больше действовать на людей, надобно прибегнуть к другим средствам. Ну, например, всех перессорить в каком-нибудь кружке – здесь например, всех эмигрантов, потом поодиночке на них воздействовать, толковать с ними⁴.

Он просил преданного ему друга шпионить за Бакуниным, украл его письма, рылся в бумагах Огарева, поссорился практически со всем окружением. Из России стала настойчиво поступать информация об убийстве Иванова, о котором упорно молчал Нечаев. Факт этого преступления ужаснул революционную эмиграцию, она еще не была готова к такому виду устрашения общества. Все вместе это постепенно привело к разрыву отношений не только с Бакуниным, но и с другими революционерами. К тому же Нечаев не получил политического убежища в Швейцарии, был объявлен в розыск как уголовный преступник. Царское правительство приняло решение судить его за убийство студента Иванова, не акцентируя внимания общества на его политической неблагонадежности. Его судили в Москве за убийство и приговорили к 20 годам каторги, но, побоявшись побега, поместили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Нечаев умер там через 10 лет от чахотки, ему было 35 лет.

* * *

Достоевский внимательно следил за судьбой Нечаева и нечаевцев, использовал материалы прессы и судебных процессов, личных впечатлений в работе над «Бесами» и своеобразно трансформировал их в соответствии со своим видением проблемы. Однако в письме к М.Н. Каткову он сделает признание:

Одним из крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет... Моя фантазия может в высшей степени

разниться с бывшей действительностью, и мой Петр Верховенский может несколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения, бесполезно выставить такого человека...⁵.

Достоевский подчеркивает, что Верховенский – это не Нечаев, и в черновиках сначала появляется Студент (как образ современного нигилиста), позже Нечаев и лишь потом Верховенский наряду с Нечаевым. В окончательном варианте романа фамилия заговорщика-террориста отсутствует. Достоевский обобщает образ, стирает черты реального исторического человека, углубляя его художественными деталями, которые делают героя более страшным и зловещим.

Внезапно появившись в городе, Петр Верховенский становится одной из центральных фигур повествования. Он производит довольно странное впечатление на окружающих: «Как будто какой-то чудак... Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится»⁶, говорит быстро и очень самоуверенно, да так, что возникает ощущение, «что язык у него во рту должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком»⁷. Это язык змея-обольстителя, манипулятора, лгуна, провокатора, настоящего беса, который вводит в искушение весь город, постепенно погружая всех его обитателей в страх самых разных оттенков – у губернатора это страх беспорядков, у «наших» (sic!) – быть разоблаченными, у Кармазинова – неожиданной смуты (успеть уехать), у Ставрогиной – открытия тайн сына: у каждого из героев он свой, но именно Верховенский становится его катализатором. Лгать он начинает с первых минут знакомства – он сразу касается самого наболевшего вопроса для Ставрогиной: женат ли Николай Ставрогин, и сразу перевирает все факты, компрометирует Лебядкина, а также своего отца Степана Трофимовича Верховенского, этим фактически спровоцировав пощечину Шатова Ставрогину. И поразительно, что все сразу начинают ему верить. Но главное, ради чего появляется Верховенский в городе, – это организация, практическое и теоретическое руководство подпольным кружком («пятерки») для начала Всероссийского бунта. И именно в этом обличье раскрываются не только его мотивы, но и его настоящее лицо. Он говорит:

Решился «взять роль» перед приездом в город... но остановился на собственном лице. Ну-с, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глуп, ни умен, довольно бездарен и с луны соскочил,

как говорят здесь благоразумные люди... Но так как дар бездарности у меня уже есть натуральный, так почему мне им не воспользоваться искусственно?⁸

Достоевский выбирает для определения его характера «дар бездарности». Незаметный с первого взгляда, ничем не примечательный, бесцветный человек, без особых талантов, Верховенский входит ко всем в доверие, приобретает значимость и постепенно начинает подчинять себе людей и манипулировать ими. И еще одно признание: «Я без дисциплины ничего не понимаю... Я ведь мошенник, а не социалист...»⁹. Если Нечаев блефовал во имя идеи, но готов был умереть за нее, то Верховенский безграничен в своем цинизме, он лжет ради достижения личных целей и не собирается рисковать своим благополучием. Убийство Шатова ему необходимо прежде всего для удовлетворения своего оскорбленного чувства. Он умело толкает на кровавое преступление других, оклеветав Шатова и создав ситуацию, в которой тот выглядит политически неблагонадежным. Ради воплощения своих чудовищных замыслов по поводу установления будущего порядка Верховенский готов уничтожить все нравственные законы, стереть все общечеловеческие нормы, начиная не просто с отрицания религиозных, эстетических постулатов, но с замены истинных ценностей на ложные с пафосом конечной правды во имя счастья большинства. Верховенский мастерски владеет искусством подмены ценностей, теоретически он опирается на программу еще одного члена своей группы, Шигалева (который при этом отказался принимать участие в убийстве Шатова):

...у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук, талантов... Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны...¹⁰

Верховенский уверен, что теоретиков немало, но они не могут стать практиками, людей действия пока нет. Правда, один человек все-таки нашелся. «Но один, один человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я»¹¹.

Главные страсти Верховенского – это власть и упоение политическим превосходством той новой веры, которую он предлагает, веры в разрушение старой морали. Этическая структура старого общества должна быть уничтожена, а начать нужно с эстетики, не-

случайно нигилистов так раздражали Пушкин и Рафаэлевская мадонна. Красота не нужна в новом обществе, вернее, в страсти уничтожения появляется соблазн обольщения новой красотой, которую понимают и чувствуют эти представители новой религии. Так начинается конфликт эпохи, конфликт отцов и детей, что уловил Достоевский. Революционные радикалы видят свою красоту в разрушении всего, созданного до них. В одном из писем Н.Н. Страхову Достоевский, размышляя о судьбе Парижской коммуны, писал:

Пожар Парижа есть чудовищность... Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, КРАСОТОЮ. Итак, эстетическая идея в новом человеке помутилась. Нравственное основание общества... путается в желаниях и идеалах¹².

Впервые на это обратил внимание В.К. Кантор в статье «Бесы versus Мадонна»¹³.

И дело не только в том, что «пятерка» Верховенского совершает отвратительные поступки, гораздо хуже их уверенность в том, что это хорошо и совершается во благо. Именно с этого момента и начинается формирование новой модели личности и нового культурологического кода. Петр Верховенский не просто мерзавец, а мошенник, в его личностной структуре происходит процесс «рекомбинации и мутации культурного материала», как заметила И.А. Паперно в книге о Н.Г. Чернышевском¹⁴. Достоевский фиксирует появление «нового человека», историческим прообразом которого был Сергей Нечаев. Он предчувствует, что эпоха индивидуального террора, начавшаяся с выстрелов в царя и других представителей власти, закончится массовым террором. Неслучайно, что в «Бесах» так много убитых. Писателя не обманывает ни историческое, ни эстетическое чутье.

Верховенский – самый цельный герой в романе, его не посещают сомнения и рефлексия. «Я себе не противоречу», – утверждает он¹⁵. Он всегда решительно действует, не сомневаясь в своих силах и успехе, хотя никто по-настоящему и не знает, кто он – секретный осведомитель или член Международного революционного комитета. Это, пожалуй, единственная его двойственность, которая обыграна в сюжете романа (двусмысленность его положения для губернатора). Он блестяще организует одно убийство за другим и уезжает, когда понимает, что все самое главное для него уже сделано. С первого появления он пробуждает в душах обывателей самые низменные чувства, которые приводят в конце концов к убийству невиновного человека. При всем поведенческом радикализме того

времени до уголовщины в революционном движении дошли только Нечаев и герой романа. Беря материал из жизни, но не зная некоторых нюансов биографии Нечаева, Достоевский характерологически угадал эти детали и художественно воплотил их в Петре Верховенском. Он сделал его хуже реального прототипа. Шантаж, воровство, подделка бумаг и документов, клевета на невинных людей, запугивание, манипуляции – все это было в арсенале Нечаева, но материалы воспоминаний о нем появились лишь в XX в. Достоевский, который не мог знать многого, многое мог себе представить. Он органично обобщил эти качества в своем герое, сделав их типичными и в той или иной мере личностно повторяющимися в среде революционных заговорщиков.

В романе погибают почти все главные герои, половину ждет каторга и только Верховенский благополучно исчезает из города, уезжая первым классом в Петербург. И это важная деталь романа: Верховенский вечен, предупреждает Достоевский и не ошибается. Именно он, а не демонический красавец Николай Ставрогин и станет носителем особого архетипа политического лидера нового типа: иногда революционера-радикала, доходящего до терроризма, в другой раз – ловкого политика, цинично уверенного в превосходстве «новой морали». Достоевский сделал образ Верховенского архетипом для всех практиков, соблазненных идеями «осчастливливания» отдельного народа или всего человечества. Именно этот герой стал неким поведенческим символом для определения негодяя, существующего вне времени и пространства, диалектически объединившего в своем характере единичное со всеобщим. Уже в 1907 г. видный большевистский деятель Станислав Вольский (псевдоним А.В. Соколова) попросил В.И. Ленина объяснить по поводу одного человека, имевшего дурную репутацию, которого выбрали в Центральный Комитет. «Центральный Комитет для того, чтобы быть работоспособным, должен состоять из талантливых журналистов, способных организаторов и нескольких негодяев», – уверенно ответил ему Ленин¹⁶.

Личность такого склада, как Верховенский, мастерски действуя на коллективное бессознательное большинства, достигает поразительных результатов. «В самом деле, человек постоянно забывает, что нечто, бывшее когда-то добром, не может оставаться добром всегда и вечно»¹⁷. Меняя нравственную установку в восприятии людей, осуществляя подмену Добра Злом, пробуждая новые эмоции архаическими символами веры, он ведет за собой миллионы, и XX век уже продемонстрировал это, на очереди XXI век. Эта корреляция нравственного чувства происходит незаметно, неуклонно

превращаясь в необратимое зло, разрушающее все и всех вокруг. В романе Достоевского не очень приятные шуточки Верховенского и его последователей сначала лишь коробили обитателей города, но были приняты обществом (современно, в духе времени), а лишь потом привели к пожарам, волнениям рабочих и жестоким убийствам.

Если в жизни случается нечто такое, которое соответствует архетипу, он активизируется... Поистине нет такого зла, которому человек не предался бы всей душой, находясь под властью архетипа¹⁸.

Когда роман «Бесы» вышел отдельным изданием, Достоевский подарил его наследнику престола, будущему императору Александру III, сопроводив письмом:

...Вы, может быть, обратите хотя малое внимание на мою попытку, слабую – я знаю это, – но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор остающейся во главе русской жизни¹⁹.

К сожалению, ни власть, ни русское общество не оценили должным образом ту опасность, о которой предупреждал Достоевский, изображая Верховенского.

Примечания

¹ Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову, 12 (24) февраля 1870 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29 (1). С. 107.

² *Лурье Ф.М.* Нечаев: созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 11.

³ Там же. С. 166.

⁴ Литературное наследство. Т. 96: Герцен и Запад / Отв. ред. С.А. Макашин, Л.Р. Ланский. М.: Наука, 1985. С. 454.

⁵ Ф.М. Достоевский – М.Н. Каткову, 8 (20) октября 1870. Дрезден // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 141.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Бесы // Там же. Т. 10. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Там же. С. 175–176.

⁹ Там же. С. 324.

¹⁰ Там же. С. 323

¹¹ Там же. С. 324.

- ¹² Ф.М. Достоевский – Н.Н. Страхову, 18 (30) мая 1871. Дрезден // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 214.
- ¹³ Кантор В.К. Бесы versus Мадонна // Октябрь. 2007. № 9. С. 138–145.
- ¹⁴ Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 9.
- ¹⁵ Достоевский Ф.М. Бесы. С. 325.
- ¹⁶ *Volsky S.* Dans le Royaume de la famine et de la haine: La Russie Bolcheviste. P.: Impr. Union, 1920. P. 26.
- ¹⁷ Юнг К.Г. Проблема типов в поэзии // Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. С. 280.
- ¹⁸ Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М.: Канон, 1996. С. 91–92.
- ¹⁹ Ф.М. Достоевский – А.А. Романову (наследнику). 10 (22) февраля. Петербург // Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 29 (1). С. 260–261.

М.Л. Спивак

Последний царский министр внутренних дел
А.Д. Протопопов
в политической публицистике А.А. Блока
и его современников

В статье рассматривается восприятие современниками личности и деятельности последнего царского министра внутренних дел А.Д. Протопопова. В центре внимания – образ Протопопова в книге А.А. Блока «Последние дни императорской власти». Анализируется амбивалентное отношение к министру современников и комический аспект образа Протопопова в мемуарах и дневниках политических деятелей и писателей.

Ключевые слова: Александр Блок, «Последние дни императорской власти», А.Д. Протопопов, Государственная Дума, Февральская революция 1917 г., Временное правительство.

«Со стороны взглянуть – комедия»

Отношение общества к последнему царскому министру внутренних дел было на редкость единодушным.

Самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов. На меня все это производит такое впечатление, что последствия ужасные, но сделано это недостойным, незначительным человеком, потому что он больной человек, я это положительно утверждаю¹,

– оценивал его деятельность Председатель IV Государственной Думы октябрист М.В. Родзянко.

© Спивак М.Л., 2016

Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начала 1920-х)» (ИМЛИ РАН).

Тлетворный дух проявлялся <...> в сатанинском таланте Протопопова угадывать злободневное настроение страны и с каким-то язвительным злорадством идти наперекор этому настроению²,

– характеризовал его монархист В.В. Шульгин³.

«Ужасом России»⁴ называл его черносотенец В.М. Пуришкевич: «Протопопов расправляется в тяжелую годину родины со всем русским народом, угашая в нем дух уважения к власти, дух веры в будущее, дух порядка»⁵.

Литературный цех также не скупился на выразительные характеристики.

«Один Протопопов с его отсутствием государственного смысла, навязанный нам в руководители, наделал столько зла, что армии проповедников не справиться хотя бы только с одними моральными последствиями его деятельности»⁶, – констатировал В.Г. Короленко.

«...Наш министр шалунишка Протопопов <...> на министерском кресле, – это символ и знак: все поздно, все неменяемы»⁷, – стенола З.Н. Гиппиус.

«В этом лице, хотя бы и не его волею, как в фокусе, сосредоточились все симптомы разложения, он – как бы символ крушения самодержавия <...>», – подытоживал А.А. Блок⁸.

Сибирский фабрикант Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) пришел в политику как член партии октябристов. В оппозиционном правительстве IV Государственной Думе он был Товарищем председателя, т. е. вторым после М.В. Родзянко человеком. На министерском посту Протопопову было суждено пробыть всего полгода (16 сентября 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел, а 20 декабря утвержден на посту министра). Однако за краткий срок он успел стать объектом не только всеобщей ненависти, но и всеобщих насмешек.

Монархические круги ненавидели его за думское прошлое. Прогрессивная общественность не простила ему вхождение в правительство. Выдвижение думца на министерский пост должно было смягчить противостояние различных ветвей власти. Однако сразу после назначения Протопопов проникся ненавистью к либералам, а себя ощутил спасителем государя и отечества.

Его подозревали в государственной измене (он вел переговоры о сепаратном мире с Германией, когда в составе думской делегации ездил в Стокгольм), обвиняли в продовольственном кризисе (он неудачно попытался взять продовольственное дело под свое начало), в попытке вооруженного подавления народных волнений в Пе-

трограде (молва приписывала ему приказ об установке пулеметов на крышах домов) и пр.⁹

Ненависть и презрение соседствовали в отношении к Протопопову с чувством оторопи. Поведение министра казалось настолько неадекватными, что поползли слухи о его сумасшествии.

«Он сделался товарищем председателя Государственной Думы, лишь выйдя из сумасшедшего дома, где провел несколько лет»¹⁰, – утверждала Гипсиус.

«Протопопов всем распоряжается. А он, изволите видеть, сумасшедший <...>»¹¹, – повторял этот слух Алексей Толстой в «Хожении по мукам».

Редкие мемуары обходились без обыгрывания темы протопоповского безумия. Однако самым жирным пятном на его и без того никудышной репутации стала близость к Распутину, который и продвинул Протопопова на министерский пост.

«Протопопов неустанно и хламиду Гришкину целует, и сам “с голосами” до такой степени, что даже в нем что-то “гришенькино”, “чудесное” мелькает... в Царском»¹², – записывала в дневнике З.Н. Гипсиус.

«<...> Повторялось всякое – и о измене, о радиотелеграфе – “прямой провод из Царского в германскую ставку” – и о министре Протопопове, в которого вселился дух Распутина <...>»¹³, – отмечал А.М. Ремизов во «Взвихренной Руси».

Все это сделало Протопопова персонажем в значительной степени комическим.

«Вообще первое движение лиц, знавших Протопопова, когда узнали, что он будет министром, был неудержимый смех, а не негодование, так как всем показалось смешно, что Александр Дмитриевич Протопопов может оказаться когда-нибудь на таком посту»¹⁴, – свидетельствовал кадет и член IV Государственной Думы В.А. Маклаков.

Гипсиус вспоминала реакцию на его возвышение. «Некий серьезный общестественный деятель, вполне разумный, на моих глазах начал истерически хохотать, узнав о назначении Протопопова»¹⁵. «...Протопопов набрал <...> и на прорицания, хотя еще робко, но уже посягает. Со стороны взглянуть – комедия»¹⁶, – писала она в дневнике, добавляя: «Ну, пусть чужие смеются. Я не могу. У меня смех в горле останавливается. Ведь это – мы. Ведь это Россия в таком стыде. И что еще будет!»¹⁷

Эту комедийная сторона протопоповский личности и связанных с ним сюжетов быстро сделала министра внутренних дел героем карикатур и фельетонов.

Ходили слухи, что <...> назначением министров заведовал тобольский конокрад Григорий Ефимович Распутин, младший знахарь тибетского далай-ламы Бадмаев и какая-то дама <...> известная в России под псевдонимом Вырубова. Благодаря энергичной работе этих лиц был приглашен городской сумасшедший г. Протопопов занять пост министра внутренних дел. Государственная дума очень тепло отнеслась к этому приглашению и даже перешла на «ты» с будущим министром, к которому в случае нужды обращались прямо:

– Послушай, ты, мерзавец...

Протопопов быстро организовал дело защиты столицы от нашествия на нее со стороны провианта. В несколько дней Петрограду не угрожал ни один кусок хлеба.

Тогда стало угрожать население.

– Удивительно меня любят, – вырвалась у Протопопова историческая фраза, – чуть услышат мою фамилию, сейчас же толпы собираются и кричат...¹⁸,

– насмеялся Аркадий Бухов.

Появился Протопопов (прежде всего как ставленник Распутина) и на театральных подмостках, и на киноэкране¹⁹. Но особой популярностью он пользовался у сочинителей сатирических виршей, распространявшихся в списках и многократно воспроизведенных мемуаристами.

Петроград продолжал, пока что, усиленно веселиться и либерально судачить, носясь со стишками по адресу «стоящего у власти» Протопопова:

«Про то Попка знает,
Про то Попка ведает!»

Глупые стишки обошли вскоре всю Россию и шарада их тайного смысла услаждала сердца доморощенных патриотов²⁰,

– вспоминал адвокат Н.П. Карабчевский.

Эти известные строки «великосветского памфлетиста» В.П. Мятлева, «чьи стихи ходят по петербургским гостиным», мигом облетают «великокняжеские дворцы, все гвардейские офицерские собрания, все важнейшие канцелярии, редакции всех газет и кулуары» и которые знает наизусть «весь лицей, от старших классов до самого младшего», приводит в мемуарах журналист Л.Д. Любимов, учившийся тогда в Александровском лицее:

Аннушка гадает,
Гришка прорицает...
Про то попка ведает,
Про то попка знает.

Так высмеивал Мятлев триумвират, возглавляющий «темные силы». Всему лицу известен его состав²¹.

К тому же стихотворному памфлету, правда, допуская варианты авторства, обращается писатель и лингвист Л.В. Успенский, в то время гимназист, в «Записках старого петербуржца»:

<...> Протопопов, вчерашний думец <...> вроде близок к «прогрессивному блоку», и вдруг оказывается, что куда ближе он к прогрессивному параличу... И светский поэт Мятлев <...> а может быть и сам <...> Пуришкевич, – пишет про него стишки:

У премьеры старого
В клетке золоченой
Есть для блока серого
Попугай ученый.
Кто про что беседует,
Кто кого ругает, –
Про то попка ведает,
Протопопка знает...²²

Фрагмент другого общеизвестного стихотворения («К назначению Протопопова» – авторство приписывается В.М. Пуришкевичу²³) приводит художник Борис Ефимов, учившийся в канун Февральской революции в Харьковском реальном училище:

Ходят по рукам сатирические стишки о ставленнике Григория Распутина – министре внутренних дел Протопопове. Мне запомнились такие куплеты:

...Царю и родине служитель
На новый, собственный манер.
Дворянства бодрый предводитель
И бывший конногренадер.
Да будет с ним святой Егорий,
Но интереснее всего –
Какую сумму взял Григорий
За назначение его...²⁴

«Следует обойтись без анекдотов...»

У А. Блока пристальное внимание к министру внутренних дел возникло в период работы в учрежденной в марте 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (далее – ЧСК)²⁵. По служебным обязанностям (редактор стенограмм) Блок знакомился с показаниями заключенного в Петропавловскую крепость Протопопова, наблюдал его поведение в тюремной камере, присутствовал на допросах. К тому же Блоку было предложено подготовить о Протопопове отдельный очерк для коллективного тома отчета ЧСК. В нем предполагались главы об отдельных персонах, а также ряд общих глав, раскрывающих ход событий (для этого раздела Блок написал «Последние дни императорской власти»). «...Я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове. <...> что будет из ряда очерков, я не представляю. <...> Но матерьял интересен, и я испытаю силы над Протопоповым»²⁶, – записывал он в дневнике.

В силу разных причин задуманный проект не осуществился. «Последние дни...» Блок опубликовал сначала в журнале «Былое» (1919. № 15) под заглавием «Последние дни старого режима», а потом отдельной книгой в издательстве «Алконост» (Пг., 1921)²⁷. Очерк о Протопопове не был написан. Однако сохранились «Тезисы к главе отчета, посвященной А.Д. Протопопову»²⁸ и зафиксированные в дневнике, записных книжках и письмах раздумья Блока над личностью Протопопова и его ролью в истории²⁹.

Протопопов первоначально показался поэту фигурой, не вполне подходящей на роль символа эпохи.

Протопопов (даже) – личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная *политически*. Так сказать, не он был, а «его было», как любого из них. Если мы лишний раз упомянем это маленькое имя... то окажем плохую услугу – и народу, который будет продолжать думать о его значительности, и комиссии, и самому Протопопову³⁰,

– говорил он на заседании, посвященном обсуждению формы отчета.

Однако вскоре мнение Блока изменилось. В «Последних днях...» он настаивал на том, что «последнему министру внутренних дел Протопопову суждено было занять исключительное место в пра-

вительственной среде» и что «роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробнее»³¹.

В отличие от многих современников Блок не был склонен к сатирическому дискурсу при изображении краха империи. К работе над историческими документами он отнесся серьезно и ответственно.

«В отчете Комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый *литературный* материал, который дают именно стенограммы и письм<енные> показания – можно. Такова моя мысль»³², – излагал Блок свое кредо. Однако именно в отношении Протопопова полностью «обойтись без анекдотов» было сложно. К тому же «богатый *литературный* материал», который давали оказавшиеся в распоряжении Блока «стенограммы и письм<енные> показания», сатирический подход провоцировал.

Так, Блок «инкрустировал» рассказ о Протопопове краткими цитатами из его показаний³³, выбирая, как кажется, самые нелепые, забавные и саморазоблачительные: «Тогда же в голову его вступила “дурная и несчастная мысль насчет министерства”, ибо “честолюбие его бегало и прыгало” <...>» (ПД. С. 13). Или: «Протопопов, желавший, “чтобы люди имели счастье”, и полагавший, что “нельзя гений целого народа поставить в рамки чиновничьей указки”, <...> оказался <...> неприемлемым <...>» (ПД. С. 14).

По тому же принципу извлекал Блок характеристики Протопопова из показаний других обвиняемых или свидетелей обвинения³⁴: «балаболка», «честь тянется, как подвязка», «нес околесную» (ПД. С. 13, 14, 12). Хотя и деликатно, часто намеком вводил он в повествование и множество «анекдотических» эпизодов биографии Протопопова, тех самых, которые вызывали у современников наибольший смех.

Почувствовав «откровенную преданность» и искреннее обожание к «Хозяину Земли Русской» и его семье <...> Протопопов, с присущими ему легкомыслием и «манией величия», задался планами спасения России <...>» (ПД. С. 13).

Упомянул Блок и постоянный объект едких насмешек – «жандармский мундир», в котором Протопопов «однажды щегольнул перед думской комиссией» (ПД. С. 14), и нездоровое увлечение министра предсказаниями:

...он неудержимо интересовался тем, что говорил ему Перэн: что «его планета – Юпитер, которая проходит под Сатурном, и разные гороскопические вещи» (ПД. С. 14)³⁵.

Однако наиболее яркий анекдотический сюжет, введенный Блоком в «Последние дни...», был связан со скандалом, вспыхнувшим между Протопоповым и лидерами думских партий, входивших в так называемый Прогрессивный блок.

«С первого шага Протопопов возбудил к себе нелюбовь и презрение общественных и правительственных кругов. Отношение Думы сказалось на совещании с членами прогрессивного блока, устроенном 19 октября у Родзянки (см. прил. V в конце книги) <...>» (ПД. С. 14),

– вроде бы без тени юмора отмечает Блок.

Однако помещенная им в пятом приложении стенограмма («Совещание членов прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, устроенное на квартире М.В. Родзянко. 19 октября 1916 г.» – ПД. С. 96–104) хотя и имеет вид официального документа, но вполне может рассматриваться в ряду многочисленных сатирических сочинений о Протопопове, распространенных, подобно стихотворным памфлетам, в списках.

Эта стенограмма стала широко известна не только политикам и «общественникам», но и ближайшему литературному окружению Блока еще до того, как он начал работать в ЧСК. Машинопись, идентичная той, которую опубликовал Блок, сохранилась в архиве Андрея Белого в НИОР РГБ³⁶. Был такой экземпляр машинописи и у З. Гиппиус. «Совещание застенографировано. Оно весело и неправдоподобно, как фарс. Точно в Кривом Зеркале играют произведение Тэффи. Да нет, тут скорее Джером-Джером... только он приличнее. Стоило бы сохранить стенограмму для назидания потомства», – реферировала она этот протокол в дневнике 29 октября 1916 г. И делала вывод:

Россия – очень большой сумасшедший дом. <...> Есть трагически-помешанные, несчастные. Есть и тихие идиоты, со счастливым смехом на отвисших устах собирающие щепочки и, не торопясь, хохоча, поджигающие их серниками. Протопопов из этих «тихих». Поджигательству его никто не мешает, ведь его власть. И дарована ему «свыше»³⁷.

А позднее вспоминала:

...когда нам показали стенограмму «чашки чая» – первого свидания министра с думцами и политиками, – мы все чуть не впали в <...> истерику неудержимого хохота.

– Да это нарочно! Кто это выдумал?

– Не выдумал, а официальная стенограмма...³⁸

Что же случилось на квартире у Председателя IV Государственной Думы М.В. Родзянко? Реконструировать произошедшее можно по мемуарам участников совещания.

«Протопопов добивался поговорить со своими товарищами по Думе и просил меня в этом помочь <...>»³⁹, – свидетельствовал Родзянко. «...Наш ласковый теленок хотел, – и был уверен, что может, – сосать двух маток. Он не отказался от звания члена Думы – и даже порывался выступить как таковой. Он хотел оправдаться перед сочленами – и просил Родзянко устроить для этого свидание <...>»⁴⁰, – возмущался П.Н. Милоков.

Родзянко согласился на встречу, но на своих условиях, обманув ожидания Протопопова. «Он, очевидно, надеялся, что свидание ему будет устроено только с представителями земцев-октябристов, но я нарочно созвал к себе лидеров всех фракций Прогрессивного блока»⁴¹, – не без злорадства вспоминал он.

В.В. Шульгин, также присутствовавший на совещании, описывал:

«Вечером 19 октября 1916 года я пришел на квартиру М.В. Родзянко. Здесь, кроме меня, собралось десять членов прогрессивного блока. <...> Родзянко предупредил нас, что мы приглашаемся на неофициальную встречу с министром внутренних дел по его желанию»⁴².

Встреча, задуманная Протопоповым как «дружеская», пошла не по тому сценарию, который был им спланирован, обернулась скандалом.

«Я пришел сюда с целью побеседовать с Вами. А теперь выходит, что я присутствую здесь в качестве подсудимого», – тщетно пытался он усюветить думцев (ПД. С. 97). А после на допросе сокрушался: «...я просил М.В. Родзянко устроить у себя на квартире свидание, и тут ко мне почувствовали уже большую вражду» (Падение... Т. 1. С. 123; допрос 21 марта 1917 г.).

Милоков же, напротив, с удовольствием вспоминал победу Прогрессивного блока: «Надеждам Протопопова был нанесен жестокий удар. Он был жалок, но мы его не пожалели. Он потом жаловался, что его "били, заплевывали, бичевали, затюкали" <...>»⁴³.

Недовольство думцев было вызвано не только политическими заявлениями Протопопова, изменившего прежней «вере». Возмутительными показались его манеры.

«Вы явились к нам не в скромном сюртуке, а в мундире жандармского ведомства. Как понимать это?», – передавал реакцию думцев Шульгин⁴⁴. «Протопопов захлебнулся от счастья быть министром (и это бывший лидер знаменитого думского блока!). Не

вылезает из жандармского мундира <...> и вообще абсолютно неприличен»⁴⁵, – возмущалась Гипшиус.

Родзянко вспоминал, что «Протопопов вел себя странно: он все время поднимал глаза кверху и с каким-то неестественным восторгом говорил: “Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я ее могу спасти”»⁴⁶. Привел Родзянко и точку зрения А.И. Шингарева, сформировавшуюся после этого заседания: «Шингарев, врач по профессии, говорил, что, по его мнению, у Протопопова просто прогрессивный паралич»⁴⁷. Сам же Шингарев дал развернутое описание этого безумного совещания в свидетельских показаниях ЧСК 21 августа 1917 г. Приведем фрагмент:

...мне пришлось встретиться с ним на знаменитом частном совещании у Родзянки, отчет о котором вы, вероятно, имеете. <...> Я входил в лифт, и он туда вошел в своем знаменитом мундире, протягивает мне руку и говорит: «вот, где мы с вами встретились». Я не очень охотно с ним поздоровался и говорю: «да». Он говорит: «а вы знаете, я уже замечаю, у меня правая рука, как у Столыпина, начинает сохнуть». Я пожал плечами, думаю, что он городит, какая чепуха – правая рука сохнет, как у Столыпина. После того слышу рассказы от своих товарищей по Думе о бесконечном множестве соответствующих анекдотов о нем <...> Все заседание <...> на него смотрел, наблюдал и думал, что у него в голове неладно: его ответы, его манеры, поведение, его крайняя ажитация, его странные вставки и замечания <...> все это было необычайно странно и дико. <...> Я тогда же спросил Родзянко: «что с ним, по-моему, он полоумный, он свихнулся, нельзя же делать такие нелепости, это не то, что карьерист. <...> Все, что он делает, нецелесообразно» (Падение... Т. 7. С. 37–38).

Откуда же взялась стенограмма, если совещание проходило неофициально, на частной квартире? Оно не предполагало стенографирования. Более того, требование конфиденциальности было основным условием встречи: «По приезде *Протопопов* обратился с просьбой побеседовать запросто, под условием, чтобы ничто не вышло из этой комнаты» (ПД. С. 96).

Эту просьбу Протопопов повторил на протяжении вечера множество раз. Однако спустя десять дней в дневниках Гипшиус появляется отклик на стенограмму незастиенографированного совещания, а к началу 1917 г. она уже известна повсеместно.

Эту загадку раскрывает Милюков: «Я записал по памяти его бессвязный лепет и моя запись пошла гулять в публике. Протопопов был уверен, что за стенографистом сидел стенографист: точная запись звучала карикатурой»⁴⁸.

Более подробно он рассказал о происхождении стенограммы и ее распространении в самиздате в свидетельских показаниях ЧСК 7 августа 1917 г.:

...он хотел устроить свидание с членами блока по поводу продовольственного вопроса, смотря на это свидание, как на способ выяснения нашего отношения к нему. Оно состоялось тогда у Родзянки. Я не буду рассказывать подробностей, потому что они распространялись в большом количестве экземпляров. Запись эта сделана мной самим по памяти. Я там не вел записи, а после разговора по свежей памяти записал, и очевидно настолько близко к истине, что Протопопов потом был уверен и обвинял Родзянку, что за стеной сидели стенографистки <...> Я тогда же прочел беседу в заседании фракции центрального комитета, кто-то из товарищей взял ее у меня и унес, это было еще в виде черновика, и, сколько я знаю, она ко мне не вернулась (Падение... Т. 6. С. 343).

Примечательно, что и Родзянку в показаниях ЧСК 4 сентября 1917 г. не стал подробно рассказывать про встречу с Протопоповым, объяснив это тем, что «все знают»: «...это по рукам ходило, – протокол, записанный Милюковым» (Падение... Т. 7. С. 145)⁴⁹.

Упомянул о милюковской стенограмме на допросе 30 июня 1917 г. и министр иностранных дел Н.Н. Покровский. Любопытно, что он, будучи человеком здравого смысла и большого опыта в государственных делах, усомнился в ее подлинности:

Потом мы узнали о его посещении Родзянку. Вы знаете, тогда ходила по рукам стенограмма, – хотя, мне кажется, невероятно, чтобы это была стенограмма, потому что она так коротка и изображает такой длинный разговор; по-видимому, это было извлечение. Это стало известно, и вот тогда у всех, кто смотрел на Протопопова иначе, мнение о нем очень повернулось (Падение... Т. 5. С. 357).

Но наиболее интересным кажется свидетельство генерала П.Г. Курлова, симпатизировавшего Протопопову и служившего в 1916 г. товарищем министра внутренних дел. Курлов рассматривал и само совещание, и милюковский памфлет как спланированную атаку («Такая травля А.Д. Протопопова не была вызвана моментом: прогрессивный блок к ней усиленно готовился»). Однако и Курлов был вынужден признать, что «министр сам давал иногда повод» к насмешкам:

Подготовка ярко выразилась в частном совещании членов Государственной Думы, в которое А.Д. Протопопов явился в жандармском мундире. Все происходившее в этом заседании разошлось в широкой публике, среди которой циркулировал отпечатанный журнал этого частного собрания. А.Д. Протопопов утверждал, что содержание журнала не соответствовало действительности. Он был выставлен в отчете совещания в самом смешном виде, и, конечно, публика, уже в достаточной мере враждебно настроенная против правительства, поверила этому «документу»⁵⁰.

Трудно проверить, насколько точна была запись Милюкова, но то, что выглядела она как фарс, – это факт. Обсуждение реальных вопросов в ней было отражено минимально, но зато в деталях подавались перебранки и с особым смаком – нелепые сентенции Протопопова и все то, что придавало собранию комизм. Например:

П.Н. <Милюков> закрывает мне рот, чтобы я не мог объясниться с товарищами. Я мог бы ожидать <...> что, по крайней мере, сердце заговорит и смягчит отношения; но, по-видимому, я ошибался. Что же делать. Я хотел столкнуться, но если этого нельзя и ко мне так враждебно относятся, я принужден буду пойти один (ПД. С. 96–97).

Или:

Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и люблю; но я не могу говорить об интимной стороне этого дела (ПД. С. 97).

Или:

Если здесь говорят, что меня больше не уважают, то на это ответ может быть дан не в обществе, а лицом к лицу с пистолетом в руках. Что касается отношения ко мне общества, сужу о нем по моим большим приемам. Туда приходят множество обездоленных и страдающих, и никто еще не уходил без облегчения (ПД. С. 98).

Впечатление фарса достигалось диалогами такого рода:

Протопопов. – Да, я всегда был монархистом. А теперь я узнал лично царя и полюбил его. Не знаю, за что, но и он полюбил меня. (*Капнист.* Не волнуйтесь, А.Д.). Да, вам хорошо сидеть там, на вашем кресле, а каково мне на моем. У вас есть графский титул и хорошее

состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп<еек> за урок. Я не имею ничего, кроме личной поддержки Государя, но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились (ПД. С. 101).

Или:

Протопопов – <...> В вашем отношении ко мне, П.Н., говорит разум, но нет голоса сердца. Ваша супруга отнеслась бы ко мне совершенно иначе. Вот как я к вам отношусь. Хотите, я легализую вашу партию?

Милюков – При чем тут моя супруга (ПД. С. 102).

Не менее фарсово выглядели стенографические ремарки. В них отмечалось, когда Протопопов закатывал глаза к небу, после каких слов начинал тяжело дышать, как приговаривал почти на каждой фразе: «Это государственная тайна».

Финал встречи был представлен следующим образом:

Капнист подходит к Протопопову и убеждающим тоном говорит: «Ал. Дм., откажитесь от Вашего поста».

Милюков: «Вы ведете на гибель Россию».

Протопопов: «Я сам земец, и zemства пойдут за мною».

Голоса: «Не пойдут, Ал. Дм.».

После нескольких минут общего разговора по кружкам, раздаются голоса: «Ал. Дм., идите спать».

Шингарев: «Я могу Вам дать на прощание медицинский совет: Ложитесь спать и отдохните» (ПД. С. 104).

Итак, Блок поместил в приложении к книге «Последние дни императорской власти» широко известную стенограмму-памфлет. Вопрос о том, когда Блок впервые узнал об этом документе, представляется не очень важным. Доподлинно известно, что стенограмма была в распоряжении ЧСК. Но также весьма вероятно, что Блок, подобно Гишпиус, мог познакомиться с ней в «самиздате» еще осенью 1916 г.

По-видимому, Гишпиус не знала, что это не точный протокол, а псевдостенограмма, изготовленная Милюковым для того, чтобы показать истинную сущность предателя-Протопопова и выставить его в смешном виде в глазах общественности. У Блока, редактировавшего материалы ЧСК, были все основания об этом догадываться.

Блок в «Последних днях...» буквально реализовал пожелание Гиппиус – сохранить стенограмму «для назидания потомству»⁵¹. И еще, как кажется, Блок напечатал стенограмму с теми же целями, которые вдохновляли и Милокова. Неслучайно Блок посчитал нужным подчеркнуть, что «из-за «влияния личного характера» Протопопов «заставил многих сделать из него “притчу во языцах” и отнести к нему юмористически» (ПД. С. 14).

Желая первоначально «обойтись без анекдотов» и использовать в отчете лишь «тот богатый *литературный* матерьял, который дают именно стенограммы и письм<енные> показания»⁵², Блок не устоял перед соблазном и, подобно многим современникам, отнесся к Протопопову «юмористически».

В «Последних днях...», в финале первой главы, он оценил итоги деятельности министра в весьма пафосных, патетических выражениях:

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти. <...> как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры. В этом смысле Протопопов оказался, действительно, «роковым человеком» (ПД. С. 16).

Однако примечательно, что в подготовительных материалах к «Последним дням...» Блок представил гибель империи не только как трагедию, но и как фарс, в котором главную комическую роль суждено было сыграть последнему министру внутренних дел:

«Протопопов – фигурка оригинальная, <...> судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломив всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его»⁵³.

Примечания

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Госиздат, 1924–1927. Т. 7. С. 153 (Допрос 4 сентября 1917 г.). Далее – Падение, с указанием тома и страницы в тексте.

- ² Шульгин В.В. Годы // Шульгин В.В. Годы. Дни: 1920. М.: Новости, 1990. С. 325.
- ³ Там же. С. 313.
- ⁴ Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига: National reklama, 1924. С. 38. Запись за 5 декабря 1916 г.
- ⁵ Так передавал его слова В.В. Шульгин. См.: *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶ *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10. С. 549–550. Письмо Алеманову от 27 ноября 1916 г.
- ⁷ *Гиппиус З.Н.* Дневники: В 2 т. / Под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 427. Запись за 7 октября 1916 г.
- ⁸ Докладная записка Блока в Чрезвычайную следственную комиссию по вопросу издания «Избранных стенографических отчетов допросов» // Блок А.А. Последние дни императорской власти / Сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 290.
- ⁹ Деятельность Протопопова анализировалась многими историками (см., например: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989; *Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима: 1905–1917. М.: Захаров, 2005 и др.) и мемуаристами (см. небольшую подборку: *Поливанов О.А.* Протопопов глазами современников // Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 373–384).
- ¹⁰ *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ¹¹ *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: В 3 кн. М.: АСТ, Олимп, 2001. Кн. 1–2. С. 215.
- ¹² *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 428. Запись за 16 октября 1916 г.
- ¹³ *Ремизов А.М.* Взвихренная Русь / Подгот. текста, ст., коммент. А.В. Лаврова // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 2000. Т. 5. С. 29.
- ¹⁴ Протокол допроса В.А. Маклакова 10 сентября 1920 г. см.: *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. арх., 1998. С. 254. (Рос. арх. Т. 8).
- ¹⁵ *Гиппиус З.Н.* Маленький Анин домик: Вырубова // Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н.А. Богомолова. М.: Худож. лит., 1991. С. 308.
- ¹⁶ *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 441. Запись за 2 февраля 1917 г.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Бухов А.С.* Кесарево – кесареви: Юмористические рассказы. Пг.: Журнал журналов, [1917]. См. републикацию: Сатирическая история от Рюрика до революции. М.: Алгоритм, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://coollib.net/b/306936> (дата обращения: 01.06.2016).
- ¹⁹ См.: *Мокульский С.* Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра: Очерки развития. Л.: ГИХЛ, 1933. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917–1921. С. 23–24; *Ярон Г.М.* О любимом жанре. М.: Искусство, 1960. [Электронный ресурс]: URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/ro/n_1.htm (дата обращения 01.06.2016); *Гинзбург С.* Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. С. 352–353.

- ²⁰ *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели: В 2 т. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. 2: Революция и Россия. С. 117. Полный текст см.: Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. С. 119–120.
- ²¹ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.istmira.com/razlichnoe/na-chuzhbine/page/19> (дата обращения: 01.06.2016).
- ²² *Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/PROZA/USPENSKIJ_L/peterburzhec.txt (дата обращения: 01.06.2016).
- ²³ Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. С. 115. Полный текст: С. 117–118.
- ²⁴ *Ефимов Б.* Десять десятилетий: (О том, что видел, пережил, запомнил). Воспоминания. М.: Вагриус, 2000. (Серия «Мой 20 век») [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031487/Efimov_-_Desyat_desyatiletij.html (дата обращения: 01.06.2016).
- ²⁵ См.: *Перегудова З.И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 298–365; *Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. С. 64–85, 220–222.
- ²⁶ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963. Т. 7. С. 286. Запись за 21 июля 1917 г.
- ²⁷ См. также в «Архиве русской революции» (Берлин. 1922. Т. 4. С. 5–54).
- ²⁸ *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. С. 288–289.
- ²⁹ См.: *Стивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 161–164. См. также оценку А.Д. Протопопова в публикации А.Е. Парнисом инскриптов Блока на книгах, подаренных С.В. Панченко: Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 112–114.
- ³⁰ *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 288. Запись за 25 июля 1917 г.
- ³¹ *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. С. 13. Далее – ПД, с указанием страницы в тексте.
- ³² *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 265. Запись за 18 июня 1917 г.
- ³³ Блок использует материалы допроса А.Д. Протопопова 21 марта 1917 г. См.: Падение... Т. 1. С. 134, 142, 150, 117.
- ³⁴ Блок использует материалы допросов Д.М. Дубенского 9 августа, И.Ф. Манасевича-Мануйлова 10 апреля, Н.Н. Покровского 30 июня 1917 г. См.: Падение... Т. 4. С. 386; Т. 2. С. 68; Т. 5. С. 358.
- ³⁵ Блок использует показания А.Д. Протопопова 14 апреля 1917 г. См.: Падение... Т. 2. С. 151.
- ³⁶ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 33. Ед. хр. 18. Подробнее о стенограмме см.: *Стивак М.* Указ. соч. С. 154–164.

- ³⁷ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ³⁸ *Гиттиус З.Н.* Маленький Анин домик: Вырубова. С. 308.
- ³⁹ *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 179.
- ⁴⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2. С. 228–229.
- ⁴¹ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 179.
- ⁴² *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 314.
- ⁴³ *Милюков П.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁴ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 315.
- ⁴⁵ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 427. Запись за 16 октября 1916 г.
- ⁴⁶ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 180.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁹ Ср.: «Большой день во дворце: допрос Родзянко» (*Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 308. Запись за 4 сентября 1916 г.).
- ⁵⁰ *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 238.
- ⁵¹ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ⁵² *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 265.
- ⁵³ *Блок А.А.* <Характеристики отдельных лиц, не вошедшие в окончательный текст> // *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 6. С. 449.

Публицистическая компонента
в средневековой испанской
«Поэме о Фернанде Гонсалесе»

В статье исследуется публицистическая компонента в средневековой испанской «Поэме о Фернанде Гонсалесе». Текст поэмы, повествующий о событиях X в., анализируется с учетом реалий времени ее написания, середины XIII в. Автор делает вывод о том, что «Поэма о Фернанде Гонсалесе» отражает не столько реалии X в., сколько реалии XIII в.

Ключевые слова: Фернандо III Кастильский, Фернанд Гонсалес, Испания, Кастилия, Реконкиста, мавры.

Современные исследователи публицистики давно обратили внимание на публицистическую компоненту эпических и историографических текстов европейского Средневековья. Отмечается, что эпос часто несет даже больший интерес для историков, чем хроники или летописи, и что европейские средневековые тексты стали твердой и прочной основой для дальнейшего развития публицистики в эпоху Нового времени и Возрождения¹.

Все сказанное можно отнести и к «Поэме о Фернанде Гонсалесе». Поэма эта – один из самых неизученных текстов средневековой испанской литературы в российском литературоведении. С точки зрения публицистического содержания ее до настоящего времени вообще никто не рассматривал.

* * *

Поэма создавалась в XIII в., в последние годы правления Фернандо III Кастильского (1217–1252), который позднее, уже в XVII в., был канонизирован. Фернандо был незаконнорожденным сыном королевы Беренгелы и Альфонсо IX Леонского, бастардом

его сделало аннулирование брака короля с инфантой Кастильской. Причиной расторжения брака стало родство между супругами, они были кузенами, но Фернандо был рожден еще до развода, и ему впоследствии вернули статус законного сына. Известно, что избранная королевой Беренгела править страной не пожелала и передала корону Фернандо, что вызвало недовольство Альфонсо. При этом в процессе борьбы за престол с отцом большая часть городов и знати поддерживала именно Фернандо.

Время правления Фернандо III Кастильского было насыщено бурными историческими событиями. Произошло окончательное объединение королевств Кастилии, Леона и Галисии, а значит – окончательное оформление Испании как единого государства. Шли успешные завоевания новых земель на Пиренейском полуострове – так называемая «быстрая реконкиста». Фернандо III после долгой борьбы за власть в 1217–1218 гг. объявил главной своей задачей завоевания мусульманских владений на Пиренеях. В 1225 г. ему удается завоевать Андухар, в 1236 г. – Кордову, в 1241 г. – Мурсию и в 1245 г. – Севилью. Фернандо был религиозен, но проявлял высокие дипломатические качества, в частности установил дружественные отношения с халифом Идрисом I аль-Мамун из династии Альмохадов, благодаря чему в 1229 г. аль-Мамун передал Кастилии христианскую колонию на территории Марокко.

Государство развивалось динамично, строился флот, проводились политические реформы и даже – по мнению некоторых исследователей – была сделана попытка публикации кодекса законов².

* * *

В «Поэме о Фернанде Гонсалесе» речь идет о событиях X в. Место действия поэмы – королевство Кастилия. Главный герой – граф Фернан Гонсалес (932–970), реальное историческое лицо, тогдашний правитель Кастилии. Изображая его, автор поэмы многое домысливает, а то и просто сочиняет, однако основная историческая канва событий изображена достоверно.

В годы правления Фернана происходило освобождение графства Кастильского от власти королей Леона, т. е. шел процесс, обратный тому, который характерен для времени написания поэмы. Но для автора «Поэмы...» важно другое – идея объединения Кастилии, превращения ее в сильное, процветающее и страшное врагам государство. Кроме того, Фернан Гонсалес вел борьбу с маврами – и в этом смысле являлся предтечей Фернандо III Кастильского.

Гонсалес на страницах поэмы – мудрый и храбрый воин, чтящий религиозные заповеди. Он желает мира и помнит долг вассала, но о долге господина забывает вероломный король Леона, легкомысленный и жестокий человек, бросающий Гонсалеса в тюрьму. В итоге графу не остается ничего другого, как пойти войной на Леон.

Изображение главного героя в поэме явно иносказательно: рисуя Гонсалеса, средневековый автор явно имеет в виду Фернандо III, действующего монарха.

В «Поэме о Фернанде Гонсалесе» у благочестивого графа двое приближенных. Один из них – Нуньо Лаинес. Здесь сложно не заметить параллелей: граф Альваро Нуньес де Лара был основным конкурентом Фернандо III в борьбе за власть. При этом в поэме Нуньо Лаинес парадоксально возникает скорее как положительный герой. Автор называет его «честным господином» и «добрым рыцарем», а значит, в полном соответствии с законами эпического произведения герой совершает только положительные поступки. Его образ возникает в поэме несколько раз. Сначала автор представляет его читателю, а затем подталкивает графа к верному для Кастилии решению в опасной ситуации, когда войско устает:

Дай своему народу передышку и собственное здоровье поправь.
Ты тяжело ранен, так отдохни же!
Дай время дойти воинам, которые в пути,
Многие еще не успели дойти, ты должен их подождать³.

Но ярче всего образ Лаинеса проявится ближе к развязке поэмы, в драматическом эпизоде знакомства главного героя, графа Фернана Гонсалеса, с будущей женой. Девушку попытался обесчестить «злой архиепископ», граф спас ее, и они оказались ночью «на мощеной дороге», а Нуньо Лаинес призвал кастильцев отправиться на поиски Фернана Гонсалеса. В итоге все разрешилось благополучно. Вот как передает неизвестный автор убедительную речь героя:

Кастильского графа отправимся искать.
Все там или погибнем или с собой его сюда приведем.
Откладывая это дело, мы покроем себя большим позором⁴.

Диес, второй приближенный графа Фернана, изображен, видимо, по контрасту с Лаинесом. Автор характеризует его как *sanudo* –

злобного. Гонсало Диес – вассал графа, и главная его ошибка в том, что он выступает против приказа военачальника, предлагая отложить битву с маврами. Диес – трус, и его образ выведен в поэме, очевидно, для того, чтобы оттенить не имеющего недостатков главного героя. Кроме того, Гонсало Диес создает препятствия на пути окончательного политического укрепления графа и победы над маврами, что роднит его с реальными противниками короля Фернандо III.

Узнаваемыми для современников автора поэмы были многие ее герои. Так, например, еще один герой, противопоставленный в поэме Фернану Гонсалесу, – мавританский военачальник Альмонсор. По-видимому, его прототипом является Идрис I аль-Мамун. В поэме Альмонсор представлен в первую очередь как противник героя, и кастильцы прикладывают все силы для борьбы с ним. Но в отличие от описания Гонсало Диеса автор не позволяет себе ни одной отрицательной его характеристики. Альмонсор – антигерой, мусульманин, т. е. противник, но противник умный и сильный. Можно сказать, что автор, как и сам Фернан Гонсалес, относится к Альмонсору с уважением. Более того, в одной из строф подчеркивается могущество войска мусульманского военачальника, а имя его переводится как «Победоносный благодаря Богу».

* * *

А.Я. Гуревич утверждает, что XIII в. – особый период в культуре Средневековья. По словам Гуревича, ранее время полностью подчинялось идее вечности, короткие отрезки жизни казались бранными по сравнению с вечной жизнью на небесах – и, соответственно, исторические события не казались авторам средневековых текстов сколько-нибудь важными. И только в XIII в. мыслители, писатели и проповедники впервые предпринимают попытку связать современность с историей своих народов⁵.

Описание А.Я. Гуревичем «темпоральное ощущение» XIII столетия можно в полной мере отнести и к «Поэме о Фернанде Гонсалесе». История Кастилии, предки Фернана Гонсалеса, история его любви и военных походов волнуют воображение автора поэмы. Вместе с тем поэма явно носит пропагандистский характер: ее автор, ученый монах, внедряет в сознание читателей христианские ценности, описывает правила жизни кастильского патриота, воспевавшего собственного короля. Формально рассказывая о событиях X в., поэма ярко описывает проблемы, стоявшие перед Испанией XIII в.

-
- ¹ *Ученова В.В.* У истоков публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 81–93.
  - ² Биографию Фернандо III Кастильского см.: *Альтамир-и-Кревеа Р.* История Испании: В 2 т. / Пер. Е.А. Вадковского, О.М. Гарсен. М.: 16-я тип. Главполитграфиздата при Совете министров СССР, 1950. Т. 1. С. 157–159.
  - ³ *El Poema de Fernán González / Ed. facsímil del manuscrito depositado en el Monasterio de El Escorial.* Burgos: H. Fournier, 1989. V. 344. P. 231.
  - ⁴ *Ibid.* V. 664. Кроме де Лары, испанской историографии известно еще одно историческое лицо по имени Нуньо. Это легендарный кастильский судья IX в. Нуньо Расура. Судья Нуньо Расура, безусловно, имеет отношение к образу приближенного Фернана Гонсалеса, но и влияние на автора поэмы личности графа Альвара Нуньеса де Лара, сыгравшего важную роль в истории Кастилии первой половины XIII в., отрицать нельзя.
  - ⁵ *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. С. 65.

Аксиологическая модальность публицистического текста: на материале бюллетеней И.А. Ильина «Наши задачи»

Данная работа выполнена в рамках новейшего направления в изучении языка СМИ – аксиологического. В статье на материале философско-публицистических листов Ивана Александровича Ильина «Наши задачи» показано, что одной из важнейших характеристик публицистического текста является аксиологическая модальность, обусловленная системой ценностей его создателя. Аксиологическую шкалу автора «Наших задач» в полной мере отражает лексическая система исследуемых текстов, представляющая собой строгую иерархию лексико-семантических полей, которые раскрывают содержание ключевых понятий публицистики И.А. Ильина.

Ключевые слова: аксиологическая модальность, публицистический текст, И.А. Ильин, «Наши задачи», свобода, Предметность, любовь.

Аксиологическое направление в изучении публицистического текста – совсем новая, еще не сформировавшаяся окончательно область исследований, предполагающая анализ текста через призму системы ценностей, которые отражаются в нем и транслируются аудитории. Это направление опирается на достижения функционального, лингвокультурологического, интенционально-коммуникативного, лингвоэтического подходов¹.

Как правило, публицистический текст является мощным средством внедрения в когнитивную систему реципиента определенных концептуальных конструкций, «моделей мира»², а значит, и некоторой системы ценностей. При этом журналист интерпретирует, оценивает факты социальной действительности, о которых пишет (= формирует ценностные установки аудитории), в соответствии со своей аксио-

логической шкалой. Безусловно, публицистический текст влияет на формирование отношения читателя к действительности, на формирование правил поведения, которыми руководствуется человек³. И с таких позиций исследование аксиологической модальности публицистического текста представляется особенно актуальным.

Под аксиологической (оценочной) модальностью принято понимать «характеристику объекта с точки зрения определенной системы ценностей»⁴. Аксиологический статус отдельного объекта может выражаться следующими словами и сочетаниями: «хорошо», «плохо», «(оценочно) безразлично»; «лучше», «хуже», «равноценно»; «позитивно ценно», «является добром», «негативно ценно», «есть зло»⁵.

Гипотезой данного исследования стало предположение о том, что слова, выражающие аксиологическую модальность публицистического текста (по сути, формирующие ценностную шкалу аудитории издания), могут не быть представлены явно в тексте. Для выражения аксиологической модальности публицистического текста достаточно соотносительности того или иного слова с лексико-семантическим полем⁶ (далее – ЛСП) с архисемой «добро» или с ЛСП с архисемой «зло», обычно проявляющимися в той или иной степени в любом публицистическом тексте, либо с общей периферией этих двух ЛСП (объекты действительности, именуемые словами, находящимися на общей периферии ЛСП с архисемой «добро» и ЛСП с архисемой «зло», передают аксиологический статус «(оценочно) безразлично»).

Вместо ЛСП с архисемой «добро» и ЛСП с архисемой «зло» в публицистическом тексте могут присутствовать другие ЛСП, семантически соотносимые с данными (такими ЛСП могут быть поля с архисемами «истинно» или «ложно», а также ЛСП с архисемами «нравственно» или «безнравственно» и подобные). Данная гипотеза базируется на положении о системности лексики текста: публицистический текст (или корпус текстов) отражает систему взглядов (или фрагмент этой системы), значит, весь словарь публицистического текста организован системно, и это может быть показано через описание системы ЛСП, представленных в данном тексте⁷.

К творчеству Ивана Александровича Ильина было решено обратиться не случайно. По оценке его современников и сегодняшних исследователей, в этом наследии содержатся мысли и искания, которые могли бы сыграть и в настоящем, и в будущем России немалую роль⁸. В качестве источника исследования выбраны философско-публицистические листки «Наши задачи», издававшиеся И.А. Ильиным в 1948–1954 гг. В данных бюллетенях сконцентрирован жизненный и политический опыт И.А. Ильина, одного из самых ярких

творцов «белой» идеологии, человека, заметившего более чем полвека назад утрату жизненных ориентиров, которая так сильно ощущалась на рубеже XX и XXI вв. и все еще ощущается теперь.

Объектом исследования стали микроконтексты, отражающие ключевые понятия публицистики И.А. Ильина («Бог», «человек», «духовность», «законы духа», «свобода», «любовь», «Предметность», «культура» и др.), предметом – вычлененные из этих микроконтекстов ЛСП с архисемами «Бог», «человек», «духовность», «законы духа», «свобода», «любовь», «Предметность», «культура». Интересующие исследователя микроконтексты были отобраны методом сплошной выборки из всех 215 выпусков «Наших задач», изданных И.А. Ильиным⁹.

Посредством метода лексико-семантического анализа было выявлено, что ЛСП, отражающие ключевые понятия публицистики И.А. Ильина (как и все ЛСП, представленные в текстах «Наших задач»), образуют стройную систему, элементы которой соотносятся следующим образом¹⁰:

	ЛСП с архисемой «Бог» (1)		
	ЛСП с архисемой «духовность» (2), соотносимое и с личной духовностью человека, и с высшим духовно-божественным измерением жизни Законы духа		
	ЛСП с архисемой «законы духа» (3) (= свобода, любовь, Предметность)		
	ЛСП с архисемой «любовь» (4)	ЛСП с архисемой «Предметность» (5)	ЛСП с архисемой «свобода» (6)
	ЛСП с архисемой «человек» (7) (его часть со значением «культуросотворяющий человек»)		
	ЛСП с архисемой «культура» (8) (его часть, раскрывающая понятие «истинная культура», включающее в себя основанные на свободе, любви и Предметности религию, веру, церковь, право, правосознание, политику, государство, армию, хозяйство и труд, медицину, семью, воспитание, образование, науку, искусство, прессу, язык)		
	ЛСП с архисемой «человек» (9) (его центр)		
	ЛСП с архисемой «культура» (10) (его часть со значением «лжекультура», включающее в себя все то, что создано без свободы, без любви и без Предметности)		
	ЛСП с архисемой «человек» (11) (его часть со значением «продажный человек»)		
	ЛСП с архисемой «ненависть» (12)	ЛСП с архисемой «продажность» (13)	ЛСП с архисемой «рабство» (14)
	ЛСП с архисемой «дьяволов дух» (15)		
	ЛСП с архисемой «дьявол» (16)		

«Точкой отсчета» в аксиологической системе И.А. Ильина является человек (9)¹¹ – личность, поступки и «творения» которой прямо или косвенно оцениваются в «Наших задачах», а своего рода «системой координат» стали два измерения понятия «Предметность»¹² – объективно-ценностное (верна ли жизненная цель человека?) и субъективно-личное (искренне ли предан человек своей жизненной цели?)¹³.

Предметность, по И.А. Ильину, – это служение Предмету¹⁴, ценности, которая придает жизни «высший, последний смысл»¹⁵, т. е. тому объекту, который человек выбрал как точку приложения своих жизненных сил¹⁶. «Предметность можно было бы описать как включение себя в Дело Божие на земле; или как вплетение себя в Его ткань; или как вхождение в Его поток; как отождествление своего дела с Его делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою»¹⁷.

Поскольку у Предметности два измерения, существуют четыре возможности: человек субъективно предметен, а объективно нет (I), объективно предметен, а субъективно нет (II), человек не предметен ни субъективно, ни объективно (III), человек предметен и субъективно, и объективно (IV). Лишь в последнем случае его Предметность подлинная¹⁸.

ЛСП, передающими аксиологическую модальность исследуемого текста, являются ЛСП с архисемой «Предметность» (семантически соотносимое со словом «добро», в том числе и через слово «благо»¹⁹ [65-194]²⁰) и ЛСП с архисемой «продажность»²¹, раскрывающее состояние, в котором находится человек не предметный ни субъективно, ни объективно. Данное ЛСП соотносится с ЛСП с архисемой «зло» через лексические единицы «исконно-завершенное зло» [32-72], «воинствующее зло» [39-95].

С аксиологической модальностью данного текста связано и ЛСП с архисемой «свобода». Сама по себе свобода, по И.А. Ильину, не является ценностью, благом. Ценностью является лишь духовная [213-348], предметная [180-181], внутренняя [36-83] свобода – такая свобода, которая описывается в «Наших задачах» как «сила и искусство человека определять себя самого к духовности согласно своему предстоанию, своему призванию и своей ответственности» [213-347], как «высокое искусство, сочетающее воедино самостоятельность бытия и верность предмету» [200-278], как «умение сочетать независимость с лояльностью» [146-41].

Недуховная свобода [156-178], бессердечная свобода [180-179], беспредметная свобода [180-180], внешняя свобода [36-82], формальная свобода (включающая в себя свободу тайного предательства и явного погубления) [115-378]) и – тем более – противопред-

метная свобода [180-180], «свобода», «освобождающая» человека от третьего (духовного) измерения [57-161], свобода от совести [139-11], свобода от ответственности [156-78], свобода бесчестия [159-92], свобода от правосознания [156-78], свобода от великодержавных задач [124-408], свобода от национальной культуры [57-160], свобода разнуздания [65-194], свобода преступления [65-194], полная свобода [115-377], безмерная свобода [58-165] ценностью для И.А. Ильина не являются. Такая, без Предметности и без любви, свобода вырождается в произвол [128-424], в несвободу [180-180], в исконно-завершенное зло [32-72], в подчиненность власти тьмы [27-57], т. е. в рабство (при засилье дьявола [66-199]).

Система ценностей автора текста проецируется на восприятие любого явления, на толкование любого понятия, о чем свидетельствует структура ЛСП с архисемой «любовь»²². Один из тематических рядов данного ЛСП, помогающих раскрыть смысл, который И.А. Ильин вкладывал в понятие «любовь», – тематический ряд «Объекты любви», в который входят слова и словосочетания «Бог» [22-40], «Россия» [82-251], «Государь» [127-422], «свой народ» [66-195], «чужая душа и жизнь» [203-295], «природа» [181-187], «земля» [88-282], «труд» [189-220], «свой родной язык» [193-243], «духовная культура» [193-243], «правда» («люди правдолюбивые» [191-234]), «свобода» [127-421] и др. Таковы достойные любви объекты – «нечто такое, что на самом деле заслуживает цельной любви и преданного служения» [181-184] – объекты любви подлинно предметного (культуротворящего) человека.

Но не все объекты любви, по мнению И.А. Ильина, любви заслуживают. Так, не заслуживают любви: известность, почести [166-112], стремление властвовать («властолюбивые намерения» [82-251]), сам человек, если любовь к самому себе чрезмерна («нестыдящиеся себялюбцы» [94-307]) и др.

Понятие «любовь» – носитель аксиологической модальности (любовь оценивается И.А. Ильиным через призму понятия «Предметность»: в «Наших задачах» показано, что беспредметная и противопредметная любовь не может быть истинной), более того, это понятие само становится критерием оценки: человек, не отказавшийся от непредметного объекта любви, «не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание – служить, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, перед Богом, будет всегда существом социально опасным» [181-184].

Через понятие любовь в «Наших задачах» раскрываются такие важные для автора бюллетеней понятия, как «русская идея»

[127-420], «русская культура» [114-371] и др. И уже одно то, что эти понятия семантически тесно связаны с понятием «любовь», дает возможность оценить их как подлинные ценности бытия русского человека.

Таким образом, изучение аксиологической модальности публицистического текста дает объективное представление об аксиологической шкале его автора, а также о том, какие ценности транслируются аудитории конкретным текстом и изданием в целом. Поэтому данное свойство публицистического текста заслуживает пристального внимания современных исследователей.

Примечания

- ¹ *Афанасьева О.М.* Публицистическая картина мира: к вопросу о методах исследования // Медиальманах. 2015. № 2 (67). С. 73.
- ² Язык и моделирование социального взаимодействия / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 7.
- ³ «Нормативные понятия “обязательно”, “разрешено” и “запрещено” определяемы через оценочные понятия. Это означает, что деонтическая модальная характеристика сводима к аксиологической модальной характеристике» (*Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 17).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Под лексико-семантическим полем понимается совокупность лексических единиц, «объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (*Кузнецов А.М.* Поле // Лингвист. энциклопед. слов. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 380).
- ⁷ *Афанасьева О.М.* Реконструкция языковой картины мира публициста (на материале бюллетеней «Наши задачи» Ивана Александровича Ильина): Дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2000.
- ⁸ Об этом свидетельствовали выступления на Международной научной конференции «Национальный вопрос в творческом наследии Ивана Ильина. Смысл и цель общенациональной и этнокультурной политики», проведенной 22–23 декабря 2014 г. в Москве Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институтом Наследия) при поддержке Министерства культуры РФ.
- ⁹ *Ильин И.А.* Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 1993. Т. 2. Кн. 1, 2.
- ¹⁰ *Афанасьева О.М.* Реконструкция языковой картины мира публициста... С. 195.

- ¹¹ (9) Здесь и далее: цифры в круглых скобках соответствуют обозначению на схеме.
- ¹² *Ильин И.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 186.
- ¹³ *Афанасьева О.М.* Семантика понятия «Предметность» в публицистике И.А. Ильина // Журналистика и культура русской речи. М., 1999. Вып. 9. С. 20–38.
- ¹⁴ Слова «Предметность», «Предмет» в статьях И.А. Ильина пишутся как с прописной, так и со строчной буквы, что часто связано с оттенками значения этих слов. Прописная буква указывает на истинную Предметность, на достойный служения Предмет. Критерий «истинно» у И.А. Ильина связан с понятием «Бог» и с «вытекающими» понятиями: «дух», «духовные законы» (И.А. Ильин называет три духовных закона: свобода, любовь и Предметность), «истинная культура». Критерий «ложно» связан с диаметрально противоположными явлениями: с отсутствием Божественного измерения жизни, с рабством, ненавистью, продажностью (см. схему).
- ¹⁵ *Ильин И.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 182.
- ¹⁶ Такой объект может иметь истинную, объективную ценность (например, Бог, Россия, наука, подлинное искусство, воспитание детей в соответствии с требованиями совести), а может объективной ценности не иметь (например, желание любой ценой добиться высокого положения в обществе; служение подобному предмету лишает человека Предметности и делает его продажным).
- ¹⁷ *Ильин И.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 186.
- ¹⁸ Там же. С. 185.
- ¹⁹ «Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека... Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности» (Там же. С. 187).
- ²⁰ [65-194] Здесь и далее: в тексте статьи в квадратных скобках указан номер выпуска «Наших задач» и (через дефис) номер страницы по изд.: *Ильин И.А.* Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг.
- ²¹ «Под продажностью или подкупностью совсем не следует разуметь измену идее за деньги. Такая измена есть наиболее грубая форма продажности» (*Ильин И.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 110).
- ²² Любовь – одно из проявлений духа в человеке (*Ильин И.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 451); любовь «состоит в художественном вчувствовании в чужую душу и жизнь; она выражается в живом сочувствии и участии, в понимании, совете и помощи» (Там же. Кн. 2. С. 295).

Проблема эффективности речевых тактик журналиста
в телевизионном интервью:
на материале канала «Москва 24»

В статье анализируются речевые тактики, использованные ведущим программы «Интервью», вышедшей в эфир на телеканале «Москва 24», определяется эффективность их использования. Основная цель исследования – обозначить проблемы, связанные с применением журналистом различных речевых тактик в ходе интервью, и выявить причины коммуникативных ошибок.

Ключевые слова: интервью, речевые тактики, коммуникативная неудача, телевизионная речь.

Телевидение сегодня представляет зрителю разнообразные по содержанию и стилю материалы. Его задача – не только информировать, но и оказывать воздействие на аудиторию.

Один из самых популярных телевизионных жанров – это интервью. Оно «занимает особое место на телеэкране. Фактически нет ни одного информационного выпуска, где бы журналисты не задавали вопросов компетентным людям, не обращались к участникам различных событий, не интересовались мнением окружающих о тех или иных важных событиях»¹.

Именно в разговоре двух героев ярче всего проявляется проблематика эффективности речевых тактик журналиста. Потому интервью представляет интерес и для лингвистического анализа.

Речевая коммуникация может рассматриваться в аспекте общей стратегии (с точки зрения цели) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения)². Кроме того, лингвистический анализ медиатекста позволяет принять во внимание факторы, препятствующие достижению цели и порождающие коммуникативные

барьеры. В случае интервью об успехе либо неудаче применения журналистом тех или иных речевых тактик свидетельствует реакция гостя программы.

В данной статье анализ текстов интервью проводится с опорой на предложенную Т.И. Поповой классификацию речевых тактик³. *Тактика содействия* выявляется тогда, когда гость максимально полно и честно отвечает на вопросы ведущего. *Тактика противодействия* – отказ отвечать на вопрос, *тактика уклонения* – неточный и неполный ответ. Тактика уклонения, в свою очередь, делится на несколько групп: 1) тактика общих фраз; 2) тактика предоставления неполной информации; 3) тактика перевода ситуации из частной в общую; 4) тактика смены темы разговора.

В случае использования собеседником тактик противодействия и уклонения ведущий может применять, например, *тактику игнорирования уклонения от ответа*, *тактику выдвигения собственного предположения*, *тактику признания мотива отказа от ответа неуверенной*, *тактику обнародования скрываемой информации* и *тактику интерпретации информации собеседника*.

Эффективность речевых тактик журналиста рассмотрим на примере интервью с психологом Геннадием Чичкановым, которое вышло в прямом эфире на телеканале «Москва 24»⁴ в связи с убийством журналистки Ирины Кабановой. Интервью предварялось информационным сюжетом об этом преступлении, совершенном мужем жертвы.

В начале разговора ведущий Андрей Литвинов задал гостю вопрос: «Скажите, *вот* человек, который близок к этой семье, вы видели какие-то предпосылки... *Вот* что-то можно было увидеть, благодаря чему *траг...* *трагедию...* *трагедии* этой можно было избежать?». Обращает на себя внимание неуверенность журналиста. Вопрос формулируется с трудом. Заикаясь, А. Литвинов не может выговорить слово *трагедия* и грамотно просклонять его. Кроме того, в речи телеведущего несколько раз используется слово-паразит *вот*.

Г. Чичканов отказывается идти по логической цепочке, предложенной интервьюером, и уводит его в другом направлении: «Понимаете, у Ирины очень сложная судьба, надо начать с этого, *да?* ... Это была единственная семья, которая у нее была в жизни». Спикер дает понять, что журналист начал интервью не с того вопроса. И ему удается обозначить собственные ориентиры разговора. Можно предположить, что подобные поправки сразу же фиксируются и зрителями, что не лучшим образом сказывается на авторитете журналиста.

В данном случае ответ Г. Чичканова можно отнести к четвертой категории, выделенной Т.И. Поповой: гость, уклоняясь от ответа, использует *тактику смены темы разговора* и дает ответ на другой вопрос. Вместо того чтобы рассказать, каким образом трагедии можно было избежать, интервьюируемый начинает рассказывать предысторию.

Складывается впечатление, что в студии хозяин не интервьюер, а интервьюируемый. Это противоречит жанровым параметрам интервью, представляющего собой особый вид диалога, в котором журналист не просто оказывается посредником в передаче информации, а выступает фактически на равных со своим собеседником в процессе совместного творчества⁵. Такое интервью М.М. Лукина определяет как креативное. Жанровые законы интервью нарушаются в случае смены ролей, когда гость программы, как происходит в анализируемом примере, перехватывает инициативу.

Далее ведущий только подчеркивает доминирующую позицию гостя: «*Вот* вы сейчас видели в начале нашего выпуска сюжет моей коллеги Александры Корневой оооо... в котором мы показывали мужа Ирины, да? ...*Вот* как психолог, вы видели это интервью, он нормально держался. Как вы можете прокомментировать, *вот...* ааа...». А. Литвинов вновь слишком затягивает с формулировкой, и долгая пауза в середине предложения дает возможность гостю взять инициативу в свои руки и перебить ведущего: «С вашего позволения, я чуть раньше начну, чтобы хронологию соблюсти». Интервьюируемый отказывается формулировать собственное мнение и таким образом в очередной раз прибегает к тактике смены темы разговора.

Следует отметить, что в ходе интервью журналист ведет себя некорректно, постоянно перебивая спикера. Как указывает С.А. Муратов, если интервьюер «способен на полуслове прервать партнера по диалогу, не позволив ему закончить мысль, его нельзя считать профессионалом»⁶. Понятно, что длинные монологи в интервью недопустимы, но останавливать выступающего следует аккуратно, дождавись короткой паузы.

Ведущий предлагает: «Давайте вернемся все-таки в начало нашего разговора. Вы говорили, что вы общались очень плотно в конце декабря». В данном случае журналист использует *тактику интерпретации информации собеседника*. Прием оказывается неэффективным, поскольку Г. Чичканов опровергает прозвучавшее утверждение: «Нет, нет, я не говорил, что мы общались очень плотно. Это подруга общалась с ней очень плотно в конце декабря, а я общался чуть-чуть раньше».

Это пример коммуникативной ошибки ведущего, когда «недостаточная осведомленность журналиста в вопросах, затрагиваемых в ходе интервью, может привести к использованию неточного примера в качестве переформулировки, за которым последует указание интервьюируемого на неверность сделанного вывода, что свидетельствует о возникновении потенциально конфликтной ситуации»⁷.

Пытаясь наладить коммуникативное взаимодействие если не с собеседником, то со зрительской аудиторией, А. Литвинов применяет очередной тактический прием – он представляет зрителю факт, о котором собеседник не сообщал: «Зачем ему убивать свою жену, если они решили развестись?»

Но *тактика обнаружения скрываемой информации* не производит нужного эффекта. Гость делает акцент на первой части вопроса и, умело уводя внимание зрителя от темы развода, подчеркивает, что раздражен неоднократным возвращением журналиста к одним и тем же сюжетам: «Я еще раз повторю, мы с вами на этот вопрос уже ответили, *он это не планировал делать*. Понимаете, *он это делать не планировал, он не собирался*».

Чтобы быть услышанным, гость и сам неоднократно повторяет одну и ту же фразу: «он это не планировал делать», «он это делать не планировал», «он не собирался». Как считает С.А. Муратов, «присутствие культуры общения на экране, как правило, незаметно, зато ее отсутствие замечаешь сразу»⁸. И данный пример в очередной раз подтверждает слова исследователя. Среди критериев, говорящих об отсутствии профессионализма интервьюера, есть и такой: журналист «позволяет себе “не понять” собеседника или истолковывать в нужном для себя ключе его точку зрения»⁹.

Интересно, что и журналист демонстрирует неудовлетворенность течением диалога: он дважды повторяет: «*Я понял, я понял*, резюмируя нашу беседу, вообще-то вы склоняетесь к тому, что это людское безразличие друг к другу». Надо подчеркнуть, что словесные повторы, объяснимые и допустимые в высказываниях непрофессионала, приобретают особую функциональную нагрузку в речи журналиста. Подчеркивая с помощью повтора свое стремление быть услышанным, интервьюер допускает косвенную негативную оценку гостя: тот предстает перед зрителями как человек многословный и даже навязчивый.

В конце беседы Г. Чичканов говорит: «Да, но мы про детей не поговорили, очень жаль». Последняя фраза, произнесенная с разочарованием, дает понять зрителю, что гость остался недоволен

разговором. Известно, что, «соглашаясь на участие в передаче, любой человек исходит из каких-то своих мотивов, и журналист невольно обманет его ожидания, не предоставив возможности высказать мысли, наиболее важные»¹⁰. Поэтому в числе дополнительных задач, решаемых журналистом, можно назвать и задачу соответствия ожиданиям собеседника. Речевые тактики, избранные А. Литвиновым, исключили возможность достижения этой цели.

Уже в начале общения была понятна основная задача интервью – разобраться в причинах преступления. При этом интересы ведущего и гостя совпадали. Но в соответствии с Принципом Кооперации Г.П. Грайса¹¹, если в ходе разговора участникам не удалось достигнуть коммуникативной цели, а взаимодействие и взаимопонимание между ними отсутствовали, диалог можно признать прагматически неудачным.

О.С. Иссерс выделила два типа целей, которые преследует говорящий: «В первую очередь, он думает о результате своего сообщения и его эффективности, и в то же время он просчитывает “цену” разных подходов, которые в большей или меньшей степени соответствуют ситуации общения»¹². В данном случае можно сделать вывод о том, что речевые тактики, которые использовал ведущий, оказались неэффективными. Это в целом типично для речевой коммуникации. По мнению Д.Д. Морлея, в общении с точки зрения тактики (и такта) гораздо больше неудачных решений, чем удачных¹³. Но это не оправдывает журналиста. Ведь именно материалы массмедиа формируют вкусы аудитории и жизненные ценности, расставляют приоритеты и определяют особенности образа поведения, в том числе и речевого.

Примечания

- ¹ Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика: Учеб. 4-е изд. М.: МГУ, Высш. шк., 2002. С. 184.
- ² Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 9.
- ³ Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. С. 122. (Филол. исслед.)
- ⁴ Программа «Интервью». «Москва 24». 2013. 13 янв. 16:00.
- ⁵ Лукина М.М. Технология интервью: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 19.

- ⁶ *Муратов С.А.* Телевизионное общение в кадре и за кадром: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». М.: Аспект Пресс, 2003. С. 174.
- ⁷ *Красноперова Ю.В.* Дискурсивные стратегии участников интервью. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. С. 158.
- ⁸ *Муратов С.А.* Указ. соч. С. 174.
- ⁹ Там же. С. 175.
- ¹⁰ Там же. С. 66.
- ¹¹ *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- ¹² *Иссерс О.С.* Указ. соч. С. 9.
- ¹³ *Morley D.D.* Subjective message constructs: a theory of persuasion // Communication Monographs. 1997. V. 54. June. P. 183–203.

Библиография

М.П. Одесский

Рецензия на книгу:

Fitzsimons E. Wilde's women:

How Oscar Wilde was shaped by the women he knew.
New York; London: Overlook Duckworth, 2016. 372 p.

Элеонора Фицсаймонс – журналист, специалист по феминизму – выпустила монографию «Женщины Уайльда. Как Оскар Уайльд был сформирован женщинами, которых он знал». Используя многочисленные печатные источники, обращаясь к архивам, вступив в контакт с потомками О. Уайльда и его современников (в частности, создателя «Дракулы» Брэма Стокера, жену которого Флоренс Уайльд также околдовал), автор, пожалуй, впервые суммировала обильные материалы на эту завлекательную тему. Однако женщины здесь не столько самоценная тема, сколько подход к популярной теме «Как писатель У вышел в гении».

Фицсаймонс собирает данные об Уайльде-журналисте (в том числе – о руководстве журналом “The Woman’s World”, название которого он эффектно переделал из “The Lady’s World”, уйдя от викторианской назидательности), о том, как британская пресса воспринимала его произведения и эпатазирующее жизнестроительство. Особое внимание уделяется тому публицистическому контексту, в который попадали сочинения великого денди-парадоксалиста.

К примеру, театральным дебютом Уайльда стала драма с прологом и в четырех действиях – «Вера, или Нигилисты» (1880), в которой, как известно, отразились актуальные события русской истории. Писатель представляет условную Россию, а его Вера Сабурова – столь же условная заговорщица, которая планирует заколоть кинжалом царя-тирана и одновременно любит его. Но трудно было не узнать в ней другую Веру – народницу Засулич, в 1878 г. стрелявшую в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Начинающий драматург восхищается своей героиней и, очевидно,

ее прототипом. Казалось бы, английское общественное мнение не симпатизировало царской России, тем не менее на родине автора пьесу постигли цензурные неприятности, которые и анализирует Фицсаймонс.

Дело в том, что Уайльд воспринимал себя ирландцем, его мать Леди Джейн была видным ирландским писателем, а ирландские националисты так же, как русские социалисты, прибегали в борьбе с Лондоном к террору. Соответственно если передовица в “The Times” с возмущением предлагала мысленно представить покушение Засулич в Дублине, то “Dublin University Magazine” (среди подписчиков журнала были мать и сын Уайльды) с энтузиазмом восхвалял патриотическое деяние революционерки. Так что, хотя Уайльд обращался за поддержкой к актрисе Эллен Терри и другим знаменитостям, пьесу на сцену не выпустили. Более того, в 1881 г. народовольцами был убит император Александр II, и потому ходили слухи, что в запрет «Веры» вмешался сам наследник британского престола (кстати, новая российская императрица Мария Федоровна была родной сестрой его жены).

Уайльд составил хитроумный план перевести свою пьесу в США, где существовала влиятельная ирландская диаспора и даже своего рода база ирландских бомбистов. Он вступил в переговоры с актрисой Кларой Моррис (ее было принято сопоставлять с Сарой Бернар), но актриса отказалась. По мнению Фицсаймонс, причина отказа заключалась в том, что в 1881 г. неуравновешенный проситель смертельно ранил американского президента А. Гарфилда. Уайльд не сдался и передал «Веру» нью-йоркской актрисе Мэри Прескотт, которая – в отличие от Клары Моррис – увлеклась возможностью исполнить эффектную роль. Поначалу пьесу о нигилистке опять преследовали беды (почти комические): премьеру предназначали для Театра Бута, принадлежавшего Эдвину Буту – брату Джона Бута, застрелившего в 1865 г. А. Линкольна, но Бут как раз продал театр, а новый хозяин с помпой объявил, что переоборудует здание театра с одиозным именем в складское помещение.

Мэри Прескотт в конце концов добилась своего – в 1883 г. «Вера» была поставлена на сцене. Однако последовал полный провал, и журналисты единодушно объявили пьесу скучнейшей. “Punch” острил, что пьеса “Vera bad” – очень (“very”) плохая. Фицсаймонс меланхолично замечает, что хотя «Вера» бесспорно уступает позднейшим драматическим шедеврам Уайльда, она была ничуть не ниже тогдашней театральной продукции, а скорее – просто несчастливой. Впрочем, приведенный в монографии

материал позволяет предложить и еще одно объяснение: «Вера» оказалась вписанной в контекст мирового террора, а это уже было совсем не то же самое, что прославлять русскую нигилистку-революционерку.

«Феминистское» в подходе Фицсаймонс к ее теме выражается в том, что она уверена: если британская пресса не симпатизировала Уайльду, то поддержка влиятельных женщин обыкновенно способствовала его успехам. Однако даже Фицсаймонс констатирует, что в пору трагических испытаний, которые выпали на долю Уайльда, женщины от него отрекались в той же степени, что и мужчины.

Хроника

VIII Международная конференция
«Текстология и эдиционная практика:
посвящается 15-летию кафедры
литературной критики РГГУ»
в Институте массмедиа РГГУ (30 марта 2016 г.)

Конференция проходила в рамках «Гуманитарных чтений – 2016». Она продолжает академический проект, который реализуется в РГГУ с 2003 г. Отчет о предыдущей конференции, состоявшейся 12 мая 2015 г., опубликован в «Вестнике РГГУ» (2015. № 5. С. 135–136). Приятная специфика VIII конференции заключается в том, что она – юбилейная и приурочена к 15-летию кафедры литературной критики Института массмедиа.

Оргкомитет:

Киянская О.И., д-р ист. наук, профессор кафедры литературной критики

Спивак М.Л., д-р филол. наук, заслуженный деятель культуры РФ, зав. мемориальной квартирой Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина)

Бродская Е.В., канд. филол. наук, доцент кафедры литературной критики

Председатель: Одесский М.П., д-р филол. наук, профессор, завкафедрой литературной критики

Секретарь: Бродская Е.В., канд. филол. наук, доцент кафедры литературной критики

РГГУ, Главный корпус, ауд. 528
10.30–13.00

Д.П. Ивинский (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Ломоносов и Третьяковский: из комментария к «Гимну Бороде»

А.Г. Готовцева (РГГУ)

Амнистия декабристам: из комментариев к газетным и журнальным публикациям 1856 г.

О.И. Киянская (РГГУ)

«Личная жизнь писателя»: комментарий к биографии журналиста
Алексея Гарри

М.Л. Стивак (мемориальная квартира Андрея Белого, Государственный музей А.С. Пушкина)

Текстология и политический контекст статьи Андрея Белого «Утопия» (1920)

Э. Гаретто (Италия, Миланский университет)

Итальянские статьи А.В. Амфитеатрова о Международной выставке декоративных искусств в Милане (1927 г.)

И. Корин (Германия, Геттингенский университет)

Редакционная политика эстонского русскоязычного журнала «Новь» в 1920–1930-х гг.

13.30–16.00

М.П. Одесский (РГГУ)

Из исторического комментария к пьесе Л.М. Леонова «Метель»

Ю.Г. Бит-Юнан (РГГУ), *Д.М. Фельдман* (РГГУ)

Текстология сотрудничества: к вопросу о публикации романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» и очерка В.П. Некрасова «За двенадцать тысяч километров» в издательствах Русского Зарубежья

А.В. Нестеров (МГЛУ, РГГУ)

Москва как советский Рим (из иконографического комментария к советской живописи 1930-х гг.)

Е.В. Бродская (РГГУ)

Фильм Р.А. Быкова «Айболит-66»: к истории создания

Е.Н. Басовская (РГГУ)

Торжество Интернета, или Комментарии к комментариям (на материале Интернет-СМИ)

Abstracts

O. Afanasyeva

Axiological modality of journalistic texts:
following Ivan Ilyin bulletins “Our mission”

This work was performed as part of one of the latest trends in the study of media language – the axiological one. The article following material of the philosophical and journalistic sheets by Ivan Ilyin “Our mission” (“Nashi zadachi”) shows that one of the most important characteristics of a media text is axiological modality, due to the system of values of its creator. The lexical system of studied texts fully reflects axiological scale of the author of «Our mission» representing a strict hierarchy in lexical-semantic fields thus revealing the content of key concepts of I. Ilyin journalism.

Key words: axiological modality, journalistic text, I.A. Ilyin, “Our mission” (“Nashi zadachi”), freedom, thingness, love.

Yu. Bit-Yunan, D. Pashchenko

A letter of protest in the «Literaturnaya gazeta»
as a way to control soviet literature process

The pragmatic features of V. Shalamov’s protest letter (February 1972, “Literaturnaya gazeta”) are analyzed. Researching some emigrant press publications relating to the letter the authors identify the reasons of Shalamov being reproached by his friends and acquaintances, and his reputation being disrupted.

Key words: V. Shalamov, V. Voynovich, V. Grossman, “The Kolyma tales”, “Literaturnaya gazeta”, “Novy zhurnal”, “Possev”, “Grani”.

E. Brodskaya

Review of Rolan Bykov's film "Aybolit-66" in the soviet mass-media: some remarks on perception of movies for children in the USSR

The article studies the perception of children cinematography in USSR. "Aibolit-66" is a movie shot in the aesthetic unusual for Soviet audience. The Soviet press mostly approved of the movie; yet analyzing articles on R. Bykov's movie one can notice that most critics understood Bykov's experient as a movie for adult audience. Bykov in forms of irony and grotesque raises questions that were of current interest for soviet society.

Key words: soviet press, soviet movie, soviet society, R. Bykov.

D. Burygin

From the history of the russian emigrant journalism of the mid-twentieth century.
George Kennan and "The new review"

The article covers the history of support lent by US intelligence agencies to Russian émigré organizations and enterprises in the beginning of the 1950s. In particular, it describes the role of George F. Kennan in organizing the support for Chekhov Publishing House of the East European Fund and «The New Review». Using the ideas, which were articulated by George Kennan in an article published in «The New Review», it shows the concept of cooperation with Russian émigré community applied by the US government. The author concludes that the only mean of affecting the Soviet political regime chosen by the US government under the policy of "Containment" conditions was an ideological struggle, in which the key role was given to Russian post-revolutionary émigrés in the USA.

Key words: George F. Kennan, M.M. Karpovich. "The New Review", émigré, Ford Foundation, Cold War.

N. Kazakova

Towards a comprehending of the journalistic sense
of F.M. Dostoevsky's "Demons":
Petr Verkhovensky as an archetype

The article analyzes the protagonist of Dostoevsky's "Demons", Petr Verkhovensky, in a literary-historical context. The author turns to the biography of Sergey Nechaev, a revolutionary terrorist, and conducts a study of general typological traits inherent in those who preach for a new morality for the benefit of a revolution. Through the use of the Nechaev case materials, newspaper and magazine articles, and personal observations, Dostoevsky, as the author feels, created an archetype of the political radical (in the character of Petr Verkhovensky).

Key words: F. Dostoevsky, S. Nechaev, Petr Verkhovensky, the novel "Demons", revolutionary, terrorist, new morality, archetype, collective unconsciousness.

N. Makarova

Forms of interaction with alumni
in the system of journalism education

The article is devoted to modern approaches of integration graduates of the faculty of journalism to the curriculum of higher education. The author analysis such forms of interaction with alumni as participation in adaption week, interviews with graduate, master classes, coaching in workplace practices and their impact on the formation of competencies and the quality of education in general.

Key words: professional journalism education, competence approach, professional identity, education technologies.

A. Mityushova

A collision of interests: S. Alliluyeva's memoires
and E. Ginzburg's chronicle in English language reviews of 1967

The following piece is targeted at the analysis of British and American reviews of 1967 relating to S. Alliluyeva's "Twenty letters to a friend" and E. Ginzburg's "Into the whirlwind" (published in English

the same year in the West). The researcher restores some patterns of the evaluation of the books and concludes that both of them were regarded as constituent elements of the organic whole because of their both carrying some highly valuable information about Stalin's USSR. The books were also interpreted as linked since Ginzburg's memoirs depicted prison life of the Soviet Union, and Alliluyeva's evidence highlighted Soviet life from the inside.

Key words: E. Ginzburg, S. Alliluyeva, "Into the whirlwind", "Twenty letters to a friend", "prison writing", English press, English reviews.

N. Satsirova

The issue of reporters effective speech tactics in a televised interview: based on the channel "Moscow 24"

The article analyzes the verbal tactics used by the presenter of the programme "Interview", aired on the TV channel «Moscow 24», the efficiency of their use is being determined. The main objective of the study is to emphasize the issues connected with a journalist use of different speech tactics during interviews, and to identify the causes of communication failures.

Key words: interview, speech tactics, communication failure, televised speech.

D. Scherbakov

The novel "What is to be done?" by Nikolai Chernyshevsky in the assessment of publicists and critics of 1860s

The researcher analyzes the critical articles and publications of 1860s in which there is a review of the novel "What is to be done?". Based on these sources different opinions around the novel and Nikolai Chernyshevsky as a writer are grouped and differentiated. Question is raised: how one of the most popular and influential novels of that period could have caused so many negative reviews.

Key words: Nikolai Chernyshevsky, novel "What is to be done?", literary reputation, Russian journalism in the middle of XIX.

M. Spivak

The last minister of internal affairs A.D. Protopopov
in political writings of A. Blok and his contemporaries

The article discusses the perception of the personality and activities of the last tsarist Minister of internal affairs A.D. Protopopov by contemporaries. Much attention is paid to the image of Protopopov in the book by A. Blok "The Last Days of Imperial Power". The article analyzes an ambivalent attitude of the contemporaries to him and the comic aspect of the image of Protopopov in the memoirs and diaries of political figures and writers.

Key words: A. Blok, "The Last Days of Imperial Power", A. Protopopov, State Duma, February Revolution 1917, Russian Provisional government.

N. Tokareva

Publicism in the Spanish medieval writing
"The poem of Fernan Gonzales"

The author analyzes publicism's details in the Spanish medieval writing "The poem of Fernan Gonzales". The text of the poem telling about historical events of the X is analyzed with the account of realities of the time when it was written. The author's conclusion is that «The poem of Fernan Gonzales» not so much the reality of the X, as that of the XIII.

Key words: Ferdinand III of Castile, Fernan Gonzales, Spain, Castille, reconquest, moors.

D. Varlamova

To wards a debate on the women's issue in the XIX century:
the magazine of F. and M. Dostoevsky "Vremya"

The article deals with the publication of the journal of F.M. and M.M. Dostoevsky "Vremya" in which authors argue with other journals on the rights of women in Russia. The authors express the need to

discuss women's issues and recognize that it is a cause of contention among many progressive publications.

Key words: journalism, publicism, women's issue, women's debate, F. Dostoevsky, the magazine "Vremya".

V. Yarnykh

Educational quality evaluation at the Faculty of Journalism as global competition factor

Formation of the education quality evaluation system results affects many aspects of lives' graduates. Pledged in evaluation parameters affect the ability of graduates in the market of global market competition. A new combination of forms of external and internal evaluation of the quality of education is based on the European standards of accreditation of educational organizations and on a combination of individuality and uniformity of requirements can give additional opportunities for graduates in the global labor and educational environment.

Key words: evaluation of the quality of higher education, internal and external evaluation of the quality of the results, global competition in the labor market.

E. Yavorskaya

Odessa journalists in Oprodkomgub in 1920–1922: following materials of the state archive of Odessa region

This article is about the work of journalists in the early 1920s in Oprodkomgub (Odessa province special military Commission for supplying the Red Army with food). Oprodkomgub's archival funds allow to clarify the biographical data of the brightest representatives of the Odessa press, to bridge missing links in the picture of the Odessa literary life in the first years of Soviet power.

Key words: Oprodkomgub, K.G. Paustovsky, O.A. Inber, V.A. Reginin, D.P. Shirmaxer, magazine "Plug i molot".

A. Zhrebnoy

Magazine controversy between the magazines
“Blagonamerennyi” and “Moscow telegraph”
in the literary context of the 1810s – 1820s

Article is dedicated to a controversy between the editors of magazines “Blagonamerennyi” and «Moscow Telegraph» – A.E. Izmaylov and N.A. Polevoy. The reasons for the beginning of that controversy was the publication in “Blagonamerennyi” of critical material to the address of “Moscow Telegraph”, that led to the publication of polemical materials by both magazines. The controversy continued until the last issues of “Blagonamerennyi”.

Key words: A.E. Izmaylov, N.A. Polevoy, N.F. Ostolopov, “Blagonamerennyi”, “Moscow Telegraph”.

Сведения об авторах

Афанасьева Ольга Максимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа РГГУ, Olga.Afanacieva@mail.ru

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, bityunan@gmail.com

Бродская Евгения Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, eugenia.brodskaya@gmail.com

Бурьгин Даниил Валерьевич – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, d.v.burygin@gmail.com

Варламова Дарина Валерьевна – соискатель кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, darinatiko@yandex.ru

Жеребнов Антон Андреевич – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, a.zherebnov@gmail.com

Казакова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, адъюнкт-доцент кафедры славянских языков и литератур Нью-Йоркского городского университета, Хантер колледж, nk105@hunter.cuny.edu

Макарова Наталия Яковлевна – кандидат педагогических наук, декан факультета журналистики Института массмедиа РГГУ, rsuh.makarova@gmail.com

Митюшова Алина Сергеевна – выпускница факультета журналистики РГГУ, alina.mityushova@gmail.com

Пащенко Дарья Олеговна – магистрант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, laissez@yandex.ru.

Сащирова Нина Александровна – аспирантка заочного отделения кафедры медиаречи факультета журналистики Института массмедиа РГГУ; ООО «Телеканал 360 Подмосковье», ведущая, satsirova@yandex.ru

Спивак Моника Львовна – доктор филологических наук, заведующий музеем «Мемориальная квартира Андрея Белого» (филиал Государственного музея А.С. Пушкина), monika_spivak@mail.ru

Токарева Наталия Михайловна – магистрант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, nataly.tokareva91@gmail.com

Щербаков Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, scherbakov.dmitri@gmail.com

Яворская Елена Леонидовна – заместитель директора по научной работе Одесского литературного музея (ОЛМ), yavors@i.ua

Ярных Вероника Игоревна – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой телевизионных, радио- и Интернет-технологий Института массмедиа РГГУ, член-корреспондент МАНЭБ vyarnykh@gmail.com

General data about the authors

Afanasyeva Olga M. – Ph.D. in Philology, associate professor of the Media Discourse Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, olga.afanacieva@mail.ru

Bit-Yunan Yury G. – Ph.D. in Philology, associate professor of the Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, bityunan@gmail.com

Brodskaya Eugenia V. – Ph.D. in Philology, associate professor of the Literary Criticism Department, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, eugenia.brodskaya@gmail.com

Burygin Daniil V. – postgraduate student, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, d.v.burygin@gmail.com

Kazakova Natalya Yu. – Ph.D. in Philology, associate professor of the Slavic Department, City University of New York, Hunter College, nk105@hunter.cuny.edu

Makarova Natalya Ya. – Ph.D. in Pedagogics, dean, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, rsuh.makarova@gmail.com

Mityushova Alina S. – graduate, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, alina.mityushova@gmail.com

Pashchenko Darya O. – master student, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, laissez@yandex.ru.

Satsirova Nina A. – postgraduate student, Media Speech Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities; Television channel “360 Podmoskovie”, TV presenter, satsirova@yandex.ru

Scherbakov Dmitry A. – postgraduate student, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, scherbakov.dmitri@gmail.com

Spivak Monika L. – Dr. in Philology, Director, Andrej Bely Museum (Moscow), monika_spivak@mail.ru

Tokareva Natalya M. – master student, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, nataly.tokareva91@gmail.com

Varlamova Darina V. – applicant, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, darinatiko@yandex.ru

Yarnykh Veronika I. – Ph.D. in Economics, head, Television, Radio and Internet-technologies Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, vyarnykh@gmail.com

Yavorskaya Elena L. – deputy director, Literary Museum (Odessa), yavors@i.ua

Zherebnov Anton A. – postgraduate student, Literary Criticism Department, Faculty of Journalism, Mass Media Institute, Russian State University for the Humanities, a.zherebnov@gmail.com

Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Т.Ю. Журавлева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 08.08.2016.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,2.
Тираж 1050 экз. Заказ № 84

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!